

ИСТОРИЧЕСКИЕ Силуэты

ЖЕНЫ И ЛЮБОВНИЦЫ НАЦИСТОВ

С.ПРОСТАКОВ

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ»

С. Простаков

**ЖЕНЫ И ЛЮБОВНИЦЫ
НАЦИСТОВ**

**РОСТОВ-НА-ДОНУ
«ФЕНИКС»
2000**

ББК 63.3(2)
П 82

П 82 **Простаков С. В.**

Жены и любовницы нацистов. Серия «Исторические силуэты». Ростов-на-Дону: «Феникс», 2000. – 352 с.

В книге показана роль женщин не только в личной жизни партийной элиты НСДАП, но и в становлении самого нацизма в Германии.

Для широкого круга читателей.

ISBN 5-222-00983-1

ББК 63.3(2)

© Простаков С., 2000
© Оформление: издательство
«Феникс», 2000

Содержание

Нацисты и женщины Третьего рейха	5
Магда Геббельс	41
Карин Геринг	109
Эмми Геринг	161
Лени Рифеншталь	211
Гели Раубаль	257
Ева Браун	280
Генриетта фон Ширах	319
И не только Гели, Ева и.....	335
Список литературы	350

Нацисты и женщины Третьего рейха

Во все времена одной из характеристик мужчины являлась женщина, с которой он связал свою судьбу. Поэтому в биографиях всех известных личностей обязательно говорится о том, кто была его супруга и что представляла из себя как человек. Так что нет ничего удивительного в том, что существует интерес к женам лидеров НСДАП, людям, занимавшим самое высокое положение в Третьем рейхе. Из называли «Первые леди Германии». Они не просто диктовали моду и создавали светские салоны. Они оказали и определенное воздействие на решения, которые принимали их супруги.

Вряд ли можно предположить, что Гиммлер, Гебельс и Геринг никогда не обсуждали с женами свои проблемы, не делились мыслями и надеждами. Эти женщины знали о происходящем в Германии гораздо больше, чем зарубежные аналитики. И как любая жена, первые леди Рейха высказывали свое мнение, предлагали свои решения проблем или просто предлагали супругам поступить определенным образом.

Стоит обратить внимание на взаимосвязь между психологией масс и различными формами тоталитаризма. «Дойчес Рейхсгазетблatt» (официальная газета, в которой сообщалось о новых законах), 13 апреля 1935 года

извещала: «В соответствии с Постановлением от 4 февраля 1933 года издание «В чем заключается классовое сознание» Эрнста Парелла (псевдоним Райха), «Диалектический материализм и психоанализ» Вильгельма Райха, № 1 и № 2 политико-психологической серии «Издатели за сексуальную политику» (Копенгаген–Прага–Цюрих), а также все остальные публикации, которые должны появиться в этой серии, подлежат конфискации и изъятию из обращения силами прусской полиции, поскольку они представляют опасность для порядка и общественной безопасности. 41230/35 П 2 В 1 Берлин. 9/4/35 Гестапо».

Эти книги представляли опасность для нацизма уже тем, что позволяли понять психологический мотив всенародной любви к НСДАП и обожествления самого Гитлера. Райх считал, что тоталитарное государство подавляет естественные, прежде всего – сексуальные, влечения человека. Оно вытесняет желания в область бессознательного влечения и превращает человека в существо, неспособное к сопротивлению и готовое выполнить любой приказ своего «фюрера».

В Германии при общей сексуальной закрепощенности народа произошли события, которые в один голос предсказывали все психологи от Райха до Фромма. Гитлер стал персонифицироваться с Мужчиной, Мужем всех германских женщин, Отцом всего народа. Это привело к тотальному и всеобъемлющему поклонению своему идолу. Мысль о возможном неповиновении в этом случае становилась просто недопустимой. В первую очередь это относится к среднему

классу, для которого Гитлер стал воплощением многих его комплексов.

Авторитарное положение отца отражало его отношение к народу и политическую роль, которую он играл в государстве. Отец занимает в семье такое же положение, как начальник в производственном процессе. В своих детях такие люди, по мнению Райха, воспроизводят свое раболепное отношение к начальству. Именно благодаря этим условиям возникает пассивно-сервильное отношение мелкого буржуа к фигуре фюрера. Гитлер не мог это проанализировать, но он чувствовал, что должен относиться к народу как отец, определяя его как женское начало.

В «Майн кампф» он писал: *«По своей природе и мировоззрению народ в подавляющем большинстве настолько женственен, что его мысли и поступки больше определяются эмоциями, чем доводами здравого смысла. Душа народа в высшей степени проста и цельна. Для нее не существует множества оттенков. Она не признает никакой половинчатости. Для нее существует только настоящее и ненастоящее, любовь и ненависть, правильное и неправильное, правда и ложь».*

Йозеф Геббельс разделял отношение Гитлера к стране, как к женщине и матери. Он в 1932 году выбрал в качестве девиза фразу: «Никогда не забывай, что твоя страна – это твоя мать». В одной из брошюр он писал, объясняя «еврейский вопрос»: *«Если кто-нибудь ударит кнутом вашу мать по лицу, разве вы станете его благодарить? Разве он человек? Тот, кто так поступает – не человек. Это скот! Сколько же тяжелых*

страданий причинил и причиняет евреи нашей матери Германии!»

Комментируя поступки Гитлера, Вильгельм Райх писал о том, что борьба авторитарного общества против детской и подростковой сексуальности осуществляется в рамках авторитарной семьи, которая является лучшей формой организации для успешного ведения этой борьбы.

Не отдавая себе отчета в том, что он делал, Гитлер старательно подавлял женскую и подростковую сексуальность, которая в результате оказывалась направленной именно на него. Несколько психоаналитиков даже утверждали, что девочки-подростки, когда при виде Гитлера вскидывали руку в нацистском приветствии и кричали: «Хайль!», испытывали самый настоящий оргазм. В это верится с трудом, но фюрер достиг многого на поприще вытеснения сексуальной непокорности. Он добился того, что в народе, особенно среди женщин и подростков, именно его фигура персонифицировалась с основной эмоциональной формой авторитета.

Фюрер мятежного среднего класса Германии и сам был сыном государственного служащего. Конфликт в семье, когда отец требовал от сына, чтобы он стал служащим, а сам Адольф Гитлер мечтал о карьере художника, привел к откровенной конфронтации. Впоследствии на эту проблему наложили отпечаток еще и финансовые проблемы будущего фюрера и отца народа. Одновременно в душе сына навсегда сохранилось почитание отца и признание его авторитета.

Вильгельм Райх замечал по этому поводу, что «амбивалентное отношение к авторитету – сочетание не-повиновения с признанием авторитета и повиновением – является одной из основных особенностей любой личностной структуры среднего класса, начиная с периода полового созревания и кончая совершеннолетием, и находит особенно отчетливое выражение у лиц, жизнь которых проходит в материально стесненных обстоятельствах».

При этом Гитлер поклонялся матери как божеству. В «Майн кампф» он признался, что плакал единственный раз в жизни: когда умерла его мать. В его рассуждениях отчетливо проступает невротическое поклонение матери и неприятие секса, которое вызвано или перенесенным сифилисом, или страхом заболеть. Поэтому всю жизнь он боялся отношений с женщинами. Вопрос, болел ли он сифилисом, остается открытым, мнения расходятся. Приверженцев каждой из теорий примерно поровну. Отпечаток, конечно, наложила и мать. Все женщины, которые были выше его по материальному положению или происхождению, ассоциировались у него с недосягаемой матерью. Естественно, что в этом случае и речи не могло быть о сексе с ними.

В «Анатомии человеческой деструктивности» Эрих Фромм пишет, что женщины, возбуждавшие интерес Гитлера, принадлежали к двум категориям, которые кардинально различались между собой по социальному статусу. Эти были либо респектабельные дамы из высшего света, актрисы, вызывавшие у Гитлера почитание как матери, к которым он относился с немым обожанием,

либо простые женщины, которые по социальному уровню были ровней фюреру, а идеальный вариант, – если они стояли ниже его на иерархической социальной лестнице. Именно с последними и могли происходить сексуальные контакты.

От первых он получал многочисленные подарки, в основном, для партии. Они действительно в какой-то степени становились матерями, которые заботились о Гитлере и как истинные матери любили его вне зависимости от того, что он делал. В 1926 году, когда НСДАП находилась на грани банкротства, он обратился за помощью именно к женщине. Сам он рассказывал о том времени так: «*Банкротства было не перенести, лучше пулю в лоб. В последний момент появилась наша дорогая фрау Брукман и пришла на помощь.*» Она познакомила лидера партии с влиятельным и богатым промышленником Эмилем Кирдорфом, который и спас положение. Но Гитлер не брезговал и небольшими подачками. Например, муж Эльзы Брукман, урожденной принцессы Кантакуцене, известный издатель Хugo Брукман оплачивал Адольфу Гитлеру квартиру в Мюнхене. Гитлер не стеснялся и брал от женщин все, что они предлагали. Об этом свидетельствует одно из писем все той же фрау Брукман: «*Дорогой господин Гитлер! Я могу заложить свои ручные часы. Не хотели бы Вы их использовать для своих нужд? Можете зайти завтра или в четверг, чтобы заодно присмотреть необходимую Вам мебель...»*

Как-то Гитлер оставил в виде залога в суде «*изумрудный кулон с плетенками и бриллиантами, брилли-*

автовое кольцо, венецианский остроконечный рельеф и испанский чехол для рояля из красного шелка». Естественно, что он сам не мог являться хозяином всех этих вещей. Они были подарками различных почитательниц фюрера.

С женщинами этой группы и речи не могло быть о сексе. Хотя бы потому, что, персонифицируясь с матерью, они являлись для Адольфа Гитлера сексуально непрятательными фигурами. Он мог отдаваться им во власть только с чисто мазохистским удовольствием. Например, жена Эриста Ганфштэнгеля рассказывала о таком случае, произошедшем в их загородном доме недалеко от Мюнхена. Когда ее муж вышел из комнаты, Гитлер упал перед ней на колени, назвал себя ее рабом и стал сетовать на судьбу за то, что она слишком поздно подарила ему горькое и вместе с тем сладкое переживание от встречи с ней. По словам женщины, он вел себя, как маленький ребенок, положив голову ей на колени. Забавно, но женщина в первую очередь думала не о себе. Она говорила потом: «*Было бы ужасно, если бы кто-то вошел в комнату. Унизительно для него.*»

Однако Эрих Фромм считает Эриста Ганфштэнгеля ненадежным свидетелем, утверждая, что в своей биографии он пытается представить себя как человека, который старался, как мог, оказать благотворное влияние на Гитлера, а затем, сразу после разрыва с ним, стал «советником» президента Рузвельта. Он допускает только одну возможность для того, чтобы считать свидетельства объективными: «*Приводимые им сведения об отношениях*

Гитлера с женщинами в основном, наверно, могут заслуживать доверия, ибо эта тема впрямую не связана с его попытками представить себя как важную политическую персону».

Еще одну сцену откровенного мазохизма описал в 1943 году бывший директор знаменитой в прошлом актрисы Ренаты Мюллер А. Цайсслер. По его словам, сцена имела место в 1935 году в рейхсканцелярии. Со слов самой актрисы, она выглядела так: «Рената была уверена в том, что он (Гитлер) собирается вступить с ней в интимную связь. Они разделись и уже совсем собрались было отправиться в постель, когда он бросился на пол и потребовал, чтобы она на него наступила. Она запротестовала, но он продолжал настаивать, называя себя недостойным, осыпая себя обвинениями и мученически извиваясь перед ней. Эта сцена была для нее невыносима, и в конце концов она уступила его желаниям и стала топтать его ногами. Это очень возбуждало его, он просил еще и еще и при этом все время говорил, что не заслуживает этого и не стоит даже того, чтобы находиться с ней в одной комнате. Чем больше она его топтала, тем больше он возбуждался». Этот документ был найден в архивах рейхсканцелярии историком Вальтером Лангером уже в 1972 году.

Подобные сцены не редкость для Гитлера. Свидетели его отношений с Евой Браун в один голос говорят о том, что и Еве приходилось топтать своего кумира. Гитлер любил повторять, что понять истинное величие можно только тогда, когда ты сам бывал растоптаным. Мазохистские стремления сочетались с неприятием женщин.

Рената Мюллер под давлением фюрера в 1936 году покончила с собой, выбросившись из окна.

Многие исследователи обращали внимание на то, что почти все любовницы Адольфа Гитлера покончили с собой, причем в основной массе случаев еще до начала войны. Мария Райтер из Берхтесгадена, любившая Гитлера до сумасшествия, пыталась повеситься, когда Гитлер отказался на ней жениться, предложив просто сожительствовать. Этот факт был зафиксирован еще в 1927 году. Подобные попытки самоубийства, в основном удачные, предприняли венка Зузи Липтауэр, леди Юнити Митфорд и дочь американского посла в Берлине Марта Додд. Но только два самоубийства как-то тронули Гитлера. Он тяжело воспринял весть о смерти своей племянницы Гели Раубаль и бывшей актрисы Инги Лей, жены партийного босса НСДАП Роберта Лея. В 1943 году она выбросилась из окна, оставив фюреру письмо, которое, как говорят, глубоко его потрясло.

И хотя сам Гитлер проявлял в отношениях с женщинами редкостную робость, даже Ева Браун дважды пыталась покончить жизнь самоубийством. Свой основной сексуальный опыт Гитлер приобрел во время службы в армии, когда его часть находилась до 1913 года в Вене. В одном из разговоров в 1942 году фюрер упомянул, что «*лишь в армии узнал о многих девчонках, в основном офицантках, которые к тому моменту уже были матерями внебрачных детей*». Но после войны, вернувшись в Мюнхен, он приобрел славу настоящего бабника. По свидетельству приятелей, его называли «королем Мюнхена», самые красивые женщины были у его

ног. Может быть, это и верно, но противоречит мнению многих исследователей. Иоганна Вольф, работавшая его личным секретарем с 1929 года, утверждает, что ей было неизвестно о его дружбе с кем бы то ни было. По ее словам, он был замкнутый человек. Да и дневники Геббельса говорят о том, что Гитлер старался, приходя в светские салоны, не вести с дамами фривольные разговоры, которые могли привести к флирту. Правда, газета «Мюнхен пост» от 3 апреля 1923 года писала, что «втрескавшиеся в Гитлера бабы» занимали или дарили ему деньги, чтобы обеспечить себе его благорасположение. Спустя ровно полгода Гитлер разгромил издательство газеты руками своих боевиков, не преминув напомнить, из-за чего именно. Психолог Ганс-Юрген Айтнер считает, что Гитлер обладал стандартным набором черт *«типичного гиперсенситивного нарцисса, бессовестно создававшего дистанцию между собой и людьми»*. Видимо, Гитлер действительно комплексовал в присутствии женщин, но, преследуя какие-то меркантильные цели, мог перебороть себя и сделать все необходимое для того, чтобы обеспечить сначала себя, а потом и НСДАП финансовыми вливаниями.

Есть еще одна любопытная версия, которая может частично объяснить ту старательность, с которой в зрелые годы Адольф Гитлер избегал контактов с женщинами. В. Мазер и Ж. Бросс, хотя и признают, что не располагают прямыми свидетельствами, тем не менее, настаивают на том, что у Гитлера были устойчивые гомосексуальные наклонности, поскольку в его личности

присутствовали параноидальные тенденции. Это утверждение основывается на фрейдовском допущении тесной связи между паранойей и бессознательной предрасположенностью к гомосексуализму.

Существовала еще одна версия о том, почему именно Гитлер не мог или не хотел заниматься физической любовью с женщинами. Правда, доктор Мазер считает ее абсурдной. Тем не менее, если основываться на высказываниях лейб-медика Адольфа Гитлера доктора Мореля, то у фюрера было только одно яичко. Эта версия, несмотря на всю свою парадоксальность, имеет под собой определенные факты, подтверждающие ее.

Еще в 20-е годы мюнхенский уролог профессор И. Кильлейтнер поставил Гитлеру этот диагноз. Профессор уже ничем не мог помочь своему пациенту. Можно предположить, что речь идет о заболевании, известном как крипторхизм, при котором в процессе развития плода мужского пола одно яичко остается в тазовом канале. При вскрытии, кстати, диагноз подтвердился. В детстве у ребенка этот дефект устраниить было крайне просто. Для этого требуется очень незначительное хирургическое вмешательство, которое, как правило, потом не дает осложнений и позволяет вести полноценную половую жизнь. Однако после 25–30 лет такую операцию уже не делают.

Все эти домыслы опровергаются одной-единственной фразой самой Евы Браун. Она как-то в приступе истерики сказала подруге: «Я нужна ему только для определенных целей... иначе невозможно... Если он говорит о любви, то имеет в виду только этот момент».

Судить именно об интимно-половых отношениях Гитлера с женщинами довольно затруднительно. Хотя бы потому, что все данные, которыми приходится оперировать, являются косвенными. Можно с уверенностью говорить только о том, что помимо женщин, к которым он испытывал чисто сыновние чувства, были и другие, которых Гитлер любил физически, но при этом старался всячески унизить, чтобы показать им свое величие и значимость. К ним относились в основном хорошеные, молодые и желательно полногрудые женщины. Они всегда оставались на заднем плане, в тени своего возлюбленного. При этом Гитлер всегда старался им продемонстрировать свое пренебрежение. Например, он старался не покупать лично подарки. Еве он всегда дарил дежурный букет цветов и какую-нибудь дешевую бижутерию, причем за подарками посыпал либо своего шоferа, либо адъютанта.

Из воспоминаний Эриста Ганфштенгля («Путци») можно узнать достаточно много интересных подробностей о сексуальной жизни Гитлера, хотя приводимых им фактов откровенно недостаточно, чтобы говорить о полной картине. Однако, на основании некоторых фактов, можно согласиться с тем выводом, который сделал Эрих Фромм об особенностях сексуальных привычек фюрера. Психоаналитик утверждает, что *«природа сексуальных интересов холодного, робкого человека с садистскими и деструктивными наклонностями, подобного Гитлеру, была в основном извращенной... и его сексуальные желания в отношении женщин социально более низкого типа в основном сводились к «уайеристским, с анально-садистским оттенком»*. Глава

НСДАП обожал разглядывать женщин. Существуют многочисленные свидетельства того, что ему очень часто приводили женщин, которых он раздевал и мог подолгу рассматривать. Коснулась эта мания и Гели Раубаль и Евы Браун.

Воспоминания Франца Ксавера Шварца, бывшего казначея НСДАП, позволяют говорить о том, что Гитлер подвергался шантажу со стороны некоего человека, который смог заполучить многочисленные рисунки нациста, где Гели изображалась в таких позах, на которые бы не решились и самые низкопробные натурщицы. Как-то и Ева Браун жаловалась своей подруге, что фюрер часто заставляет ее позировать в различных позах, обычно – крайне неприличных. Хотя в случае с Гели – Гитлер не ограничивался только разглядыванием ее тела.

Если верить Норберту Бромбергу, то «*для получения полного сексуального удовлетворения Гитлеру было необходимо, чтобы женщина, сидя на корточках над его головой, помочилась ему на лицо*». В медицине подобное извращение называется уролагнией. При нем проявляется повышенный интерес ко всему, что связано с мочеиспусканием. Это говорит и о переплетеении в человеке садиста и мазохиста.

Вальтер Лангер, в свою очередь, составляя психограмму Гитлера, обращал внимание на перенос сексуального инстинкта на органы, которые обычно являются лишь опосредованными сексуальными символами. Если таким заменителем становится глаз, то *именно* созерцание становится основным сексуальным действием,

доставляющим удовольствие. Судя по всему, именно это произошло с Гитлером.

Еще в первые «годы борьбы» к нему в Берхтесгаден привозили молоденьких девушек, которых он разглядывал в обнаженном виде. Позже, став лидером НСДАП, он часто наблюдал за стриптизом в бинокль, стесняясь быть замеченным в первом ряду получающими удовольствие от созерцания мужчин. Существует мнение, что именно болезнь сифилисом в свое время спровоцировала развившийся страх перед половыми органами. Он предпочитал не действовать, а разглядывать. Причем, желательно, сзади. Рем, сам гомосексуалист, заметил как-то по этому поводу: «*Он думает о деревенских девках, когда они, работая в поле, наклоняются так, что можно видеть их задницы. Вот что ему нравится, особенно если они большие и круглые. Вот это половая жизнь Гитлера. Ну и мужик!*»

Склонность к вегетарианству, которую исследователи обожают обсуждать, можно объяснить достаточно интересным свидетельством Рудольфа Гесса. Он утверждает, что после того, как Гели Раубаль 17 сентября 1931 года покончила с собой, выстрелив из пистолета в сердце, Гитлер пытался свести с жизнью счеты. Потом, несколько раз побывав инкогнито на ее могиле, он в качестве наказания для самого себя отказался от животных мясных белков.

Во время президентских выборов в 1932 году Адольф Гитлер всячески старался превознести роль женщины, хотя оставлял за ней право только помогать

товарищу завести семью. При этом он всячески избегал попыток женить себя или завести ребенка. Панический страх перед браком он смог преодолеть только перед самой смертью, узаконив свои отношения с Евой Браун. Хотя это скорее был акт проявления благодарности за все, что эта женщина для него сделала.

В беседах фюрер очень часто говорил о том, что каждый великий человек должен держать около себя несколько женщин, которые будут предназначаться только для удовлетворения его сексуальных потребностей. Он подчеркивал, что относиться к женщине нужно как к совершенно бесправному и несовершеннолетнему ребенку, без всяческого внутреннего к ней участия и тем более привязанности. Чувства ответственности по отношению к сексуальной игрушке Гитлер не допускал в принципе.

Гитлер не стеснялся высказывать свою точку зрения на женщин даже при Еве Браун. Альберт Шпеер подтверждал, что неоднократно был тому свидетелем: «*В общем-то, ее чувства не особенно заботили его, он почти не обращал внимания на ее присутствие. Он не стесняясь, говорил при ней о своем отношении к женщине: очень умный человек должен брать в жены примитивную и глупую женщину.*

Как-то, опять же при Еве, Гитлер заявил, что мужчина «должен уметь наложить на любую девушку отпечаток своей личности». Мол, ей ничего другого и не нужно. Надо признать, что Ева полностью подчинила себя Гитлеру, поэтому такое высказывание было верно, по крайней мере, в их отношениях. Еве оставалось

только покорно пытаться угадать любое желание Гитлера, что она делала.

Фюрер никогда не собирался жениться и еще по одной причине. Он четко понимал, что как холостой мужчина сохраняет гораздо больше притягательности для тех женщин Германии, для которых стал символом самого лучшего мужчины в Германии. Боясь потерять свою привлекательность, а значит и влияние на женщин, фюрер избегал брака даже тогда, когда его возлюбленная пыталась в знак протеста покончить жизнь самоубийством. Ее эмоции и мысли мало трогали человека, погруженного в собственный нарциссизм.

Патологический нарциссизм Адольфа Гитлера отвергал все, что могло бросить на него хоть какую-то тень. Это касалось даже мелочей. Например, он стеснялся своей фигуры и даже перед Евой старался не появляться в плавках, чтобы своим внешним видом не уронить собственного гипертрофированного достоинства. По этой же причине он избегал занятий спортом.

Гитлера пугали и последствия брака. Он и в мыслях не мог допустить рождения ребенка, наследника. «*Не хватало мне еще только жены, чтобы своей болтовней она отвлекала меня от работы! Я никогда бы не смог жениться. А если дети, какие проблемы! В конце она попытается бы еще объявить сына моим приемником. Кроме того! У такого человека, как я, нет шансов ~~пож~~ получить достойного сына. Это почти закон в подобных случаях. Вот, смотрите, сын Гете – совсем никудышный человек!*»

Когда Гитлер произносил этот напыщенный монолог, он еще не знал, что уже является отцом. Об этом он никогда впоследствии и не упоминал. Но факт остается фактом: во время службы в армии один из его романов действительно окончился рождением ребенка.

Гитлер старался всегда угодить женщинам-матерям, которые субсидировали его партию, и старался отзываться о них восторженно. В свое время личный фотограф Генрих Гофман так описывал свое отношение к происходящему: «*Эти женщины были лучшими пропагандистами партии. Они убеждали своих мужей присоединяться к Гитлеру, жертвовали все свое свободное время, пылали политическим энтузиазмом.*» Фюрер невероятно хитро использовал симпатии своих женщин-соратниц. В то время как тупое и примитивное ядро партии провоцировало уличные драки и уничижало политических противников и оппонентов с помощью террора, фюрер играл — в основном перед женщинами в культурно-просветительских салонах — роль очаровательного австрийца, озабоченного судьбой родины. Он целовал женщинам ручки и вербовал в партию финансово состоятельных граждан Германии. Товарищи по НСДАП даже как-то упрекнули Гитлера, что он *«поставил общество красивых женщин выше своих обязанностей как руководителя партии».*

К материнским спутницам господина Вольфа, как обожал величать себя фюрер в салонах, принадлежала и вечно странствующая за своим кумиром баронесса Лили фон Абегт. Она постоянно передавала партии не только деньги, но и очень ценные произведения искусства из

своей частной коллекции. Гитлер упивался не только тем, что ему оказывали финансовую помощь, но и тем культом личности, который создали его поклонницы. По утверждению фюрера, термин «мой фюрер» запустили в народ именно они.

Удивительно, что женщины становились поклонницами партии, программа которой максимально ущемляла их права. Но фюрер мастерски манипулировал людьми, не оставляя им времени для того, чтобы задуматься о происходящем. Он просто затягивал их в силки своего обаяния и мог распоряжаться многими поклонницами, как марионетками. Уже в 1921 году общее собрание НСДАП постановило, что *«женщина никогда не может быть принята в руководство партии или в руководящий комитет»*. С одной стороны, партия заявляла о своих намерениях защищать всех жителей страны, с другой — тут же заявляла о том, что женщине нельзя доверять ни при каких обстоятельствах.

Во время дебатов о месте женщины в жизни германского народа Геббельс записал в своих дневниках: *«...горячие дебаты о женщине и ее задачах. Я занимаю очень реакционную позицию. Рождение и кормление детей являются основной задачей всей жизни женщины. Моя мать — женщина, которую я очень глубоко уважаю. И она так далека от образца интеллектуальности, но так близка к самой жизни. Сегодня женщины очень многому уделяют внимание, они больше не хотят рожать детей. Это называется эмансипацией. Нет, здесь я уже имею мужество защититься от террора официального мнения»*.

Сам Гитлер выразился чуть позже еще более безапелляционно: «Безалаберная женщина, которая вмешивается в политические дела, является для меня мерзостью. В 1924 году у меня появились женщины-политики: фрау фон Тройенфельс, Матильда фон Кемнитц (в замужестве Людендорф), они хотели стать членами рейхстага. Это становится совершенно невыносимым, особенно когда речь идет о военных вопросах! Ни в одном местном отделении партии женщинам нельзя позволять занять даже самую низшую должность... Я бы сказал, что 93 процента всех вопросов совещаний являются чисто мужскими делами, которые женщины не способны обсудить...» При этом Гитлер отдавал себе отчет в том, что многие его соратники по НСДАП присоединились к партии только под влиянием своих жен. И их активности на партийном поприще фюрер тоже обязан именно супругам своих помощников. Да и помошью самих жен Адольф Гитлер не пренебрегал. Например, врач Матильда фон Людендорфф корпела над текстами листовок и политических воззваний нацистов.

Однако в тот момент, когда понадобились голоса женщин на выборах в рейхstag, Гитлер забыл прежние высказывания и начал отстаивать уже другую концепцию положения женщины в Германии. НСДАП была вынуждена пойти на значительные уступки, чтобы привлечь к себе симпатии женской части избирателей. Геббельс, восхищенный ловким маневром своего шефа, писал 23 марта 1932 года: «Фюрер развивает совершенно новые мысли о положении женщины. Они имеют для последующей предвыборной борьбы выдающееся значение,

поэтому именно в этой области мы должны будем атаковать во время выборов. Женщина — товарищ мужчины по дому и работе. Она всегда была и будет оставаться такой. Мужчина — организатор, женщина — его помощник в жизни. Эти взгляды современны и отвечают желаниям немецкого народа».

Даже началом своей политической карьеры будущий диктатор полностью обязан женшине. Виктория фон Дирксен, будущая жена посла в Лондоне, в 1922 году смогла через своего возлюбленного договориться о выступлении Адольфа Гитлера в берлинском национальном клубе перед огромной и очень представительной аудиторией. Она же способствовала установлению контактов фюрера с националистическими кругами Северной Германии.

В 1935 году Гитлер усиленно искал контакты с англичанами, но имел весьма смутное представление об этой стране и ее политической структуре. Долгое время он лелеял надежду на англо-германский союз, который мог упрочить положение страны на арене международных отношений. И здесь ему помогла женщина — Унита Валькирия Митфорд. Она была одной из шести дочерей эксцентричного английского лорда Редесдам. Как и сестры, она интересовалась политикой. Ее сестра Диана симпатизировала английским фашистам, а Джессика — коммунистам. Униту привлек Гитлер. Она переехала в Германию. В 1934 году она приехала¹⁸ в Мюнхен, участвовала в съездах НСДАП и, наконец, смогла познакомиться и понравиться Адольфу Гитлеру: После этого она стала часто сопровождать его в поезд-

дках по стране. Гитлер стал для нее идолом. Она носила английскую форму фашистов, а на капоте своей машину укрепила свастику. Однако надежды на то, что Унита сможет организовать прямые контакты с Черчиллем, не увенчались успехом.

Судьба Униты сложилась крайне трагично. Третьего сентября 1939 года, узнав о том, что фюрер начал вторую мировую войну, Унита Валькирия Митфорд попыталась покончить с собой. Она выстрелила себе в висок, сидя на скамейке в Английском парке в Мюнхене. Поразительно, но, несмотря на то, что пуля осталась в черепной коробке, девушка не умерла. В Германии ни один врач не решился ее оперировать. Униту перевезли в Англию, где она прожила еще десять лет. Многие усматривали в этой попытке самоубийства любовные мотивы. Может быть, конечно, между ней и Гитлером была какая-то связь. Но, судя по дате, причиной неудачного самоубийства стало именно вторжение немецких войск в Польшу.

В 1936 году в «Азбуке национализма» Гитлер снова изменил свое публичное отношение к женщинам. Там уже писалось, что немецкая женщина – это живительное вино. Германский народ снова хочет иметь возле себя настоящих женщин, а не игрушку в руках мужчин. Фюрер провозглашал, что женщина должна быть достойна уважения, а не превращаться в тупую скотину.

На самом деле у нацистов просто уже не было выхода. Эмансипация набирала обороты. Приостановить или запретить этот процесс оказалось уже невозможно.

Женщины проникали и завоёвывали авторитет во многих профессиях, которые раньше считались чисто мужскими. Появились дамы-автогонщицы, организации спортивных летчиц и парашютисток. В Германии все чаще говорили о «современной женщине». Уже не считались редкостью дамы, имевшие ученую степень.

Одной из первых женщин, получивших ученую степень и ставших летчицами, называют инженера Мелитту Шиллер, по мужу – графиню Штауффенберг. Она стала командиром экипажа и испытывала самолеты, побывав в пике более 1500 раз. Второе место в команде «лидеров эмансипации» заняла Беата Кестлин, правда, уже во время второй мировой войны. Она начала как летчик-истребитель, а в 1943 году уже в чине капитана доставляла на фронт первые в мире реактивные самолеты. Замуж она вышла за своего летного инструктора Ганса Узе, который, будучи в должности командира эскадрильи, погиб в 1944 году.

Хотя Гитлер славился всевозможными колкими фразами в адрес женщин типа «*Если женщина начинает думать о сути бытия – это плохо*», сам фюрер предпочитал обращаться к специалистам не взирая на пол. Так, выбирая архитектора для оформления зданий на Оберзальцберге, он предпочел мужчинам талантливую женщину Герди Троост, владелицу большого строительно-архитектурного бюро. Снимая фильм о НСДАП, он также остановился на очень талантливой женщине, ставшей одним из самых известных режиссеров XX века, Лени Рифеншталь.

Личным пилотом Адольфа Гитлера тоже была женщина – Ханна Рейч. Будучи от природы настырной и

отважной, она без труда заняла место среди мужчин летчиков-испытателей Третьего рейха. В 1937 году фюрер лично вручил ей постановление о том, что она назначается первой в мире женщиной – командиром экипажа боевого самолета. В том же году она первой провела испытание вертолета. В 1938 году она получила значок военного летчика за испытание одного из первых вертолетов в ангаре. Полет в закрытом помещении считался просто чудом. На этом награды не закончились. Женоненавистник вынужден был признать ее заслуги в самолетостроении, и 5 ноября 1942 года Гитлер вручил Ханне Рейч Железный крест I степени, одну из высших наград нацистской Германии.

В 1943 году эта отважная женщина провела испытания самолета-ракеты, а потом, в апреле 1945 года, несколько раз летала в осажденный Берлин, сквозь плотный зенитный огонь военных частей СССР. После этого Гитлер несколько изменил свое отношение к женщинам. Он считал, что они по-прежнему не являются творческими личностями, но уж если Господь их награждает, то от души. В качестве примера он приводил Ханну Рейч и художницу Ангелику Кауфманн. Он признавал, что многие мужчины обязаны своей славой женщинам, которые находились рядом с ними.

Но все-таки, в основной своей массе, женщины Третьего рейха оставались всего лишь красивым украшением вечеров. Их присутствие зачастую было обязательным. В такие минуты Гитлер шутил, что место женщины на земле – возле прядлки, а ее главное оружие – столовая ложка. Надо признать, что для подобных

высказываний были основания. Почти никто из жен первых лиц партии не отличался утонченностью натурой, знатным происхождением и острым умом. Образование у многих подкачало. Может быть, именно это и раздражало Гитлера?

Ева Браун обожала появляться на приемах в обтягивающем платье, что в то время могло считаться дурным тоном. Маргарет Гиммлер, в прошлом медсестра, никогда не скрывала, что относится к мужу с полным презрением и не собирается всерьез принимать его политическую позицию и точку зрения. Эмми Геринг в свое время делала карьеру провинциальной актрисы, а Карин Геринг (первая супруга) была публичным агитатором и при каждой возможности пыталась прочесть лекцию о национал-социализме.

Магда Геббельс и вовсе поступала вопреки признанным нормам поведения, пытаясь официально проводить линию на признание за женщинами всех прав. Ее попытки уравнять в правах мужчин и женщин служили причиной многочисленных скандалов в семье. Об этом свидетельствуют дневниковые записи Геббельса. Например, от 15 августа 1931 года: «*В заключение разгорелись дебаты о женщине, вернее, о ее способностях. Магда в ярости набросилась на меня. Мы поссорились...*»

При этом нацисты очень ревностно относились к институту брака и семейным обязанностям. Трудно сказать, насколько в действительности они любили своих детей, но постоянно трезвоня о заботе о детях и нации, они были вынуждены вести себя соответствующим образом. Правда, только Герда Борман отвечала

сразу всем пунктам требований, предъявляемых идеальной женщине. Жена могущественного секретаря партии, она являлась еще и дочерью партайгеноссе, активиста партии. Мать девятерых детей, фанатично преданная мужу и фюреру, она воплотила все необходимые черты, которые должны были являться непременной основой для настоящей немецкой женщины. Однако абсолютно все именно с ней совершенно не считались и даже немного презирали.

Все высшие чины НСДАП вступили в брак, причем Гитлер, оставшийся единственным холостяком, не позволял никому разводиться, чтобы не бросать тень на партию. Супружество казалось крайне необходимым всем нацистам, особенно находящимся у власти. Ведь они в свое время заявили, что женитьба или замужество – единственно пристойное состояние человека. Пришлось подчиняться собственным правилам. За этим неукоснительно следил сам Адольф Гитлер. Одно из программных заявлений партии гласило, что женитьба необходима, поскольку стране нужны молодые люди, которые помогут ей в трудную минуту. Холостяцкий образ жизни не поощрялся.

Правда, споры о семье и детях иногда приводили и к скандалам. На одной из вечеринок 17 декабря 1935 года в доме Геббельсов Магда поспорила с Гитлером на тему о внебрачных детях. В тот день за столом собралось много артистов, которые придерживались весьма фривольной точки зрения. Магда возмутилась, что стало причиной большого скандала, поскольку фюрер вышел из себя и публично разорвался. Геббельс

констатировал отсутствие у жены чувства такта и наличие застарелых предрассудков. Поскольку стране нужны солдаты, то Гитлер неоднократно заявлял: «*Для меня женщина, родившая ребенка и заботящаяся о нем, стоит выше старой девы*».

В разговорах о детях нацисты иногда доходили до маразма. Например, Гиммлер предложил осуществить проект по воспитанию детей нордической расы. Он собирался их выращивать, забирая из неблагополучных семей или вывозя из СССР и других ненордических стран. Он даже попытался вовлечь свою идею в жизнь при полной поддержке со стороны Гитлера.

В дебаты о чистых материах и детях включилась и Герда Борман. Она заявила, что неплохо было бы издать закон, по которому истинные арийцы могли бы иметь несколько жен. Мотивировала она это тем, что из-за нехватки мужчин многие истинные арийские женщины остаются одиночками, не имея возможности завести ребенка от настоящего немца. Такая идея оказалась даже для Гитлера с Гиммлером слишком радикальной. Зато сам Мартин Борман с восторгом принял идею жены и официально завел себе еще несколько любовниц, заботясь о судьбе нации и ее будущем.

В 1943 году, правда, нацисты созрели для того, чтобы издать закон, по которому любая женщина до 35 лет обязана была родить четверых детей от арийских мужчин с абсолютно чистой кровью. Как только законная супруга рожала бы четвертого ребенка, ее муж переходил бы в другую семью, чтобы обеспечить потомство другой чистокровной немецкой женщине. Но война ока-

залась проигранной и этот проект, а также планируемые браки для получения «суперпотомства» канули в Лету.

Но как же такая патологическая личность, как Гитлер, могла являться чуть ли не сексуальным символом половины нации? Если уж мы говорили о том, что фюрер относился к стране, как к женщине, то можно перенести его отношение и на страну. Ведь по воспоминаниям современников, босс нацистской партии был невероятно обходительным и никогда не забывал послать даме букет цветов ко дню рождения. Обладая феноменальной памятью, Адольф Гитлер держал в голове десятки фактов и дат, чем всегда поражал собеседниц, припоминая мельчайшие подробности их прошлых встреч. Он ухаживал за дамами за столом, постоянно предлагал им чай и пирожные. Отличался он и тем, что никогда не садился прежде, чем садились дамы, даже его секретарша или машинистка.

В предисловии к немецкому изданию «Застольных разговоров» профессор Геттингенского университета Шрамм пишет: *«В кругу приближенных к нему людей бытовало убеждение, что шеф проявляет заботу об их благополучии, разделяет их радости и печали, что он, например, заранее думает о том, какой подарок человеку будет приятно получить на день рождения...»*

Гитлер притягивал к себе и своей непоколебимой уверенностью в собственной правоте. Он буквально излучал уверенность, давая понять, что он лучший лидер из возможных. Он обладал еще одним крайне важным для любого демагога даром: простотой слога.

Гитлер никогда не утруждал своих слушателей тонкостями интеллектуальных или моральных рассуждений. Он брал факты, которые могли подтвердить его тезисы, достаточно грубо выдергивал их из контекста и лепил один к другому. Для людей, не отягощенных критическим умом, его монологи звучали очень убедительно и не допускали различных толкований смысла. По словам А.Шпеера, Гитлер был блестящим актером и умел очень точно передавать мимику и интонации самых различных типажей. Он в совершенстве владел голосом и свободно вносил в свою речь необходимые модуляции, которыми достигал требуемого эффекта.

В беседах со студентами он оставался спокойным и рассудительным. Специальная манера речи предназначалась для общения с грубоватыми и простыми старыми мюнхенскими дружками. Он по-разному говорил с принцами и генералами, становился то уступчивым, то непримиримым.

Очень образно описывает его манеру выступать Отто Штрассер. «*Вот Гитлер входит в зал. Принюхивается. Минуту он размышляет, пытается почувствовать атмосферу, найти себя. Внезапно он взрывается: “Личность не принимается в расчет... Германия растоптана. Немцы должны объединиться...” Назавтра перед промышленниками вначале тоже чувство неуверенности, но: “Нация возрождается лишь усилиями личности. Массы слепы и тупы. Каждый из нас лидер, и Германия состоит из лидеров”. На женском митинге он выкрикивает: “Что я вам дал? Что дала вам национал-социалистическая партия? Мы*

дали вам Мужчину!» Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая коллективное бессознательное и выражая самые сокровенные желания аудитории. Он говорит людям то, что они хотят услышать».

Если говорить о способности Гитлера оказывать влияние на людей, нельзя умолчать о его знаменитых приступах гнева. Их внезапные вспышки сыграли огромную роль в формировании расхожего стереотипа, который особенное распространение получил за пределами Германии, и изображал фюрера в виде вечно разгневанного человека, орущего, не умеющего собой владеть. Надо сказать, что этот образ настолько далек от действительности, что его и рассматривать не стоит. Гитлер был совсем неплохим актером, хотя его и не приняли в свое время в театр, чего режиссер себе никогда не мог простить.

Основную массу времени, когда он не играл на публику, Гитлер оставался спокойным, милым и очень обаятельным человеком. О его сдержанности ходили легенды. Но когда он обращался с воззваниями и клеймил своих оппонентов, фюрер просто выходил из себя. Странно, но многим женщинам это нравилось, они пытались увидеть в этих вспышках агрессии сильную мужскую личность, неукротимый характер. Подсознательно они считали, что столь же яростен и активен он и в постели. Не будем забывать, что в определенной степени Гитлер являлся секс-символом части германского народа.

Армейский генерал Хайнц Гудериан так описывал своего фюрера в гневе: «С красным от гнева лицом,

поднятыми вверх кулаками, весь дрожа от ярости, он стоял передо мной, потеряв всякое самообладание... Он кричал все громче и громче, пока лицо его не перекосилось». Но как только фюрер увидел, что на генерала весь этот спектакль не произвел ни малейшего впечатления, он мгновенно успокоился, сел на место и предложил Гудериану продолжить свой доклад. Надо учитывать, что, по оценке многих психоаналитиков и психиатров, эмоциональный возраст Гитлера соответствовал уровню примерно шестилетнего ребенка.

Вот еще одно замечательное свидетельство Шпеера, проливающее свет на восприятие Гитлера толпой: «После драматических переговоров Гитлер любил высмеивать своих оппонентов. Однажды он описывал таким образом визит Шушнига 12 февраля 1939 года в Оберзальцберг. Он сказал, что, изобразив приступ гнева, он заставил австрийского канцлера понять всю серьезность ситуации и в конце концов уступить. Вероятно, многие из его широко известных истерических сцен были хорошо продуманным спектаклем. Вообще Гитлер на удивление хорошо владел собой. В те времена он терял самоконтроль всего несколько раз».

Способность хорошо запоминать цифры тоже играла на руку фюреру. Он мог назвать военным точное количество подводных лодок в гавани и на боевом посту, воспроизвести любые тактико-технические характеристики оружия. Они были в восторге от того, как сильно фюрер интересуется военным делом. На самом деле это была всего лишь механическая память. Эруди-

дения и знания Гитлера вообще заслуживают отдельного разговора.

Сам Гитлер, например, утверждал, что каждую ночь он прочитывает по новой серьезной книге и таким образом, начиная с 22-летнего возраста, успел изучить мировую литературу, историю, историю искусств, культуру, архитектуру и политические науки. Но скорее всего, он обладал обширнейшими отрывочными знаниями, почерпнутыми из книг, которые он когда-либо прочел. Например, фюрер утверждал, что изучал Талмуд и поэтому может судить о еврейском вопросе. Многие свидетельства доказывают, что Гитлер читал только антисемитскую литературу, где приводилось множество цитат из Моисеева пятикнижия. Именно ими и оперировал Гитлер, рассуждая о сущности еврейского вопроса. Гитлер действительно мог достаточно бойко разговаривать на любые темы. Это заметно по его «Застольным разговорам». Он без труда вдавался в проблемы палеонтологии, антропологии, любых областей истории, философии, религии, биологии и женской психологии. Правда, за этим стояла только внешняя оболочка. Своего мнения, основанного на анализе фактов, Гитлер не имел, зато настолько убежденно говорил, что мог ввести в заблуждение.

Не менее странным объектом народной любви и любви женщин стал и Генрих Гиммлер, которого Эрих Фромм охарактеризовал как «клинический случай анально-накопительского садизма». Он является отличным примером для характеристики злокачественного садистского характера, но никак уж не объектом тотальной

любви и страсти. И тем не менее факт остается фактом: человек, которого окрестили «кровавым пском Европы», мог завораживать публику и пользоваться благосклонностью женщин.

Самую лучшую характеристику этому человеку дал Карл Буркхардт, который в свое время был представителем Лиги наций в Данциге. На этого человека Гиммлер произвел крайне неприятное впечатление *«степенью своей подчиненности, какой-то узкойющей исполнительностью, нечеловеческой методичностью с некоторым элементом автомата»*. В этом описании Эрих Фромм усмотрел большинство черт, по которым можно угадать элементы садистской авторитарной личности. Он подчеркивал в Гиммлере умение подчиняться, его нечеловеческую бюрократическую тщательность и педантичность. Это вовсе не описание какого-то монстра или человека, ненавидящего саму жизнь. Нет, он был не таким – просто бездушный бюрократ, в руках которого оказалась возможность влиять на миллионы человеческих жизней. Целые народы представляли для него не личности, а просто единицы, которыми он бездушно оперировал в своих делах.

Данную характеристику подтверждают многие люди, которым приходилось сталкиваться с главой СС Третьего рейха. Например, национал-социалист доктор Альберт Кребс, которого в 1932 году исключили из партии, как-то в 1929 году провел шесть часов в вынужденной беседе с Гиммлером – они ехали в одном купе. По его словам, это время стало сущей пыткой из-за *«глупой и, в сущности, беспредметной болтовни, инициатором которой был Гиммлер... Его рассуждения были странной*

смесью из бравого вранья, мелкобуржуазной застольной болтовни и страстной проповеди сектанта. Навязчивость, с которой Гиммлер настаивал на поддержании беседы, очень характерна для личности садиста, как один из вариантов господства.

Вообще Гиммлеру давали характеристику многие люди. Видимо, они искренне не понимали, как такая серость и убожество может не только стоять почти на самой вершине власти, но еще и пользоваться всенародным авторитетом и любовью. Очень четкую и вместе с тем уничижительную характеристику дал этому человеку один из самых талантливых немецких генералов Хайнц Гудериан. «*Самым непроницаемым в свите Гитлера был рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Невзрачный человек, со всеми признаками низкого сословия, носил лицину простака. Он старался быть вежливым. По сравнению с Герингом он вел буквально спартанский образ жизни. Зато в фантазиях он не знал преград... После 20 июля Гиммлера мучило военное тщеславие. Оно заставляло его стать верховным главнокомандующим вспомогательной армии, а затем и верховным главнокомандующим группы войск. В военной области Гиммлер вначале потерпел полный крах. Его суждения о наших врагах можно назвать только детскими... У меня неоднократно была возможность заметить в нем недостаток чувства собственного «я» и полное отсутствие гражданского мужества в присутствии Гитлера*».

О его отношениях с женщинами известно очень не много, но их можно легко предугадать, зная его в юности по воспоминаниям одноклассников и просмотрев его

дневники. Особенно интересны те факты, которые касаются расторжения помолвки его старшего брата с невестой. Брат служил в регулярных частях, в то время как сам Генрих Гиммлер отсиживался дома. Одно время он завидовал офицерской карьере брата и даже попытался связать свою судьбу с воинской службой. Его мечты развеялись, когда он узнал, что набор юношей поедет не на офицерские курсы, а прямиком на Западный фронт. Генрих закатил истерику и потребовал, чтобы родители позаботились о нем.

Дома он заявил, что поступки невесты его брата он считает неэтичными, позорящими честь семьи, и настоял на разрыве помолвки. В свои 24 года он сумел подчинить себе всю семью и заставить ее действовать по его указке. При полном поклонении и почитании отца Генрих Гиммлер вырос классическим маменькиным сыном. Находясь в летнем военном лагере, он получил 23 письма за месяц, при этом постоянно жалуясь, что родители совершенно о нем забыли и не шлют вестей. Его одноклассники вспоминают о нем, как о странном и застенчивом юноше с вечно блуждающей на лице улыбкой.

Его полное подчинение отцу нашло свое место в отношениях с Гитлером. Он стал воплощением «отцовской фигуры» для Генриха Гиммлера. Однако даже это, казалось бы, слепое подчинение навсегда переплелось с карьеризмом расчетливого человека. Он всегда и везде искал себе выгоды. Гиммлер вечно завидовал более удачливым людям, что привело, по мнению Фромма, к развитию «витальной импотенции и, как следствие, же-

ланию унижать и уничтожать людей, которые добились в жизни большего, чем он сам».

Этот человек всегда был слабаком с манией величия. Об этом свидетельствует и то, как он прожил последние недели своей жизни. Когда стало понятно, что поражение в войне неизбежно, Генрих Гиммлер попытался через шведских посредников вступить в переговоры с западными державами. При этом его козырной картой стали судьбы и жизни тысячи евреев, находившихся в концентрационных лагерях. Гиммлер явно видел себя в качестве преемника фюрера в новой Германии и был страшно удивлен, когда переговоры зашли в тупик. Запад предложил ему единственно возможный вариант: он сдается в плен и отвечает за действия зондеркоманд СС во время второй мировой войны. Генрих Гиммлер, только что вероломно предавший своего фюрера, на которого прежде просто молился, оказался не в состоянии перенести ответ западных государств. Он сбрил усы, закрыл один глаз повязкой и в кителе фельдфебеля попытался бежать по фальшивому паспорту. Его арестовали и доставили в лагерь для военнонепледных.

Погубил шефа СС его нарциссизм. Он не выдержал существования в одной казарме с солдатами и потребовал, чтобы его отвели к начальнику лагеря, где гордо заявил, что он и есть Генрих Гиммлер. Но на этом его мужество и закончилось: он тут же раскусил ампулу с цианистым калием. А ведь всего несколько лет назад, в 1938 году, шеф гестапо гордо заявлял: «Я не понимаю людей, которые, надеясь избавиться

МАЈДА ЈЕЂЕЉС

от трудностей, способны расстаться с жизнью, как с грязной рубахой. Таких даже не стоит хоронить по-человечески».

Итак, лидерами одного из наиболее развитых европейских государств, развязавшими самую кровопролитную войну, стала группа людей, отягощенных всевозможными комплексами. Садисты, некрофилы, наркоманы – именно они стали объектами женских страстей в Германии Третьего рейха. Однако их спутницы жизни оказались совершенно иными, нежели можно было бы предположить.

Один из философов утверждал: «За спиной каждого известного мужчины стоит великая женщина». Ну и поскольку нет сомнения в том, что фашистские лидеры стали очень известными людьми, определенным образом повлиявшие на сегодняшний мир, то судьбы их жен представляют определенный интерес. Причем не только исторический, сколько обще-познавательный.

Трудно однозначно сказать, почему красивейшие женщины Германии связывали свои судьбы с наркоманами и неврастениками. Их поступки были мотивированы, прежде всего, внутренней верой в своих избранников. Может быть, то, что увлекало этих женщин, увлекло и весь германский народ, который привел НСДАП и Адольфа Гитлера к вершинам власти?

Интересны судьбы первых женщин Рейха и еще по одной причине. Верхушка нацистской партии считала себя, чуть ли полубогами. Так почему же они обратили внимание именно на этих женщин, что привлекло в них мужчин, перед которыми преклонялось половина страны?

М

агду Геббельс вполне можно считать самой незаурядной и любопытной из всех женщин Третьего рейха. Она была «первой леди» именно в том понимании этих слов, которое присуще современному миру. Вся западная пресса именовала ее не иначе как «женой и спутницей черта». Ведь известна она стала именно как супруга доктора Йозефа Геббельса, хотя она в первую очередь заслуживает внимание как самостоятельная личность, а не приложение к своему печально известному супругу, которому отдала 15 лет жизни. Магда стала верной женой, полностью разделявшей взгляды своего мужа. Она являла собой образец товарища и соратника, унесшего с собой в могилу все идеи и секреты супруга, полностью разделив с ним его жизнь от триумфа до позора.

Магда Геббельс родилась 11 ноября 1901 года. Она была плодом внебрачной связи служанки Аугусты Беренд. Правда, несколькими годами позже ее мать все-таки вышла замуж за отца девочки – богатого строителя и дипломированного инженера доктора Оскара Ритшеля. Брак просуществовал очень не долго, и к трем годам Магда опять лишилась отца, который оставил

семью. Аугуста Беренд была очень красивой и привлекательной женщиной, поэтому наличие ребенка не помешало ей вскоре вступить в еще один брак с не менее обеспеченным человеком. Им стал зажиточный фабрикант, занимающийся кожевенными изделиями, Фридлендер.

Поскольку своего отчима Магда всю жизнь искренне любила, несмотря на его еврейское происхождение, то можно предположить, что ее оголтелый антисемитизм являлся всего лишь формой разделения взглядов будущего супруга доктора Геббельса. Последний, кстати, был знаком с отчимом своей супруги и относился к нему с нескрываемым уважением. Еврейский фабрикант и будущий идеолог и проповедник теории уничтожения евреев провели немало часов в приятных беседах, проникнутых взаимными симпатиями.

Надо признать, что и отец, и отчим питали к Магде самые трепетные чувства. Эти два человека всю жизнь соперничали в желании угодить девочке. Когда 5-летняя Магда по настоянию отца переехала жить к нему в Брюссель, ее мать вместе с новым супругом не раздумывая отправились вслед за девочкой. Таким образом, будущая первая леди постоянно опекалась любящими людьми, которые в своем соперничестве доставить ей радость просто не знали границ.

Так случилось, что, живя в двух семьях одновременно, девочка все равно осталась единственным ребенком. Она постоянно вращалась среди взрослых людей, так и не заведя себе близких друзей и подруг. Но подобное воспитание оставило и свои положитель-

ные следы в характере ребенка. Привыкнув общаться с взрослыми людьми на равных, она очень быстро взросла: была не по годам развитой девочкой с крайне изысканными манерами. Правда, на воспитание дочери ни у матери с отчимом, ни у отца особо времени не было, и девочку отдали в монастырь урсулинок в Вильворде. Она провела в нем восемь полных лет, приезжая домой только на каникулы. Поскольку в среде урсулинок царили весьма жесткие правила, создававшие непривычно строгие рамки поведения, то в редкие недели каникул отец и отчим старались перещеголять друг друга в заботе о девочке. Каждый приезд домой становился для Магды настоящим праздником, во время которого исполнялись практически все ее желания. То, что она выросла неизбалованным ребенком, можно, прежде всего, считать заслугой самой девочки, отличавшейся реалистичным характером и твердым осознанием своих достоинств и возможностей.

Много попутешествовав во время каникул, 13-летняя Магда снова вернулась в Берлин. Это было связано с вторжением германских войск в Бельгию в 1914 году. Началась первая мировая война. Ее отец также покинул Бельгию и вернулся на свою родину — курорт Годесберг. Отчим, не утративший своей коммерческой хватки, очень быстро поднялся на ноги и занялся привычным ему бизнесом. Мать Магды, которая так и не смогла обрести семейного счастья, снова развелась. Здесь еще раз можно найти подтверждение той любви, которая будущая антисемитка питала к своему

отчиму-еврею. Девочка, совсем еще подросток, показала, что умеет быть благодарна за любовь и заботу, оставив после развода матери фамилию отчима. До самого замужества она оставалась Магдой Фридлендер.

В течение четырех лет Магда обучалась в государственной берлинской гимназии, поддерживая близкие отношения с отцом и отчимом. Доктор Риттель не мог нарадоваться на дочь. Она росла не только красавицей: высокой, белокурой, с правильными чертами лица, но и отличалась необычайной живостью ума. Отец не раз с гордостью говорил друзьям, что беседы с дочерью доставляют ему огромное удовольствие. Он видел в ней равноправного собеседника, наделенного сообразительностью и высоким интеллектом. Отец часто и много рассказывал дочери о буддизме, которым очень интересовался, и приходил в восторг от живости и страсти, с которыми дочь слушала его монологи. Правда, доктор Ричтель не мог и предположить, насколько огромным окажется спектр интересов его дочери и с какой легкостью она будет менять свои воззрения и религиозно-политические пристрастия.

Магда оказалась девушкой, которая отлично могла приспособиться к любым обстоятельствам и моментально перенимала идеологию мужчины, с которым была близка. Беседуя с отцом, она становилась поклонницей буддизма, с отчимом — махровой сионисткой, что не помешало ей впоследствии стать рьяной сторонницей национал-социалистических идей, а выйдя замуж за доктора Йозефа Геббельса, стать воинствующей антисемиткой. Подобная приспособляемость, возможно, ставшая

следствием того, что с детства Магде приходилось крутиться среди взрослых и подстраиваться под них, чтобы быть постоянно обласканной, еще не раз выручала девушки. Может быть, именно благодаря тому, что у нее отсутствовали собственные взгляды, которые заменялись необходимой точкой зрения, Магда и стала первой леди Третьего рейха. В конце концов это, тоже только игра в светские рауты и официальные приемы, где список тем для бесед известен заранее.

В марте 1919 года 18-летняя Магда Фридлендер прекрасно сдала выпускные экзамены в гимназии и поступила в невероятно дорогой и престижный пансионат для девушек «Хольцхаузер» в Госларе. Там она сразу выделилась среди своих сверстниц не только ослепительной красотой, но и прекрасным образованием и кругозором. Надо отдать должное, отец и отчим приложили немало усилий для того, чтобы девушка посмотрела мир. А поскольку Магда отличалась прекрасной памятью и живым умом, то это дало ей огромное преимущество перед сверстницами. Она отличалась от них так же, как столичная дама из высшего общества от провинциальных хозяек дешевых салонов для светских львов местного значения. Робость и комплексы никогда не отягощали Магду. Она всегда являла собой образец самоуверенности и той холодной и надменной сдержанности, которая присуща аристократкам. Позже именно эти черты заставили многих воспринимать Магду как «даму мирового уровня». Особенно сильное впечатление Магда производила впоследствии на различных социал-демократов, из которых не многие

могли похвастаться изысканными манерами и знакомствами в высшем свете.

Девушка обладала еще одной замечательной чертой — она всегда была карьеристкой, ни разу не упустившей шанса подняться на ступеньку выше. В 1920 году Магда возвращалась после каникул в Берлин. Ее спутником в купе оказался один из самых богатых людей Германии Гюнтер Квандт, хозяин целой империи ресторанов. Она невзначай заставила его прервать чтение корреспонденции, увлекла живым разговором и льстивым интересом к его деятельности, на что так падки мужчины. Этого, в сочетании с обаянием девушки, оказалось достаточно, чтобы к концу совместной поездки 38-летний Гюнтер Квандт оказался влюбленным в юное создание. Дальше события развивались, как в дешевой мелодраме: через несколько месяцев мульти-миллионер умолял Магду стать его женой. Девушка, для порядка поупрямившись, обручилась со своим будущим супругом.

Она тут же продемонстрировала все таланты карьеристки и полную беспринципность. Чтобы угодить мужу, она стремительно меняет веру, становясь из католички протестанткой. Фамилию отчима, которая не нравилась будущему мужу, она сменила на фамилию отца. И уже 4 января 1921 года в местечке Годесберг она сочеталась своим первым браком. При этом ревностная католичка стала уже не менее ревностной протестанткой, что не забывала демонстрировать при каждом удобном случае. Магда в четвертый раз сменила фамилию, став фрау Квандт.

Этот брак в принципе не мог оказаться удачным. Оставим в стороне даже почти двадцатилетнюю разницу в возрасте и то, что Гюнтер Квандт являлся отцом двух сыновей, разница в возрасте с Магдой у которых была гораздо менее существенной, чем у него самого со своей новой супругой. К тому же спустя десять месяцев после свадьбы у Магды родился Гаральд, единственный ребенок от этого брака. Очень скоро эйфория молодой жены сменилась жестоким разочарованием. Выходя замуж за миллионера, она предполагала, что будет вести роскошную жизнь, состоящую из сплошных праздников, коктейлей, выходов в свет и вечеринок. Она мечтала сменить свой дорогой, но чопорный пансион на роскошные особняки Гюнтера. Действительно, недвижимости у владельца сети ресторанов было достаточно: вилла в берлинской Франкеналлее, владения в Новом Бабельсберге, имение Северин при Пархим в Мекленбурге. Но даже этого оказалось недостаточно, чтобы 20-летняя Магда удовлетворила свои потребности в семейной жизни. Она стремилась сделать шаг вперед в карьере светской дамы, но вместе этого получила золотую клетку.

Гюнтер Квандт не только отличался консервативностью и сдержанностью характера, но и все свободное время отдавал увлечению буддизмом. Он либо с головой уходил в работу, не замечая того, что происходит вокруг, либо занимался буддистской медитацией-созерцанием, во время которой тоже отключался от реалий мира. Магда, у которой уже было два отца, вовсе не хотела иметь еще одного. Девушка хотела стать замужней светской дамой,

со всеми вытекающими из этого положения прелестями жизни, а получила мужа-зануду, которого к концу первого года супружеской жизни откровенно ненавидела и презирала. К тому же Гюнтер жил по очень жесткому распорядку дня и всячески давал понять своей новой жене, что и она должна придерживаться тех же правил. Например, он дал ей ученическую тетрадь, в которую она ежедневно должна была записывать отчеты о потраченных ею карманных деньгах, которых, к слову, муж выделял ей очень немного.

После того как напарник по бизнесу Гюнтера Квандта попал в тяжелую автомобильную катастрофу, супруг Магды взял в дом его троих детей. На двадцатилетнюю девушку свалились заботы по воспитанию сразу шестерых детей. К этому она была явно не готова. Тем более, что члены семьи Гюнтера, видя в Магде безродную карьеристку, относились к девушке с холодной презрительностью. А поскольку Гюнтер женился менее чем через год после смерти первой жены, то все домочадцы возлагали именно на Магду ответственность за столь не-почтительное отношение ее мужа к трауру по первой супруге. Об этом ей старались напомнить при каждом удобном случае, желательно на людях, чтобы удар был еще больнее. Единственной подругой Магды Квандт стала ее золовка и одногодка Элеонора Квандт, которую Магда всегда называла «Элло». Она поддерживала с ней самые близкие отношения все 25 лет жизни, которые прошли между их знакомством и самоубийством Магды. Элло оставалась всегда самой преданной и верной подругой, ни разу не предавшей дружбу.

Тем не менее супруги еще какое-то время поддерживали видимость прекрасных и дружеских отношений в семье. Это было вызвано не более чем необходимостью. По своим делам Гюнтеру пришлось отправиться в длительную командировку в Америку, куда он взял с собой и Магду. Они побывали в США и Южной Америке, где юная жена смогла насладиться светской жизнью. Обладая невероятным шармом и элегантностью, Магда блестала в салонах сливок общества Нью-Йорка, покоряя своей красотой и общительностью всех мужчин. Даже племянник президента Гувера во всеуслышание не раз заявлял о том, что является самым преданным поклонником Магды Квандт.

Но по возвращении в Германию супругам не надо было поддерживать видимость брака. Противоречия и неприязненное отношение друг к другу только обострялись день ото дня. Еще до разрыва отношений Магда стала изменять мужу, отдавшись во власть любовных отношений, которые в свете ее дальнейшей судьбы кажутся совершенно невероятными. Она стала любовницей еврея Арлозорова.

Первые биографы Йозефа Геббельса были настолько шокированы этим фактом из биографии первой леди Третьего рейха, что не нашли ничего лучше, чем представить любовника Магды под псевдонимом «студент Ганс». Это лишний раз доказывает, что все убеждения Магда приобретала в постелях своих мужчин. Она просто принимала точку зрения человека, с которым была в тот момент близка. Это во многом помогало ей считаться преданной и верной женой, полностью разделяющей воззрения мужа.

В объятия Хайма Виталия Арлозорова (1899–1933) ее толкнула вечная тяга к непримиримому экстремизму. Причем Магде явно было все равно, что именно становится объектом ее всепоглощающей ненависти и тяги к разрушению. Курт Рисс, который впоследствии стал одним из ведущих биографов доктора Геббельса, был знаком с любовником Магды и писал о связи «...Магды со студентом, причем евреем, которого я – бываю же такие совпадения – знаю, так мы ходили в одну школу...».

Хаим Виталий Арлозоров был по рождению русским, сыном отца-еврея и – со стороны отца – внуком раввина. В 1905 году, спасаясь от волны европейских погромов, захлестнувших Россию, его семья переехала жить в Германию. В Берлине Хаим вместе с Риссом посещал гимназию Вернера фон Сименса. После успешной сдачи выпускных экзаменов он долгое время изучал народное хозяйство и философию. Хаим был ярым приверженцем учения Теодора Херцля и, как следствие, ярым сионистом. В 1923 году он эмигрировал в Палестину, где всю жизнь работал как соратник и близкий друг будущего президента Вейцмана, с которым вместе и создал известную в те времена партию МАПАИ.

По поручению Всемирной сионистской организации Арлозоров приехал в Берлин в 1928 году, где моментально возобновил свою связь с Магдой Квандт. Супруга миллионара с удовольствием слушала и даже, казалось, разделяла точку зрения своего любовника по вопросам создания и существования государства Израиль. Впрочем, как мы уже знаем, она разделяла лю-

бую точку зрения мужчины, с которым в это время спала. Их любовная связь продлилась с 1928 года до весны 1932-го, пока не была насильственно прервана. Судя по всему, Квандт, который был в два раза старше своей супруги, привлекал ее только своим положением в обществе и многочисленными миллионами, в то время как в Хайме она нашла ответную страсть, которой так не хватало молодой девушке. Тем более, что, как и сама Магда, Хaim Виталий Арлозоров отличался личным обаянием.

Журналистка Белла Фромм, которая много лет была подругой Магды, писала, что если бы она вышла замуж за Арлозорова, то скорее всего ее можно было бы засстать «...в киббуце, в Палестине, на карауле с винтовкой на плече и цитатой из Ветхого Завета на губах...». Но судьба распорядилась иначе. Хотя действительно любопытно, что если бы связь Магды с Хаймом не прервалась, то мир мог бы получить не ярую антисемитку, а женщину, которая бы сделала все возможное для развития и процветания Израиля. История любит подкидывать подобные парадоксы в виде женщин, которые фанатичны в зависимости от интенсивности их любовных связей. Не произойди убийство Хайма, как бы развивалась история?

Арлозоров представлял внешнеполитические интересы еврейской коммуны и возглавлял соответствующую делегацию на Всемирном конгрессе сионистов в Лондоне. Он считался одним из основателей Израиля и поэтому ассоциировался у ревизионистов со своей структурой власти. Может быть, его убийство в июне

1933 года, прямо на центральной улице Тель-Авива, было направлено не столько против него самого, сколько против всей системы, которую он олицетворял. Стреляя в него, убийца стрелял во всех евреев Палестины.

Для Магды Квандт ее связь с Арлозоровым стала финальной точкой в браке. После того как об этом стало известно достаточно широкому кругу людей, ее супруг не счел возможным и далее поддерживать на людях иллюзию счастливой семейной пары. Причем, чтобы хоть как-то подправить свое положение в глазах окружающих, он решил это сделать достаточно наглядно. Развод превратился в светский скандал. После девяти лет совместной жизни с Гюнтером Магда была выставлена за дверь, буквально в чем стояла. Лакеи получили указание не пускать ее в дом, если она придет собрать свои вещи. Будущей первой леди рейха пришлось временно остановиться у матери. Она не могла что-то противопоставить мужу, так как для публики именно ее поступки стало причиной такого поведения мужа. Она не могла рассчитывать на поддержку со стороны окружающих, но и не хотела остаться на улице оплеванной и без гроша в кармане.

В свое время она выкрала из стола мужа несколько его старых любовных писем, свидетельствующих о его романе на стороне еще во время первого брака Гюнтера Квандта. Письма Магда обнаружила в их бабельсбергском доме и припрятала до худших времен. Теперь они наступили, и молодая женщина, не раздумывая, начала шантажировать бывшего супруга, обещая подлить масла в скандал, вызванный их разводом.

Семья Квандт испугалась публичного скандала, который мог не самым благоприятным образом отразиться на их бизнесе. Таким образом, Магда решила проблему своего дальнейшего проживания. Гюнтер выдал ей 50 тысяч марок на новую квартиру и еще 20 тысяч на случай возможной болезни. Кроме того, Магда стала получать по четыре тысячи марок в месяц в виде ренты на ее содержание. Своего сына она решила оставить у себя, хотя Гюнтер не возражал против того и даже желал, чтобы мальчик остался в его семье, которая могла дать ему лучшее образование, чем Магда. Состоятельная фрау Квандт сняла себе большую квартиру в центре Берлина на Рейхсканцлерплатц.

Скандал, вызванный разводом Магды, докатился и до далекой Америки. Племянник президента, мистер Гувер, тут же вспомнил о своей любви и прикатил в Берлин, чтобы сделать одинокой женщине предложение руки и сердца. К его огромному удивлению, ему было отказано. Вполне возможно, что Магда хотела просто пококетничать и набить себе цену, но судьба распорядилась иначе.

Поскольку молодая женщина всегда имела склонность к мелодраматическим сценам, то она предложила устроить романтический прощальный ужин. Для этого вечера пара избрала ресторан гольф клуба в Ванзее. Во время ужина она принялась давать Гуверу легкомысленные обещания и даже намекнула, что не против провести с ним ночь. Наверно, именно это стало причиной произошедшего в дальнейшем. Возбужденный Гувер приказал своему шоферу гнать как можно

скорее, чтобы оказаться в Берлине максимально быстро. Водитель не справился с управлением, и машина перевернулась. Сам американец, как говорится, отделался только легким испугом. Магда же была срочно доставлена в больницу с множественными переломами и пробитым в двух местах черепом.

Зная достаточно авантюрный характер Магды Квандт, склонный к самым неожиданным поворотам, изменениям настроения и взглядов на 180 градусов, можно было предполагать, что ее следующее увлечение будет столь же необычным, как и все предыдущие. Поэтому не стоит особенно удивляться, что далекая от политики Магда неожиданно для себя решила заглянуть на один из митингов НСДАП. Поздним летом 1930 года несостоявшая американская леди, только оправившись от полученных в автомобильной катастрофе травм, решила присоединиться к многотысячной толпе, собравшейся в берлинском Дворце спорта, в котором проходило очередное партийное собрание членов НСДАП. На митинг собралось около 15 тысяч человек. Дворец спорта стал постоянным местом собраний после успешного выступления там Йозефа Геббельса в 1928 году. Гауляйтер Берлина облюбовал это место и предпочитал именно здесь произносить свои обращения к германскому народу. Это собрание обещало быть еще более оживленным, чем обычно, поскольку не за горами были выборы в рейхstag, где НСДАП намеревалась получить большинство мест.

Под бурное ликование толпы в коричневых рубашках с поднятыми в нацистском приветствии руками к

трибуне прохромал доктор Геббельс. Он был одет в военное галифе, черный кожаный пиджак и высокие сапоги. Надо сказать, что главный идеолог и проповедник «арийского образа» сам совсем не подходил под собственные определения чистоты крови. Ему было 33 года, он был маленького роста, с очень худой верхней частью тела и непропорционально большой головой. Из-за воспаления костного мозга, которое он так и не долечил в детстве, Геббельс не только страдал косолапостью, но и постоянно носил специальную ортопедическую обувь. Он был настолько смешон, что в детстве его дразнили «сморчком». При этом он разглагольствовал о том, что настоящий ариец должен быть высок, строен, белокур и с голубыми глазами. Может быть, именно для того, чтобы иметь при себе наглядный образец истинно арийской женщины, он впоследствии и женился на Магде. В рейхсканцелярии понимали, что для всевозможных приемов необходимо иметь образцово-показательную арийку. Не без влияния Гитлера Йозеф делает свой выбор, остановившись на Магде. Из нее целенаправленно будут готовить первую леди, которая станет ширмой для остальных персон, не отвечающих идеальному образцу арийца.

При этом Геббельса смело можно считать крайне неординарной личностью. Он был действительно одаренным оратором и демагогом, хотя и законченным трусом. На Магду во все времена производили впечатление люди, которые умели красиво говорить и «зажигать» толпу своими идеями. Не исключено, что именно это, плюс неплохое положение в НСДАП заставило ее

остановить свой взгляд на будущем втором супруге. Геббельс отличался верноподданныческими настроениями, а в нужный момент без зазрения совести был способен спровоцировать перестрелку или массовые беспорядки. Если, конечно, он считал это выгодным или необходимым. Его можно уверенно назвать первой, после Гитлера, личностью Третьего рейха, которая может привлечь к себе внимание неординарностью. В его пользу говорит и тот факт, что во многом именно его стараниями НСДАП пришла к власти. За несколько лет он увеличил число голосов за берлинское отделение НСДАП со ста – до ста тысяч.

В принципе, если посмотреть на ранние привязанности и предпочтения Магды, то Геббельс вполне укладывается в рамки «типичного» для Магды предмета страсти. Он сочетал в себе сентиментальную мечтательность с ехидством и мстительностью, мог проповедовать о добре и прощении, как миссионер, а мог твердить о тотальном уничтожении евреев. Его комплексы неполночленности сочетались с отточенной риторикой, способной увлечь. Как пропагандист он вполне заслуживает всяческих похвал. Его работа, если отбросить нравственную оценку, просто гениальна.

Всегда лояльным по отношению к Геббельсу был только один человек – Гитлер, которого тот боготворил. Остальные отзывались о нем по-разному, в зависимости от впечатления, которое он производил. Одних он привлекал, других – отталкивал, причем с одинаковой интенсивностью. Магда была очарована.

Правда, здесь можно найти некоторые несоответствия в различных трактовках биографии Магды.

Одни историки считают, что она увлеклась Геббельсом еще в конце 1930 года и начала искать возможные пути сближения. Другие утверждают, что до самого конца 1932 года у нее продолжался роман с Арлозоровым. Хотя можно предположить, что, имея Хайма Виталия в любовниках, Магда могла думать и о своей дальнейшей судьбе. Зная ее склонность к карьеризму, это вполне можно предположить. Хотя это выглядит забавно: сменить постель еврея, основателя государства Израиль, на постель антисемита, стоящего на самых ультракрайних позициях по отношению к этому народу. Магда, позволявшая себе самые неожиданные поступки, могла оказаться вполне способной на это.

Подруга Магды, журналистка Белла Фромм писала по этому поводу: *«Национал-социалистическая идеология заняла все внимание и воображение как ничто и никогда до этого. Но она еще и смешивалась с остатками сионистского учения, которое привил ей старший друг Арлозоров»*. Судя по тому, что подруга употребила слово «остатки», все-таки можно предположить, что роман с Арлозоровым закончился до начала романа с Геббельсом, то есть несколько раньше 1932 года, называемого некоторыми исследователями финальным для их отношений.

Под впечатлением от выступления Геббельса Магда Квандт забыла напрочь о своем пристрастии к сионизму и тут же записалась в ряды берлинского отделения НСДАП. На импульсивную женщину многотысячная толпа, ревущая от восторга, произвела неизгладимое впечатление. Ей показалось, что это *«и есть настоящая*

жизнь», и захотелось участвовать в этом, быть в центре жизни, бурлящей событиями. В берлинском отделении НСДАП на Магду сразу обратили внимание. Во-первых, из-за недавнего скандала, связанного с ее именем. Во-вторых, из-за моментально возникшего в ее глазах и речах фанатизма. Даме из высшего общества посоветовали для начала более глубоко изучить литературу, рассказывающую об идеях и идеалах партии. Так что Магда сразу же засела за «Майн кампф» Адольфа Гитлера и «Мифы XX века» Розенберга.

Иногда создается такое впечатление, что Магде было все равно, за какие идеи она выступает. Главным оставался накал страстей. Она стремилась туда, где он был больше. А сама суть идей оставалась для женщины за кадром. Какая разница: защищать или уничтожать! Главное, чтобы это происходило на пике эмоций, чтобы толпа ревела от восторга и желания действовать. Очень быстро Магда заняла пост руководителя женского объединения при берлинском отделении НСДАП.

Но довольно скоро первоначальный задор Магды Квандт, как, впрочем, обычно, сошел на нет. Ей уже стало скучно общаться с туповатыми молодыми людьми, которые могли только обсуждать идеи, почерпнутые из речей своих боссов. Магда всерьез задумалась, стоит ли ей оставаться в партии. Но по каким-то только ей известным причинам решила начать подъем по служебной лестнице. Она стала проявлять себя как образцовый исполнительный сотрудник, после чего ее пригласили на собеседование на Хедельмана, 10, где в то время размещалось партийное ру-

ководство добровольного студенчества. Ей предложили начать работу в секретариате: временно исполнять обязанности гауляйтера. Именно там Магда и познакомилась с объектом своих желаний, доктором Йозефом Геббельсом.

Доктор, педантично ведущий дневниковые записи, занес 7 ноября 1930 года в свой дневник: «*Красивая женщина по фамилии Квандт занимается моим личным архивом*». Эта запись, помимо всего прочего, еще раз подтверждает то, что Магда не могла встречаться с Хаймом Арлозоровым до 1932 года. Но вернемся к ее работе с Геббельсом. Она прекрасно знала несколько языков, которые выучила в пансионе, поэтому основным ее занятием стало изучение периодической печати других стран, где она искала различные упоминания имени доктора Геббельса. Понемногу она приучала его вести достаточно длительные беседы, обмениваться с ней мыслями и обсуждать дальнейшие планы. Талантливая обольстительница и карьеристка откровенно положила глаз на перспективного политика и решила приручить его. В дневниках Йозефа Геббельса все чаще стали появляться записи типа: «*Вчера после обеда прекрасная фрау Квандт была у меня и помогала сортировать корреспонденцию*».

Очень скоро Магда смогла воочию увидеть все, на что способен ее шеф в приступе ненависти. Поводом для этой вспышки эмоций стала премьера захватывающего антивоенного фильма «На Западном фронте без перемен» по роману Ремарка. Он снял табу со смерти главных героев и открыто показывал всю бессмысленность

войны и смерти молодых ребят во имя никому не нужных идеалов. Стефан Цвейг так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Германские националисты в отчаянии. Книга Ремарка вышла уже тиражом более 600 тысяч экземпляров только за последние 12 недель. Очень скоро ее тираж может перевалить за миллион. Националисты сбиты с ног. Эта простая и правдивая книга добилась большего, чем вся пропаганда пацифистов за последние десять лет...» Сам Ремарк в своих выступлениях всячески высмеивал только что вышедший ура-патриотический фильм «Стальные грозы», открыто издеваясь над его фальшивым пафосом. После этого он стал смертельным врачом нацистов, которые не собирались мириться с данной им пощечиной.

Для начала доктор Геббельс выступил в националистическом журнале «Наступление» с грязной статьей в адрес фильма и самого Ремарка. «Долой грязный фильм», — призывал он со страниц журнала. После этого он начал тщательно готовиться к премьере фильма. Заранее скупив все билеты на сеанс, Геббельс сорвал премьеру. Но мелкая душонка придумала и еще более изощренные способы мести. Он угрожал зрителям последующих сеансов пустить в зал полчище белых мышей и нервно-паралитический газ. Естественно, что многие немцы боялись идти в кинозал и смотреть фильм, который грозил им такими неприятностями. Через шесть дней после премьеры Геббельс добился того, что фильм был снят с проката, причем с формулировкой «за ущемление немецкого достоинства».

На январское собрание партии НСДАП, которое проходило в Веймаре, доктор Йозеф Геббельс поехал уже в сопровождении Магды Квандт. Там произошла знаменательная встреча двух его возлюбленных. Магда столкнулась со своей соперницей-предшественницей Анкой Штальхерм. Долгое время Геббельс ухаживал за этой девушкой, с которой познакомился еще в 1918 году, когда Анка начала изучать германистику. Он следовал за ней как тень. Посещал один университет за другим, в которых училась его возлюбленная, и каждый раз клялся в том, что будет всегда ее верным другом, преданным как пес. Йозеф, который окончил различные курсы в пяти учебных заведениях, хотя это было ему не по карману, терпел все лишения и нужду только ради того, чтобы быть рядом с Анкой.

Причем ярый антисемит достаточно спокойно переносил то, что мать его возлюбленной была еврейкой. Это не мешало ему писать сентиментальные стихи о любви и выполнять любые капризы Анки. Правда, она, со своей стороны, вынуждена была мириться с антисемитскими высказываниями Геббельса, которые составляли основу любой его речи. Рассталась эта пара потому, что Штальхерм вышла замуж за другого, отказав Геббельсу. Но он оставался ее тайным воздыхателем и принял посильное участие, помогая потом Анке в разводе. Все это время они оставались друзьями, хотя, наверняка, Йозеф надеялся, что его верность оценят и вознаградят по достоинству. Произошло ли это, осталось тайной. Но в своих дневниках он писал: «*И я чувствую, как сильно любил эту женщину и до сих пор люблю!*»

Можно предположить, что какое-то время он проводил свой досуг то в обществе Анки, то в обществе Магды. Причем с Анкой Штальхерм его отношения оставались, видимо, чисто платоническими, хотя стали менее искренними, после того как Геббельс познакомился с Магдой. В своем дневнике 31 января 1931 года он писал: «Я встретил Анку. Она очень грустная. Прочь от нее! Наконец! Наконец! Я больше не могу переносить ее с ее грубой недисциплинированностью...»

Однако, судя по всем имеющимся данным, он не смог сразу и навсегда прервать отношения. Видимо, он действительно был очень влюблен в Анку, потому что окончательный разрыв отношений произошел только в конце 1933 года, когда Йозеф Геббельс занял пост министра пропаганды. После принятия этого поста он вынужден был пожертвовать своей любовью, чтобы не быть обвиненным в любви к женщине, не отличавшейся чистотой крови. История знает достаточно подобных примеров, когда люди жертвовали всем ради своей карьеры. Геббельс оказался именно таким. Можно смело предположить, что его 15-летний брак с Магдой Квандт был чисто партнерским соглашением. Он получал в жены женщину, отвечавшую всем внешним стандартам чистокровной арийки, а сама Магда поднималась на недосягаемую раньше высоту, становясь первой леди Третьего рейха.

Надо упомянуть и про то, что оба этих человека обладали схожими чертами характера и даже фактами биографии. И Магда, и Йозеф были увлекающимися натурями, для которых нужен был лидер. Они без со-

мнения следовали путем выбранного ими идеала, принимая его точку зрения во всей ее полноте. Их увлекали любые нестандартные идеи, которые выражались достаточно красноречиво, чтобы завести толпу. Они готовы были к любому экстремизму во имя идеи, которая их обуревала.

К тому же два ярых впоследствии антисемита имели в своей биографии продолжительные связи с еврейскими партнерами. Кстати, на момент их знакомства Магда по-прежнему делила постель с Хаимом, а Йозеф писал восторженные письма Анке. Может быть, именно разрушенная любовь заставила их объединиться, видя в партнере собрата по несчастью. И именно эта неудачная любовь добавила жару и в без того полыхавший в груди огонь антисемитизма. Сложись жизнь по-другому, увлеки их другие лидеры, и история могла получить несгибаемых борцов с фашизмом. Все зависело лишь от того, чьи идеи увлекли этих людей раньше. Они ведь были и оставались просто слепыми фанатиками, не имевшими своей идеи и поэтому легко воспринимавшими чужие мысли, которые пестовались и культивировались, как свои собственные.

В 1932 году Геббельс сосредоточил все свои антисемитские идеи в работе, которую опубликовал под заголовком «Евреи виновны!». Она стала основанием для дальнейшей травли этой нации, и главный пропагандист Третьего рейха не пожалел усилий, приводя в действие всю мощь своей пропагандистской машины. Парадоксально, но при этом, уже будучи в близких отношениях с Магдой, он пригласил осенью 1936 года Анку на

чай, хотя сам же потом записал в дневнике, что «эта европейская зараза должна быть стерта». Запись датирована 6 ноября. Можно предположить, что Анка в очередной раз отвергла предложение о постели, что вызвало вспышку гнева. По сути, доктор Геббельс не столько был антисемитом в действительности, сколько пытался отомстить евреям за нанесенные ему оскорблении. Ведь даже будучи уже министром, он был отвергнут еврейской женщиной.

Магда к тому моменту еще не была такой ярой антисемиткой, как в дальнейшем. Но она уже напрочь забыла свою большую любовь к Хайму и воспринимала высказывания Йозефа вполне нормально, заявляя, что это всего лишь «часть национал-социалистического учения». К началу февраля 1931 года доктор Геббельс был окончательно сражен женщиной, которая не только являла собой идеальную красавицу чисто арийского происхождения, но и полностью разделяла его взгляды, отдавая свои политические предпочтения именно НСДАП. В этот день он писал: *«Вчера фрау Квандт работала со мной. Она в работе изумительная женщина, и я уже желаю, чтобы она меня любила»*. Основываясь на дневниках главного пропагандиста Третьего рейха, можно с определенной долей уверенности назвать и первый день, когда Магда пала под напором «обаяния» своего будущего супруга. По крайней мере, в дневниках Геббельса есть такая запись от 15 февраля: *«Вечером придет Магда. И останется со мной очень надолго. И расцветет пленительной белокурой сладостью. Где же ты, моя королева?»*

Судя по всему, доктор Йозеф не на шутку влюбился. Все его последующие записи, касающиеся Магды, на протяжении нескольких месяцев отличаются изрядной сумбурностью эмоций. Он переживал стандартные для влюбленного по уши мужчины чувства. Метания, сомнения в искренности женщины. Даже пытался укорять себя в низменности желаний. Магда просто свела с ума главного идеолога Третьего рейха, причем вполне сознательно. Эта женщина решила упрочить свое положение в обществе, выйдя замуж за перспективного политика. Надо думать, что мужчина должен испытывать очень серьезные чувства к женщине, чтобы думать о моногамии, как это делал Геббельс в своих дневниковых записях от 15 марта 1931 года: «Я оставлю всех женщин и буду обладать только ею одной... У нее умное, ориентированное на реальность представление о жизни и при этом щедрые намерения и действия. Еще немного воспитания мне и ей, и мы чудесно подойдем друг другу». Через несколько дней он писал: «Любовь? Скора? Любовь!»

Правда, очень скоро Геббельсу уже было не до романтического бреда и переживаний. В первых числах апреля взбунтовавшиеся офицеры СА повели своих солдат на захват берлинского отделения НСДАП. Влюбленный пропагандист спешно ретировался в Мюнхен, чтобы просить находящегося там Гитлера о помощи. Магда Квандт, ни минуты не раздумывая, последовала вслед за предметом своего обожания или охоты, если хотите. Это позволило Геббельсу считать ее самой преданной ему женщиной, которой можно практически

полностью доверять. «Она приехала из Берлина и ждала меня в отеле. Она совершенно потрясена. Очень хорошо! Она привязана ко мне накрепко»,

После этого снова начинается небольшая путаница. Снова начинает мелькать среди воспоминаний современников имя Хaima Виталия Арлозорова. Судя по всему, какие-то отношения с Магдой у него еще сохранялись. Хотя в это трудно поверить, поскольку Магда Квандт почти постоянно находилась при Йозефе Геббельсе и даже путешествовала за ним. Можно предположить, что на какое-то время она рассталась с Арлозоровым. Он мог попросту уехать и не знать, что у Магды завелся новый любовник. Тем не менее, судя по имеющимся данным, в апреле 1931 года Арлозоров вновь объявился. Более того, предъявил свои права на Магду. Между ними, наверное, произошло крупное выяснение отношений. Рассвирепев, оттого что его место в постели женщины занял антисемит, Арлозоров выстрелил в Магду. Он не попал, хотя Магда всю жизнь предпочитала утверждать обратное.

Вполне возможно, что своей новой встречей с Арлозоровым Магда просто хотела вызвать прилив ревности у Геббельса. Справоцировать создание такого безумного любовного треугольника – вполне в ее стиле. Тем более, что до этого она только полунамеками и полуфразами рассказывала Геббельсу о своих отношениях с Хаймом. Йозеф, естественно, тоже был взбешен, узнав, что еще недавно его возлюбленная была любовницей еврея. Но жалость, которую выдавила из него Магда, пересилила ревность и негодование. Ведь она сказала,

что ее ранили. По крайней мере, Йозеф Геббельс писал в своем дневнике 12 апреля: «*Мужчина, которого она любила до меня, тяжело ранил ее выстрелом из пистолета в ее собственной квартире. Теперь она совершенно разбита. Я слышу ее голос: она боится, что я ее покину.*» Можно предположить, что Геббельс сам узнал о том, кто был предыдущим любовником Магды. Она была достаточно осторожной женщиной, чтобы говорить о национальности своего любовника. Но у Геббельса, как у гауляйтера Берлина, имелось достаточно возможностей узнать все подробности отношений Магды и Хайма без их помощи. Что он, скорее всего, и сделал.

Может быть, если бы Магда решилась сказать все сама, то проблему решил бы Геббельс, и выстрела не прозвучало. Но желание женщины устроить мелодраму с массой ревности привело к скандалу сразу с двумя мужчинами. Хaim, между прочим, попал в дверной косяк. Так что все рассказы Магды о ранении от рук евреев – чистая выдумка. Может быть, он сам решил выяснить отношения со своей вероломной любовницей, узнав, что она якшается с высокопоставленными лицами из НСДАП. Сейчас уже трудно установить истинную причину прозвучавшего выстрела. Зато точно можно говорить о том, что он сыграл Магде на руку.

Во-первых, она получила хорошо просчитанную мелодраму, которая еще долго давала любовникам поводы для ссор и бурных примирений. Во-вторых, она окончательно привязала к себе Геббельса, который почувствовал страх за жизнь женщины, причем неосторожно дал ей это понять.

Следующие несколько месяцев, судя по дневникам влюбленного нациста, переполнялись взлетами и падениями чувств. Записи типа: «*С Магдой небольшая ссора. Она немного бессердечна, если смогла рассказывать о своем прошлом. Она с этим еще не совсем порвала*» от 23 июля 1931 года сменялись тремя днями позже такими: «*Магда – сама пленительная дикость. Она любит так, как только может любить великая женщина...*». Потом снова следовало: «*Мое доверие к ней подорвано. Она слишком много любила, и мне рассказывает об этом очень отрывочно. Я и теперь лежу до самого утра, как будто избитый кнутом ревности*». Запись «*Эрос чересчур сильно говорит во мне*» свидетельствует о том, что он готовил сам себя к разрыву с этой женщиной.

Йозеф Геббельс очень любил женщин, но еще больше он любил свою свободу. Видимо, он начал понимать, какое влияние на него имеет Магда, и решил с ней расстаться, чтобы окончательно не потерять контроль над собой. Он оставался верен только своему фюреру, который и решил его дальнейшую судьбу. Многие историки склоняются к мысли, что именно Адольф Гитлер настоял на этом браке, который делал Магду первой леди Третьего рейха и его визитной карточкой на всех светских мероприятиях. Ее образ эксплуатировался как лицо настоящей арийки. Именно такой и должна была быть жена Геббельса, хотя бы в целях пропаганды.

Магду Квандт это вполне устраивало. Эта женщина всегда отдавала предпочтение именно тем отношениям, которые могли наиболее приблизить ее к личному

триумфу. Ей был присущ авантюризм, который выражался в ее любовных связях. Практически всю свою жизнь она поддерживала отношения одновременно с двумя, а то и с тремя мужчинами. Видимо, это обусловлено ее обостренным желанием создания экстремальных ситуаций. Трудно сказать, делала ли она это для того, чтобы утвердить себя как женщину, либо ее возбуждала пикантность подобных связей. Можно предположить еще более тривиальную причину: ей было все равно, с кем спать, лишь бы добиться желаемого. Она делала ставку на нескольких мужчин, чтобы остаться с победителем. Подобные двойственные и даже тройственные союзы Магды проследить нетрудно. Например, Квандт – Арлозоров, затем связь Арлозоров – Геббельс, потом Геббельс – Гитлер. Тут надо сразу оговориться, что, судя по всему, отношения с Адольфом Гитлером у Магды остались на чисто платоническом уровне. Какое-то время даже поддерживался любовный «треугольник» Геббельс–Ханке–Гитлер.

Об отношениях Магды с фюрером в конце 20 – начале 30-х годов подробно пишет Отто Вагенер, который в те годы был очень близок с Адольфом. Свои мемуары он написал в плenу у англичан, поместив их в 36 учебнических тетрадей. По его словам, фюрер постоянно убеждал Йозефа Геббельса в том, что Магда может быть очень полезна НСДАП. Он постоянно твердил своему подчиненному, что она прекрасно подходит Геббельсу, перечисляя выгоды этого брака. Главного пропагандиста не нужно было уговаривать особенно долго. Во-первых, он практически боготворил Гитлера и вряд ли

бы когда-нибудь решился не прислушаться к его советам. Во-вторых, Гитлер прекрасно знал, что имеет практически неограниченное влияние на Йозефа и забавлялся этой игрой, заранее зная ее исход.

По словам доктора Вагенера, фюрер однажды сказал ему: «*Эта женщина могла бы сыграть в моей жизни огромную роль даже без вступления в брак. Она могла бы стать в моей работе противоположным полюсом по отношению к моим односторонним мужским инстинктам... Жаль, что она не замужем*». Вагенер не преминул сообщить откровения фюрера Магде, что, видимо, усилило желание выйти замуж за Геббельса. Перед ней тогда открывались самые широкие перспективы – быть женой влиятельного человека и любовницей еще более влиятельного человека. К тому же подобная интрига отличалась авантюризмом, который так прельщал Магду.

После того как Магда узнала о высказывании Адольфа, она восприняла эту фразу как попытку признаться в любви через посредника. В ее голове тут же начали бродить фантазии о несостоявшейся любви фюрера, который слишком занят великими делами, чтобы обременять себя браком. И она решила посвятить свою жизнь этому «гению». Ее брак с Геббельсом стал лишь поводом приблизиться к главе Третьего рейха. Супружество как инструмент достижения цели – вполне в стиле поведения этой женщины. Правда, при всем раболепии ее супруга перед Гитлером, она пошла еще дальше в своем обожании. Она мечтала предоставить свою жизнь «*в полное распоряжение фюрера*». Ее не-

критическое отношение к национал-социализму настороживало даже друзей Геббельса.

После обручения его с Магдой друзья не раз намекали ему на слишком большую любовь Магды Квандт к НСДАП. Этот энтузиазм переходил все нормальные рамки и становился опасно-фанатичным. Но Магда всегда отдавалась своим увлечениям со всей страстной силой, на которую была только способна. Она создала в семье культ Гитлера, перед которым блекло высказывание Геббельса, которое он записал в дневник еще в 1926 году: *«Адольф Гитлер, я люблю тебя, потому что ты великий и простой одновременно. Я склоняюсь перед великим политическим гением...»* Соперничество в выражении любви и получении за это признания от фюрера стало основной чертой семьи Геббельсов на протяжении многих лет. Они походили на верных псов, которые наперебой выются у ног хозяина, чтобы только быть замеченными. Их восторженное отношение к фюреру поглотило все эмоции этих людей. Друг для друга любви оставалось не много – все чувства принадлежали только Гитлеру.

Надо признать, что и Магда, и Йозеф оба зависели от Гитлера. Причем они оба использовали друг друга, чтобы максимально приблизиться к заветной фигуре. Доктор Геббельс не был дураком, чтобы не замечать тех странных отношений, которые складывались впоследствии между его невестой, а потом и женой, и обожаемым фюрером. Он также использовал супругу как инструмент сближения с Гитлером. Может быть, он женился ради того, чтобы показать фюреру, как ценит его.

Такого рода шаг мог выглядеть как одолжение фюреру. Ведь став фрау Геббельс, Магда вполне могла объяснить свое постоянное присутствие рядом с главой Третьего рейха нуждами партии. Пара взаимно дополняла друг друга. Это был брак по расчету в чистом виде. Преследование каких-то собственных целей сблизило двух людей и сделало неразлучными до конца жизни. Хотя свою смерть Магда приняла скорее ради горячо любимого фюрера, чем ради супруга. Смерть стала ее вкладом в те странные чувства, что они питали друг к другу. А убийство детей – ее жертвоприношение на алтарь этой чудовищной любви.

19 декабря 1931 года доктор Йозеф Геббельс сочетался законным браком с Магдой Квандт. Причем ее переход в предыдущем супружестве из католичества в протестантизм сыграл с ней злую шутку. Хотя вряд ли собравшиеся на торжественной церемонии, организованной управляющим НСДАП Вальтером Гранзовым, придавали этому особенное значение. Из-за женитьбы на протестантке Геббельс был отлучен от церкви. Его свидетель, Адольф Гитлер, отделался предупреждением. На свадьбе присутствовал и 11-летний сын Магды Гаральд Квандт, которого заботливая мамаша одела в форму гитлерюгенда.

В своих воспоминаниях, которые вдруг возникли через пятьдесят лет после описываемых событий, актриса и режиссер Лени Рифеншталь утверждала, что была приглашена на это бракосочетание. По ее словам, которым не стоит доверять на сто процентов, она утверждает, что с Магдой у нее были самые доверительные отношения и

супруга Геббельса любила с ней пооткровеничать. В своих мемуарах Лени Рифеншталь написала: «*Тут я получила, к своему полному удивлению, приглашение на воскресную прогулку в Хелингендамм... В первом вагоне сидел Гитлер с Геббельсом, фотографом Г. Гофманом и адъютантом Брюнкером. Во втором – фрау Геббельс и я. После обмена трибуналыми фразами, с которых начинается каждый разговор, она сказала: “Я люблю своего супруга, но моя любовь к Гитлеру сильнее, за нее я готова отдать свою жизнь. Только когда мне стало ясно, что после смерти своей племянницы Гели, со смертью которой он так и не смирится, он не сможет полюбить ни одну женщину? кроме Германии, я дала согласие на брак с Геббельсом. У нас с ним полное согласие, но я хочу быть близка только Гитлеру”».*

Доверять этой цитате ни в коем случае нельзя. Достаточно хорошо известно, что Лени Рифеншталь, желая придать себе особую значимость, как свидетельница событий тех лет, зачастую не только подтасовывает факты, но и вполне могла полностью выдумывать эту ситуацию. Ее нет ни на одном свадебном снимке. Да и в своих воспоминаниях о свадьбе, занесенных в дневник, Геббельс ни одним словом не обмолвился о том, что актриса и режиссер была приглашена на бракосочетание. Ведь в своих мемуарах Лени ни много ни мало утверждает, будто Магда призналась ей в том, что развелась с Квандтом только для того, чтобы стать ближе к Гитлеру. Чуть ли не он сам просил ее об этом. Фантазии Лени Рифеншталь известны, а потому сейчас ее воспоминания вряд ли можно

считать неопровергимыми и использовать как исторический материал.

Брак существенно изменил жизнь Магды Геббельс. Она приобрела массу новых знакомств, но ее старая жизнь отошла на дальний план. Многие просто не захотели с ней общаться, например, отчим-еврей. Магда, сразу после вступление в брак, полностью потеряла права на воспитание своего сына Гаральда. Его забрал к себе жить отец мальчика. Правда, он не препятствовал общению сына с матерью. Гаральд каждый день приходил к матери и очень быстро подружился с доктором Йозефом. Он легко влился в свою новую семью. Также Магде было отказано в ее ежемесячном содержании, которое выплачивал бывший супруг. Узнав об этом, Адольф Гитлер сделал широкий жест, вдвое увеличив жалованье Геббельса.

Отчим полностью порвал отношения с Магдой, узнав об антисемитских взглядах ее супруга. Он уже больше никогда не разговаривал о Магде и предпочитал вообще не упоминать ее имени. Родной отец фрау Геббельс тоже не был в восторге от зятя, с которым постоянно ругался. После получения одного из писем Геббельса, которое оказалось оскорбительно-грубым, он вообще порвал с ним отношения. Единственным человеком, который смирился с изменениями в жизни дочери, стала мать Магды, которая готова была простить своей дочери все, что угодно. Впрочем, как почти любая мать. Хотя она и высказала неудовольствие по поводу того, что дочь и зять заставили ее отказаться от фамилии Фридлендер и вернуть себе девичью Беренд, она

переехала жить к Геббельсам, взяв на себя полностью воспитание быстро увеличивающейся ватаги детей.

Через несколько месяцев после свадьбы доктор Йозеф Геббельс решил оставить свой родной городок Штеглитце, в котором жил с детских лет, и переехал в огромную квартиру Магды в центре Берлина. Произошло это отнюдь не потому, что так захотела Магда или ему пришлось чаще бывать в столице. Просто фюрер сделал квартиру фрау Геббельс своей личной штаб-квартирой, превратив ее салон в зал заседаний партии. Вернее, наиболее приближенных и преданных ее членов. В ее дом захаживали Геринг, Гиммлер, Рем. Наверное, у них периодически возникал немой вопрос: так чья же все-таки жена — фрау Геббельс? Постоянно беременная женщина значительную часть дня проводила на кухне за приготовлением вегетарианских блюд для своего фюрера. Муж являлся для этой женщины как бы приложением, позволяющим ей находиться в непосредственной близости от предмета своего обожания.

Один из журналистов того времени, Ганфштенгль, который курировал вопросы печати, вспоминал о замечательном эпизоде, который случился вскоре после кончины Рэма. «После отравления Рема (блюдами берлинского отеля «Кайзергоф», в котором жил и Гитлер) Гитлер заявил, что отель напичкан коммунистами среди его персонала. И тотчас Магда Геббельс занялась с любовью приготовлением вегетарианских блюд для него. Каждое утро она отсыпала их в отель в небольших термосах...»

По его же воспоминаниям, журналиста часто приглашали на различные вечера. В основном из-за того, что Ганфштенгль очень хорошо играл на фортепиано. Геббельс приставал к нему с требованием отвести фюрера на радиостанцию и сделать записи его речей, чтобы выпустить их на пластинках. Собиравшаяся компания часто засиживалась у Геббельсов до утра. В основном потому, что сам Гитлер был «свой». Ему пытались навязать там женское общество, но фюрер демонстративно приходил только в сопровождении мужчин и старался говорить исключительно о политике. Несмотря на то, что он официально жил в отеле «Кайзергоф», он ежедневно бывал в салоне Магды Геббельс, а также зачастую выезжал на дачу в Капуте на Швиловское озеро. Магда бывала вне себя от счастья, когда Гитлер приезжал к ним на дачу и засиживался до полуночи, а то и до утра.

При всем этом нельзя усомниться в верности Магды в этот период своему супругу. Она ездила за ним по всем городам, куда его посыпал фюрер выступать с речами. Геббельс был прекрасным оратором, и его супруга просто заслушивалась речами мужа во время его выступлений. Ей нравилось находиться в центре событий, присутствовать на партсобраниях, тогда у нее возникало ощущение причастности к большой политике. Она ничего в этом не понимала, но обожала высказывать собственные комментарии или даже спорить. «Лихорадочное время борьбы», как нацисты называли тот период времени, лишь укрепило в Магде желание пробиться поближе к высшим эшелонам власти, чтобы свет славы озарил и ее лицо.

Напряженная работа Геббельса, которую она воспринимала и как свою собственную, доставляла ей ни с чем не сравнимое удовольствие. Именно постоянное присутствие на людях было способно удовлетворить амбиции этой женщины. Доктор Йозеф Геббельс собирал многочисленные митинги, а его супруге казалось, что это они их собирают. Даже будучи беременной, она все равно отправлялась в подобные поездки. Зачастую с супругами ехал и сын Магды от первого брака Гаральд. *«Поездка из Берлина в Тегернзее – едут фрау Ганфштенгель, Гаральд. Магда на последнем месяце беременности, ее постоянно тошнит»*, – записал в своем дневнике Геббельс.

Магда отказывалась сидеть дома, где она не ощущала причастности к происходящим событиям. Она просто блаженствовала от того, что чувствовала себя на пороге огромной власти. Даже пыталась спорить с Гитлером о проблемах «захвата власти». Ничего в этом не понимая, она постоянно твердила о том, что в первую очередь необходимо захватывать почту. Забавно, но Магда, приезжая в город, первым делом узнавала, где именно находится почта. Геббельс, правда, не меньше ее находился в эйфории. Он уже чувствовал себя министром Пруссии по культуре и воспитанию и постоянно говорил о тех нововведениях, которые им запланированы.

Надо признать, что жажда власти – это общая черта супружеской пары Геббельс. Они оба обожали фантазировать и строить грандиозные планы на будущее. Их имперские амбиции просто не знали предела. Но при этом они оба

абсолютно не переносили любой критики, которая приводила их в бешенство. Совершенно запоренные, они ничего не хотели видеть и слышать из того, что могло противоречить их планам или нарушить их. Супружеская пара готова была воспринимать только ту информацию, которая, по их мнению, способствовала продвижению к цели.

У Геббельса происходили постоянные конфликты со средствами массовой информации, многие из которых оставались вне контроля НСДАП. В начале 30-х годов Германия все еще оставалось страной без цензуры, поэтому многие газеты позволяли себе откровенные нападки на нацистскую партию и ее лидеров. Правда, и сам доктор Геббельс абсолютно беззастенчиво пользовался этой свободой для грязных и наглых нападок на своих политических конкурентов.

Именно германская свобода печати позволяла оставаться на свободе и свободно публиковаться этому оголтелому антисемиту. Он обожал давать публичные отповеди своим оппонентам и редакторам, которые публиковали статьи, развенчивающие деятельность НСДАП. Но при этом Йозеф Геббельс всегда боялся нападать в открытую и называть имена людей, которые позволили себе критику в его адрес. Обычно его отповедь выглядела примерно таким образом: «*Один редактор позвоил себе в одной из бульварных газет гнусные выпады, касающиеся чести моей жены. Эсэсовец явился к нему и бил его хлыстом до тех пор, пока тот, истекая кровью, не упал на пол. Затем он положил свою визитную карточку на стол и беспрепятственно покинул место преступления.*

нул редакцию, не остановленный ни одним из присутствовавших "акул пера" ...»

Подобный инцидент говорит о многом. Во-первых, мы можем представить себе портрет доктора Геббельса, который побоялся лично вступиться за честь своей супруги. Это вполне допустимо, особенно если вспомнить, что трусость — одна из черт, всегда сопутствующих садистскому складу характера. Во-вторых, можно смело утверждать, что паблисити у Магды Геббельс было не из лучших, а поскольку она не отличалась нравственностью и постоянно давала повод для пересудов, то этим не преминули воспользоваться газетчики. Этот инцидент дает понять, что сплетни о нравственности Магды не только передавались из уст в уста, но и муссировались на газетных полосах. Скорее всего, газетам стали известны факты о романе Магды Геббельс с Хаймом Арлорозовым. Запись Геббельса относится к 1932 году, именно тогда роман уже прекратился и мог стать достоянием общественности.

Сравнивая дневники доктора Геббельса с его реальными поступками, можно заметить много противоречий. Очень часто его эмоции, занесенные на страницы дневника, не соответствуют поступкам в повседневной жизни. Такое впечатление, что он лукавил. Хотя, как человек, который рвался к власти, он мог писать свои дневники именно в расчете на то, что они будут когда-нибудь изданы. Вот один из таких примеров.. В последних числах декабря 1932 года у Магды произошел выкидыш. Она попала в клинику, где ею занимался профессор-гинеколог, доктор Штекель. Он отзывался о своей

пациентке как о крайне привлекательной и милой женщине. Самочувствие Магды Геббельс оставляло желать лучшего.

Первые дни супруг и сын Гаральд навещали ее ежедневно. Гитлер отдался всего лишь телеграммой с по желаниями скорейшего выздоровления. Но уже 29 декабря, через шесть дней после выкидыша, Геббельс от был в Берхтесгаден. Магда должна была через день отправиться в Оберзальцберг, где семья собиралась отпраздновать Новый год. Любящий муж вернулся к постели жены только после празднеств. Хотя в своем дневнике записал 1 января 1933 года: «*О небо, я прошу тебя, не оставляй меня. Я совершенно никто без нее...*» Сколько пафоса в этих словах! А может, этот соратник фюрера всего лишь боялся потери влияния на патрона после смерти супруги, которая и сблизила его с Гитлером до ранее недостижимого расстояния?

Состояние Магды резко ухудшалось. Она вышла из больницы только в первых числах февраля. Все это время доктор Геббельс занимался делами партии, точнее – выборами в ландтаг в Липпе. В дневнике он своим аккуратным почерком вывел, что собирается с головой уйти в работу, «чтобы забыться» и не думать о той смертельной опасности, которой подверглась жена из-за выкидыша. Это тоже могут быть всего лишь слова. Реально мы видим, что Геббельса больше занимали выборы.

Небольшой округ Германии не зря привлекал внимание НСДАП. Там нацисты опробовали свои опыты по привлечению к себе внимания. Позже эти выборы

будут называть «чудо Липпе». Надо признать, что Геббельс смог переломить ход выборов, и кандидат от партии нацистов получил более 40 процентов голосов избирателей. Колонны пропагандистов под руководством Геббельса наводнили город перед выборами и много работали с местным населением. Доктор Йозеф еще раз доказал, что прекрасно управляет толпой, заставляя ее подчиняться своей воле. Правда, Гитлер всегда ценил работу Геббельса и оправдывал его надежды, одаривая благосклонностью.

Фрау Геббельс выписалась из клиники 1 февраля. В этот же день она решила устроить небольшой прием для очень близких людей. Близких не себе, а Гитлеру, так как накануне он стал рейхсканцлером и вечеринка посвящалась именно этой победе. Разочарование, которое постигло Магду следом, описать трудно. Она надеялась, что ее труды не пропадут даром и будут оценены. В своем дневнике Геббельс восторженно писал, что вечеринка прошла с «Эппом, Эссером, Аманном и фрау Раубаль. Ганфштенгль играет. Фюрер прочел в десять часов свое обращение к народу Германии и затем прибыл к нам». Восторгу четы Геббельсов не было предела. Но Магда испытала самый настоящий шок, когда узнала, что ее кумир вовсе не собирается найти должность в своем правительстве для верного друга и соратника – ее мужа. Гитлер, видимо, из чисто садистского удовольствия сказал Геббельсу об этом прямо на вечеринке в его доме. Он испортил Магде настроение почти на месяц. Спустя несколько дней, 3 февраля, Йозеф писал: «Магда очень

несчастна. Меня обошли. Я не продвинулся. Она все еще плачет».

Осмелюсь предположить, что этот шаг всего лишь являлся излюбленным приемом Гитлера показать, что все зависит только от него и его благорасположения. Это стало проверкой на преданность. Увидев, что, несмотря на этот поступок, отношение четы Геббельсов к нему не изменилось и они остались столь же преданны, Гитлер все-таки продвинул Йозефа Геббельса по служебной лестнице. В течение месяца Геббельс поставлял идеальные образцы политической агитации и работал на нового рейхсканцлера не покладая рук. Адольф Гитлер создал специально для него должность министра народного просвещения и пропаганды. Вне себя от счастья, Геббельс, как обласканный пес, вилял хвостом и сыпал фразами, воспевающими нацизм. Он заявил, что отныне посвятит всего себя перевоспитанию немецкого народа в духе национал-социализма. Не пустые слова, если учитывать, что отныне воспитание немецкого народа действительно находилось полностью в его руках. Решение Гитлера – всего лишь умелый шаг подстегнуть работу доктора Геббельса. Он стал еще более послушным и преданным, действительно всего себя посвятил работе по дальнейшей пропаганде НСДАП.

Став министром, Геббельс немедленно приобрел для своей семьи шикарный дом, который в Берлине называли «Особняк Леопольда». Он был возведен знаменитым архитектором Карлом Фридрихом Шинкелем на площади Вильгельма. Дом окружал чудесный парк. Обустройство дома стоило огромную, по тем временам,

сумму в 3,2 миллиона немецких марок. Внутренняя обстановка была изъята из различных музеев и государственных фондов культуры. Геббельс мотивировал свой поступок тем, что его жилище должно быть особенно представительным, поскольку в нем бывает не только сам фюрер, но и многочисленные высокопоставленные гости Германии. Например, кабинет Йозефа был выдержан в красных тонах с изумительной мебелью из красного дерева. Хозяйка дома изъяла из запасников музеев огромное количество антикварного хрусталя, серебра, фарфора. Государство не жалело для четы ничего. Тем более, что нацисты уже сами стали этим государством.

Неизвестно почему, но Магда практически все время была беременной. То ли сам Геббельс считал предохранение от беременности чем-то противоречащим духу нацизма, то ли решил наплодить массу детишек чисто арийской национальности, но за 19 лет, с 1921 по 1940 год, Магда родила семерых детей. Помимо уже описанного выкидыша, есть повод предполагать, что она еще как минимум дважды не могла разродиться и произошли выкидыши на различных сроках беременности. Итак, у Магды родилось семеро детей при десяти беременностях. Причем всех она назвала на букву «Х». В немецком языке эти именаозвучны с именем фюрера, так как начинались на немецкую «Н». Например, Гаральд (Харольд), Хельга (сентябрь 1932 года), Хильда (апрель 1934 года), Гельмут (Хельмут, октябрь 1935 года), Хольда (февраль 1937 года), Хедда (май 1938 года), Хайда (октябрь 1940 года). После этого Магда решила,

что достаточно сделала для Германии, и прекратила рожать.

Гитлер заметил, что всех своих детей фрау Геббельс назвала в честь него, и, по-своему, отметил героизм женщины. Магда стала первой германской женщиной, удостоенной в 1938 году «Почетного креста немецких матерей». За четверых полагался бронзовый знак, за шестерых — серебряный, за восьмерых — золотой. При этом было необходимо, чтобы происхождение детей было чисто арийским. Матери награждались лишь в том случае, если могли дать детям немецкую кровь, здоровую наследственность и чисто германское воспитание. На лицо расовый и политический критерий здоровья. Для того, чтобы придать этой награде дополнительную престижность, знак очень смахивал на боевой орден, знаменитый «железный крест», которым награждались особенно отважные солдаты и офицеры, проявившие мужество на поле боя. Политика нацизма все активнее вторглась в жизнь людей. Границы между войной и миром сознательно стирались. Гитлер пытался сделать весь германский народ борцами за свою идею об избранности народа. Надо сказать, что эти действия принесли плоды.

Магде все больше по вкусу приходились политические игры. Она увлекалась ими настолько, насколько ей это позволялось фюрером и супругом. Она эксплуатировала образ настоящей арийской женщины и матери. В первый же День материнства, который праздновался после прихода нацистов к власти 14 мая 1933 года, она обратилась с публичной речью к немецкому народу. Тे-

мой обращения стала, естественно, «Немецкая мать». Полный восторгов по поводу речи своей жены, Геббельс в тот же день записал в своем дневнике: «Сегодня Магда выступала по радио». Его гордости не было предела. Они стали настоящей семьей пропагандистов.

Магда стала олицетворять собой «идеальную женщину Германии» и пожинать плоды этой славы. Например, вскоре после ее первого публичного выступления к ней пожаловал корреспондент английской газеты «Дейли мейл». Темой интервью стала женщина при национал-социализме. Фрау Геббельс первым делом заявила, что английские газеты переврали ее фразу о том, что женщина вытесняется из общественно-политической деятельности страны. По словам Магды, для женщин стали запрещенными только три профессии: солдат, юрист и глава правительства. Первая немецкая леди разглашевалась на тему, что истинная немецкая женщина всегда предпочтет семью карьере. Если перед ней будет стоят выбор между карьерой и замужеством, то она выберет именно последнее. Потому что именно как мать и жена она может наиболее полно себя реализовать и принести максимальную пользу немецкому народу. «Я пытаюсь сделать немецкую женщину еще прекрасней». Этой странной фразой, которая не имела прямого отношения к задаваемым вопросам, Магда закончила свое первое интервью для зарубежной газеты.

Но Магда в первую очередь оставалась именно женщиной, а не политиком. Ее раздирали амбиции, свойственные всем женщинам мира. Она стала холеной, элегантной, изящной первой дамой Германии, облеченный

в лучшие наряды. При этом она хотела не только быть образцом красоты, но и диктовать моду всем германским женщинам.

Летом 1933 года она сообщила мужу о том, что хочет стать владелицей ателье моды. Это не совсем влипалось в образ настоящей социал-националистки, и, конечно, Геббельс стал активным противником этой идеи. Его категоричность стала причиной крупной ссоры. Благодаря дневникам Геббельса мы можем сейчас точно назвать дату ссоры – 20 июля 1933 года. Магде понадобилась совсем немного времени, чтобы освоиться в роли первой леди рейха и требовать большего. Из-за возникшей ссоры фрау Геббельс отказалась ехать с мужем на премьеру оперы Вагнера «Мейстерзингеры» в Байрейт. Геббельс записал: «*Я еду один... Если Магда не изменится, мне придется быть еще настойчивей.*». Судя по всему, Геббельс был в ярости от упрямства своей жены. Он намеревался стоять до конца и идти на скандал, но в отношения супругов опять вмешался фюрер. Его, наверно, совершенно не устраивал возникший конфликт, и он погасил его в зародыше. При этом обставил все таким образом, чтобы Геббельс был еще и благодарен ему за вмешательство: «*Вчера: у Гитлера за обедом. Он в ужасе, что Магда не со мной. Я рассказал ему все. Он заставил Магду тотчас прилететь в Байрейт самолетом. Она охотно выполнила его просьбу. После первого акта прибыла Магда, сверкая красотой... очень подавленное настроение... ночью после кофе. Гитлер помирол нас. Он настоящий друг.*».

Но сколько бы не пытался влиять Гитлер на семейную жизнь Геббельсов, она все-таки находилась в прямой зависимости от все усиливающихся комплексов Йозефа. Со временем он все меньше играл в любящего мужа и все сильнее проявлял себя как деспот, который прямым террором на зависимых от него людей пытается решить свои внутренние комплексы. Например, друг семьи Эрнст Ганфштенгль как-то сказал, что, называя Магду ангелочком, сам Геббельс оставался чертом.

Магда все сильнее чувствовала неприязнь мужа, которая иногда выражалась в совершенно открытой форме. Так, после частного просмотра фильма в резиденции Геббельсов, супруги вышли проводить гостей. Доктор Йозеф Геббельс поскользнулся на ступеньках дома и чуть не упал. Его спасло от падения только то, что находившаяся рядом жена поддержала его. Когда первый испуг прошел, Геббельс вцепился в волосы жены, склонил ее голову чуть ли не до земли и, наклонившись, зло прошипел ей: «*Тебя бы это вполне устроило. Как бы тогда тебя обеспечили, мою спасительницу?*»

По мере того как упрочивались позиции Геббельса в рейхсканцелярии, его злобные и садистские черты характера только усиливались. Он, видимо, полностью осознавал свою зависимость от прихотей и настроения фюрера и пытался выместить эту обиду на своих домочадцах. Вскоре в доме воцарились истинно феодальные законы, а единственным правителем и вершителем судеб являлся, конечно, Йозеф Геббельс. Он в душе страшно ревновал свою супругу к Гитлеру,

но не осмеливался ничего сказать. Еще бы, в определенной степени он был обязан своим положением тем отношениям, которые складывались между его супругой и фюрером.

В 1936 году семья Геббельсов сменила место жительства. Они переехали на полуостров Ванзее, в роскошную кирпичную виллу «Лебединый островок», которая была экспроприирована у арестованного еврейского предпринимателя. Занимателльно, что махинации никогда не смущали нацистов. Например, официально виллу купили за 350 тысяч марок, гораздо меньше, чем она могла стоить в действительности. При этом 80 тысяч марок были выписаны в качестве аванса за публикацию дневников доктора Геббельса, которые он писал с безумной скоростью. Это вполне могло быть уже многотомное издание. Еще 100 тысяч дала на покупку Магда из отступных, полученных ею при разводе с Квандтом. Следующие 100 тысяч Геббельс оформил как ипотечный сертификат. Недостающие 70 тысяч марок дал из нацистской казны сам фюрер, сопроводив дар формулировкой *«за многолетнее гостеприимство»*.

Чуть позже был приобретен «небольшой бревенчатый дом на тихом озере», который стал загородной резиденцией. Скромное строение на самом деле являлось дворцовым имением Ланке, старинного прусского дворянина. Строение приобрел город, потом, под легким нажимом нацистов, подарил гауляйтеру и почетному гражданину Берлина доктору Геббельсу. Ремонт планировался на 500 тысяч марок, но в конечном итоге сумма перевалила за 2 миллиона марок. Только один кор-

пус имел 21 комнату, оснащенную современными кондиционерами, многочисленными ваннами и автоматически закрывающимися окнами.

Построив дом, Йозеф Геббельс окончательно установил там феодальные правила. Магда даже не могла появляться ему на глаза, пока супруг работал на благо нации. Дети не должны были входить в рабочий кабинет отца под страхом наказания. Все свое время главный пропагандист Третьего рейха предпочитал проводить дома. Там он работал, отдыхал, проводил редкие пасторальные минутки с супругой. Чтобы как-то «компенсировать» свою постоянную занятость и работу на благо германского народа, Геббельс завел себе моторную лодку, парусную яхту. Этим он награждал себя за многочасовую работу. Если все-таки у него выдавалось свободное время, он предпочитал проводить его в кругу детей и Магды.

Любимым видом отдыха отца семейства было читать супруге и отпрыскам вслух. В своих дневниках он писал: «Я не могу позволить себе ни ресторан, ни бар, ни варете, я не могу гулять и не могу посвящать себя семье...» В этих словах гораздо меньше лукавства, чем может показаться на первый взгляд. У Геббельса, как у многих людей с психическими отклонениями, была просто невероятная работоспособность. Он мог просиживать над своими выступлениями ночи, а утром снова отправляться на работу в рейхсканцелярию. Геббельс много читал. Одной из его любимых книг была «С чужими перьями» Роберта Ноймана. Стиль этого писателя-еврея, эмигрировавшего в Англию в 1934 году,

очень импонировал Геббельсу, что, впрочем, не помешало ему внести книгу в список запрещенной в Германии литературы.

В своем новом доме Геббельс неоднократно устраивал пышные приемы с многочисленными гостями. По случаю Олимпийских игр в Берлине семья устроила бал, на который прибыло более трех тысяч гостей. Шику и размаху вечеринки могли бы позавидовать самые именитые семейства. Праздник испортили лишь старые товарищи по партии, учинившие пьяную драку. Геббельсы вообще любили устраивать большие приемы. Обычно шумно праздновали каждый день рождения супругов. Об этом свидетельствуют многочисленные записи в дневниках: «*Магде на день рождения подарили очень много подарков. Она так переменчива. Иногда добрая, иногда злая... Вечером собралось множество гостей... фюрер тоже пришел*». Так он писал о 35-летии Магды. А вот запись о собственном 39-летии: «*Праздновали с Магдой и детьми. Это так мило и сердечно. Дети прочитали стихи. Затем показали фильм о себе, самый любимый, они там совсем как в жизни. Мы очень радовались... еще новые гости... Затем пришел фюрер. Он совершенно не помешал, потом мы с ним очень мило и доверительно беседовали. Пообедали дома. Горы писем, цветов и подарков... После поехали к Бонгезе. Я так устал, Магда затеяла перестройку. Дом стал прекрасным*». Эти трогательные строки Геббельс занес в дневник 30 октября 1936 года.

Все неприятности дома для Магды компенсировались тем, что она постоянно находилось рядом с фюре-

ром, которого с течением времени обожала не меньше. Она даже писала на пригласительных открытках, зазывая в свой дом гостей: «*Фюрер и рейхсканцлер имеют честь пригласить*». Магда вместе с Эмми Геринг играла роль первых дам Третьего рейха и откровенно наслаждалась этой ролью. Ей, дочери служанки, доставляло огромное удовольствие диктовать берлинскую моду, находиться в центре внимания и фотографироваться рядом с фюрером. Нельзя отказать ей в том, что она действительно отличалась элегантностью, которую не раз отмечал накануне второй мировой войны французский посол Француа Лончет, часто посещавший приемы в конце 30-х годов.

Даже на небольших вечеринках, которые любил устраивать Адольф Гитлер, встречаясь со знаменитыми деятелями искусств, постоянно присутствовала Магда. Лишь однажды фюрер ненадолго изгнал ее из своего окружения. Переоценив свое значение для Гитлера, Магда как-то раз осенью 1935 года открыто осмелилась критиковать Еву Браун. В тот же день фюрер ясно дал фрау Геббельс понять, где именно ее место. Больше Магда ни разу не позволяла себе подобных высказываний. Хотя отношения с Евой у нее так и не сложились. Первая леди Третьего рейха не хотела воспринимать соперницу и уступать ей господствующее положение рядом с фюрером.

Личная жизнь Геббельсов тоже должна была служить Германии. Фюрер как-то заметил Геббельсу, что он не может даже за дверьми своего дома скрыться от исполнения профессиональных обязанностей. Так что в каком-то смысле вся личная жизнь четы Геббельсов

постоянно выставлялась на всеобщее обозрение. Супруги постоянно должны были олицетворять для немецкого народа идеальную супружескую пару, демонстрировать своих благовоспитанных детей. Правда, и сам Гитлер принимал в этом активное участие. «Дядя фюрер» подыгрывал Геббельсам, фотографировался с их детьми и помещал эти трогательные фотографии на страницах немецких газет.

Сам доктор Йозеф Геббельс просто купался в свалившейся на него власти. С тех пор как в 1933 году он стал министром культуры, он постоянно руководил театром и кино, радио и печатью. Он мог по своему желанию создавать и разрушать карьеры актеров и писателей. Они полностью находились в его власти и зависели только от него. Правда, ничто человеческое не было чуждо Геббельсу. Свое служебное положение он часто использовал и для амурных приключений.

Магда долго терпела измены мужа, о которых была прекрасно осведомлена. Тем более что и сам Геббельс не старался их особенно скрывать. Но чашу ее терпения переполнил роман с чешской актрисой Лидой Баровой, с которой доктор Йозеф Геббельс познакомился в 1936 году. Он познакомился и влюбился в Лиду в собственном доме. Правда, запись об их первой встрече описана в дневниках более чем целомудренно: «*После обеда собрались на чашку чая большой компанией. Элло (золовка Квандт, которая постоянно посещала дом), Барова и ее жених Фрелих.*»

Но, посмотрев фильм «Часы искупления», где Барова снималась в нескольких очень откровенных сце-

нах, Геббельс начал открыто ухаживать за молодой 22-летней актрисой. Лиза, прикинув, что дружба с министром культуры принесет гораздо больше пользы, чем ухаживания не очень известного актера Густава Фрелиха, бросила жениха и полностью посвятила себя любовной интриге с Геббельсом. Министр пропаганды, осознавая свое значение и положение в обществе, не скрывал связи. Напротив, он достаточно часто появлялся на людях в обществе любовницы и оказывал ей многочисленные знаки внимания. Правда, когда он попытался предложить своей супруге «любовь втройне», то вынужден был оставить эту идею под угрозой развода.

Однако и сама Магда не отличалась целомудрием. Не долго думая, она тоже завела себе любовника – секретаря собственного мужа Карла Ханке, который был намного моложе ее. На свою беду он действительно влюбился в Магду и даже пошел к Гитлеру за разрешением на развод. Она и здесь преследовала чисто корыстные цели. Любовная интрига позволила ей получить доступ к документам мужа. В частности – к личной переписке. Карл Ханке готов был пожертвовать ради Магды Геббельс всем и охотно предоставлял в ее распоряжение все интересующие ее бумаги. Это позволило Магде прибежать к Гитлеру с доказательствами измены мужа и попробовать корчить из себя обманутую женщину. Но то, на что мог купиться Квандт или Геббельс, совершенно не произвело впечатления на Гитлера. Возмущенная женщина с кипой любовных писем мужа не интересовала его. Попытки перетянуть его на

свою сторону не увенчались успехом. Среди нацистов царили весьма фривольные нравы. Попытка Магды полностью провалилась, но она долго еще продолжала строить из себя убитую горем женщину. «*Муж мне страшно грозил. Он шантажировал меня детьми; он устроит так, чтобы их у меня отобрали. Мне пришлось пообещать ему, что я никогда не встречусь с Карлом наедине. Я так несчастна, но у меня нет выхода*», — жаловалась она Шпееру. Можно понять гнев Гитлера, который вынужден был поочередно выслушивать то Магду, то ее мужа.

Но с другой стороны, и сам Гитлер вовсе не хотел, чтобы роман между Геббельсом и Баровой продолжался. У него для этого были веские причины: фюрер планировал вторжение в Чехию. Он не мог допустить, чтобы роман министра культуры с чешской актрисой имел политический резонанс. Тем более что дело пахло разводом, а фюрер не мог позволить, чтобы кто-то из верхушки Третьего рейха вел себя подобным образом. Он слишком долго и тщательно готовил и преподносил стране облик идеальной пары, чтобы позволить ему разрушиться из-за какой-то любовной интрижки. Как нельзя более некстати министр обороны генерал-фельдмаршал фон Бломберг женился на бывшей проститутке, и это стало известно за пределами рейхсканцелярии. Два скандала для одного правительства было слишком много. Развод министра и первой матери-героини не входил в планы Адольфа Гитлера.

Поэтому он приказал Геббельсу в категорической форме, не терпящей возражения, срочно прекратить

Магда Геббельс

Карин Геринг

Эмми Геринг

Ангела («Гели») Раубель

роман с Лидой Баровой. Несмотря на внутренний конфликт, чета Геббельсов по-прежнему должна была изображать идеальную немецкую семью. Со словами «Жизнь так жестока и ужасна» доктор Йозеф Геббельс подчинился приказу Гитлера. Правда, не один Геббельс, но и его супруга, поняли, что правила игры диктуют не они. Магде пришлось расстаться с идеей вершить политику и полностью посвятить себя личной жизни. Она позволила контролировать свою жизнь Третьему рейху, который не терпел вмешательства личности в свои дела. Невозмутимый и категоричный, он диктовал условия и нормы жизни. Взяв на себя роль первой дамы Третьего рейха, став его парадной вывеской, Магда больше не принадлежала себе. Эта роль могла окончиться только по воли фюрера или в связи с ее смертью. После этого Магда уже никогда не пыталась что-то обсуждать с фюрером, тем более любовные интриги мужа или собственные. Она полностью, как и супруг, подчинилась воле Адольфа Гитлера.

Лиду Барову в срочном порядке выпроводили в Прагу. Хотя сама она описывает это в мемуарах так: «*Мне надоело в Берлине, и я решила уехать из Германии*». Но тем не менее бурная и стремительная карьера Лиды на германской сцене на этом закончилась. Хотя ее жизнь оставалась яркой еще долго. После окончания войны она попала на полтора года в тюрьму за сотрудничество с фашистами. Это стало ценой за любовную связь с министром пропаганды нацистской Германии. Отсидев, Лида Барова в 1946 году вышла замуж за министра внутренних дел, убежденного коммуниста, с

которым впоследствии и сбежала в Австрию. Она много снималась в итальянских и испанских фильмах, причем достаточно откровенных. Выступала немного на немецкой сцене. Много лет спустя она опубликовала свои мемуары. Там она так вспоминала первую ночь вдвоем: «*Спальня в его доме была просторная, кровать занимала почти всю комнату. Стены окрашены в нежно-салатный цвет. «И где же портрет фюрера?» – рассмеялась я. Геббельс ничего не ответил, а просто поцеловал меня в губы.*

Я была на вершине блаженства. То, что делал со мной Йозеф в постели, я не испытывала в своей жизни никогда больше. Геббельс был нежный и страстный. Он целовал каждый сантиметр моего тела, он делал все, чтобы в первую очередь наслаждение получила я, а не он. И даже когда он предложил мне незнакомые виды любви, я не испугалась. Мне не было больно. Я чувствовала себя как в раю. Мы занимались любовью всю ночь, и если бы не утреннее совещание у Гитлера, Йозеф бы не остановился никогда».

«Я была влюблена в этого сильного мужчину, начиненного властью. Я сидела в кресле, и слезы текли по моему лицу. Для счастья мне больше ничего не было нужно», – так вспоминает Лида Барова съезд НСДАП, куда ее пригласил доктор Йозеф Геббельс. Хотя эти воспоминания писала 85-летняя женщина. Почему-то все подруги нацистов решились написать свои мемуары, находясь в более чем преклонном возрасте. Ведь и Лени Рифеншталь писала свои мемуары, когда ей перевалило за 80.

Много лет спустя после своего изгнания из Берлина Лиза в мемуарах описала их разрыв таким образом: «*Ближе к утру позвонил Йозеф: “Гитлер заставил меня дать честное слово, что я тебя уже никогда не увижу. Никогда. Гитлер сказал, что министр пропаганды должен быть примером для рейха и не иметь любовницы, а тем более славянки”.* Я слышала его тяжелое дыхание. Что на самом деле уязвило Геббельса? То, что мы должны перестать встречаться, или то, что на него накричал Гитлер?

Утром у меня были назначены съемки нового фильма. Я никуда не пошла, после первого срыва я не могла ничем заниматься. Мой контракт расторгли, и я больше никогда не снималась ни в одном немецком фильме. Вечером съездила на премьеру “Игрока” по Достоевскому. Я стояла на подиуме, а зрители кричали: “Проститутка министра, вон!” Моя Германия для меня закончилась...»

В 1938 году Геббельс из-за своих любовных интриг впал в окончательную немилость. В отличие от многочисленных интрижек, Барову он любил. Он сохранил ее фотографию и в последние дни жизни долго смотрел на ее портрет, чуть не со слезами на глазах, прежде чем его уничтожить. Жалобы Магды и обсуждения министра на каждом углу окончательно вывели фюрера из себя. Чтобы как-то вернуть себе доверие, доктор Йозеф Геббельс организовал массовые еврейские погромы, в которых приняли участие боевики Третьего рейха. В историю эта антисемитская акция вошла под названием «Хрустальная ночь». Первая подобная акция прошла 9 ноября. Но

погромы продолжались и весь 1939 год. Чтобы окончательно раздавить эту национальность, Геббельс издал указ о ношении всеми евреями «Еврейской звезды», пришитой на спину. Но его антисемитизм принимал все более оголтелые формы. По заказу министерства пропаганды снимается фильм «Вечный жид» – невероятно политизированное и антисемитское кино. Это была откровенная провокация, но фюрер остался доволен и вновь приблизил к себе Геббельса.

Невольно и Магда стала участницей всей этой вакханалии, поскольку никоим образом не могла критиковать поступки супруга. На вопрос Элло Квандт, что она думает по поводу происходящего, фрау Геббельс ответила: *«Йозеф объясняет это с позицией необходимости для Германии. Третий рейх только сейчас против евреев. Ему лишь дали задание действовать против них в печати и по радио. Так хочет фюрер, и Йозеф должен прислушиваться к его желаниям».*

При всем том, что сама Магда всегда разделяла точку зрения мужчины, с которым она спала, она явно не была в восторге от тех репрессий против евреев, которые учинил ее супруг. Одно дело – просто вести разговоры и высказываться по этому поводу, и совсем другое – когда уничтожение евреев стало пунктом программы нацистского правительства. Магда явно не желала быть причастной к разговорам о тотальном геноциде, но открыто выступить против мужа, естественно, не решалась.

Когда в конце 1942 года Геббельс заявил, что *«окончательное решение еврейского вопроса»* внесено в про-

грамму действия нацистов, Магда не выдержала. В одном из разговоров она пожаловалась Элло Квандт: «Это ужасно, он мне все постоянно рассказывает. Я просто не вынесу больше... Ты даже не можешь себе представить, какими страшными делами он меня нагружает, а я никому не могу высказаться, облегчить свою душу. Мне нельзя это ни с кем обсуждать. Я пообещала ему это...»

Идея тотальной войны для Геббельса не нова. Он давно полюбил инсценировать драки и побоища. Чем более кровавыми она оказывались, тем большее удовлетворение он от них получал. Стоить вспомнить, например, такие факты: еще занимая достаточно незначительную должность в НСДАП, он неоднократно провоцировал на своих выступлениях драки. Может быть, именно ради этого и происходили его частые публичные выступления, на которых можно было организовать небольшое побоище. Таким образом он готовился к тотальной войне. И чем больше удалялся от народа сам фюрер, тем чаще Геббельс делал публичные заявления или выступал на митингах. Он обожал в конце войныходить по местам бомбежек и внимательно их рассматривать. При этом он требовал, чтобы Магда его постоянно сопровождала. Видя решение многих проблем в популизме, он заставил свою супругу ездить на общественном транспорте и устроиться на работу. Магда работала при теле-радиотрансляционном пункте.

Но и семью министра пропаганды не минули пораженные мысли. Когда война подходила к концу и боевые действия шли неподалеку от Берлина, Геббельс

забыл о своем желании быть ближе к народу и поспешил получить разрешение Гитлера переехать в его бункер. Гитлер приютил семью. И 22 апреля 1945 года министр пропаганды и уполномоченный рейха по ведению тотальной войны переехал поближе к своему фюреру, в самое безопасное место. Забавно, что одновременно Адольф Гитлер выступил со своим знаменитым обращением к германскому народу, в котором говорилось: «*Запомните! Каждый, кто пропагандирует или просто одобряет мероприятия, которые ослабляют наше сопротивление, – предатели! Они должны быть немедленно повешены или расстреляны!*»

Геббельс тоже не мог молчать в такой момент. Он до самого конца оставался министром пропаганды и заявил в свою очередь, что «*штурм монголов разобьется о стены нашего города. Я останусь со своими сотрудниками, само собой разумеется, в Берлине. Моя жена и дети также останутся со мной!*»

Забавно, что в пропагандистских целях тираны разных народов всегда применяют одни и те же средства. В начале войны, когда фашисты стояли под стенами Москвы, Сталин тоже во всеуслышание заявил, что московское правительство остается в городе и не намерено эвакуироваться.

Магду, конечно, никто не спрашивал, поддерживает ли она мужа. Но эта женщина привыкла не перечить и подчиняться, поэтому восприняла известие о том, что они остаются в полуразрушенном Берлине, достойно. А ведь еще 28 марта Йозеф Геббельс писал в своем дневнике, что его семья готовится к эвакуации на

«Лебединый остров». Видимо, он уже был уверен, что конец войны не за гэрами и надежды на победу нет, но посчитал, что бункер фюрера гораздо лучшее укрытие, чем собственный особняк. А может, он уже тогда планировал самоубийство всей семьи. Трудно поверить, что у Геббельса могли быть иллюзии, что он выживет, попадя в плен.

Отношения Геббельса к супруге можно проиллюстрировать еще одним фактом. В то время как Магда с детьми занимала четыре комнаты в передней части бункера и обедала прямо в широком коридоре, сам Геббельс жил глубоко под землей, рядом с Адольфом Гитлером и Евой Браун. Министр без устали что-то строчил в своем дневнике, пытаясь успеть дописать все, что хотел, а Магда успокаивала детей. Она читала им вслух, играла и действовала спокойно и без истерики.

Вот как вспоминал последние дни войны молодой капитан Герхард Больдт, служивший в бункере: «*Фрау Геббельс до самого конца не боялась смерти. Живая и элегантная, постоянно ухоженная, она поднималась по винтовой лестнице, перешагивая, обычно, сразу через две ступеньки. Для каждого она находила добрую улыбку и слова поддержки. Может быть, ее достойная восхищения сила характера была вызвана фанатичной верой в Гитлера и его слова о победе.*

В последние дни своей жизни Магда, как и супруг, много писала. Она делала дневниковые записи, отсыпала письма. После того как 27 апреля фюрер снял с собственного пиджака и приколол Магде на платье

золотой партийный знак отличия, первая дама рейха умиленно писала: «*Вчера вечером фюрер прикрепил мне свой золотой партийный значок. Я горда и счастлива. Дай Бог, чтобы у меня остались силы сделать последнее, самое тяжелое. У нас есть только одна цель: верность фюреру до смерти. То, что мы можем вместе с ним закончить жизнь, – милость судьбы, которой мы ни разу не осмелились перечить*». Хотя сегодня уже трудно достоверно сказать, сколько было в ее смерти фанатичной преданности, а сколько – понимания безысходности положения.

В тот же день она написала и письмо своему сыну от первого брака Гаральду. Магда не знала, что к этому моменту он уже находился в плену. Этот документ служит образцом фанатизма, ослепляющего человека настолько, что и человеческое в нем распознать почти невозможно: «*Мой дорогой сын! Вот уже шесть дней мы находимся в бункере фюрера: папа, твои пятеро сестер, маленький брат и я. Мы здесь, чтобы закончить нашу социал-националистическую жизнь единственным достойным путем. Если ты получишь это письмо... Ты должен знать, что я осталась здесь против воли папы, что еще в прошлое воскресенье фюрер хотел мне помочь отсюда уехать. Ты знаешь свою мать – мы имеем одинаковую кровь – это далось мне не без тяжелых терзаний. Наша прекрасная идея погибла – и с нею все, что я знала в моей жизни прекрасного, достойного восхищения, благородного и доброго. Мир, который наступит после фюрера и национал-социализма, больше не стоит того, что-*

бы в нем жить. Поэтому я забираю с собой отсюда и своих детей. Они слишком малы для жизни, насту пающей после нас, и милостивый Бог меня поймет, если я сама дам им избавление. Ты будешь жить дальше, и у меня к тебе единственная просьба: не забывай, что ты — немец. Не делай того, что против твоей чести, и заботься о том, чтобы наша смерть не была напрасной для твоей жизни.

Дети прелестны. Обходятся без посторонней помощи даже в этих, более чем примитивных, условиях. Спят ли они на полу или хотят умыться, есть ли у них еда — ни одной жалобы или слез. Удары сотрясают бункер. Взрослые защищают малышей, и их присутствие здесь уже потому благодать, что они иногда вызывают улыбку у фюрера...

Будь верным! Верным себе самому, верным по отношению к людям и своей стране, во всех смыслах этого слова. Гордись нами и постарайся сохранить о нас дружеские воспоминания, которые будут вызывать гордость за семью. Однажды каждый человек должен умереть, нет ничего прекраснее, почетнее и отважнее прожить так недолго, чем вести счет долгим дням в постыдных условиях. Письмо закончено. Ханна Рейч возьмет его с собой. Она еще раз совершил полет. Я обнимаю тебя в самой душевной, сердечной и материнской любви! Мой дорогой сын, живи для Германии. Твоя мать».

Несколько строк к этому прощальному письму дописал и сам Йозеф Геббельс. Как обычно, он пропагандировал, а не прощался с приемным сыном. Речь в его

письме шла только о том, что Гаральд должен оставаться примером преданности Германии и гордиться тем, что принадлежит к их семье. «*Однажды придет час, когда мы, честные и незапятнанные, вновь предстанем перед миром. Настолько же честными и незапятнанными, как наши мысли и цели.*»

Эти письма были отданы личной летчице фюрера, которая совершила еще один вылет из уже практически блокированного Берлина. Судя по этим срокам, Магда и Йозеф уже готовились к самоубийству. По крайне мере их письма свидетельствуют о том, что они прощались с сыном и не надеялись уже когда-нибудь его увидеть.

Адольф Гитлер и Ева Браун сочетались законным браком 30 апреля 1945 года. После этого фюрер сообщил своему окружению о намерении уйти из жизни. Когда он прощался с Магдой, она кричала ему: «*Мой фюрер, не покидайте нас. Без вас мы погибнем жалкими и несчастными!*» Секретарь Гитлера Траудль Юнге впоследствии вспоминал, что Геббельс кормил детей, когда услышал звук выстрела из кабинета Адольфа Гитлера.

До сих пор идут споры о том, действительно ли Магда Геббельс намеревалась покончить жизнь самоубийством и когда именно она приняла это решение. Например, Альберт Шпеер считает, что «*она не могла смириться с мыслью, что и ее дети должны умереть, но подчинилась решению своего мужа.*»

Другой ближайший сотрудник Геббельса утверждает, что она до последнего момента намеревалась бежать.

Супруг уговаривал ее уехать на Запад, где ей ничего не угрожает. В Южной Америке англичане и русские не стали бы преследовать супругу министра пропаганды.

Однако уже первого мая вопрос о самоубийстве супружов был решен окончательно. Секретарша Гитлера и служанка Евы Браун Лизл Остертаг умоляли Магду оставить детей на их попечение. Они обещали доставить всех шестерых в Байрейт и спрятать там. Супруги категорически отказались от этого предложения, причем не потрудившись мотивировать свое решение. Они решили остаться единой семьей, которая закончит жизнь одинаково и одновременно. По воспоминаниям военного радиста, служившего в бункере, все женщины — от поваров до канцелярских служащих — просили, стоя на коленях, не убивать детей. Накануне летчица Ханна Рейч предлагала Магде отправить детей вместе с ней на самолете подальше из Берлина. Геббельсы категорически отказались от предложения спасти детей.

Наступил день, когда Магда занялась приготовлением своих детей к смерти. Она тщательно расчесала всем волосы и одела в белые одежды. Геббельс предпочел при этом не присутствовать. По воспоминаниям того же радиста, доктор Штумрфеггер отправился к детям и Магде, а его коллега доктор Науманн произнес: «*Им дадут выпить сладкой водички, и на этом для них все закончится.*

С просьбой убить детей к доктору Штумрфеггеру обратился сам Геббельс. Первоначально врач отказался, а потом обещал дать детям снотворное и во сне сделать смертельные инъекции. Йозеф промолчал, а потом еще

КАРИНА ТЕРНОВА

раз попросил о мгновенной и безболезненной смерти для Хельги, Хольды, Хильды, Хайды, Хедды и Гельмута. Врач действительно сделал детям смертельные инъекции, а потом попытался спрятаться с супругой в угольном бункере рейхсканцелярии.

Около 19 часов 30 минут Геббельс вызвал своих подчиненных и потребовал, чтобы после его смерти и смерти Магды их тела сожгли, предварительно сделав контрольный выстрел в голову. Геббельс страшно боялся боли и не хотел мучиться от сожжения, если вдруг не сможет мгновенно уйти из жизни. Через час пара попрощалась. Геббельс, как всегда, был одет очень тщательно. Он даже не забыл о шляпе и перчатках. Взявшись за руки, супруги поднялись в свои комнаты. Прощаясь, Геббельс пошутил, что они поднимаются для того, чтобы кому-то облегчить задачу: не нужно будет поднимать на поверхность их тела на тележке. Он застрелился, а Магда приняла яд.

Надо сказать, что Магду сгубила именно та черта характера, которая помогала ей всю жизнь добиваться успеха. Она стала идеальной любовницей и женой: беспрекословной и ни разу не осудившей своего мужчину. Но именно эта преданность и сыграла с ней злую шутку. Она не смогла перечить своему мужчине и покончила с собой. Ведь именно этого он требовал от нее. Преданная во всем, она не изменила себе и беспрекословно покончила жизнь самоубийством, ни разу не устроив истерики, сохраняя мужество и спокойствие до самых последних мгновений жизни.

Герман Геринг и его первая жена Карин Геринг, урожденная фрекен Фок и разведенная фон Канцтов, как и многие семьи нацистов, являли собой пример для подражания и многое делали именно для поддержания пропагандистской функции своего брака для германского народа. Они считались классической любовной парой времен ранней эпохи нацизма. Их как бы противопоставляли «идеальной романтической» паре семьи Гебельсов. В отличие от семьи министра пропаганды, Геринги олицетворяли счастье нордической богини с германским героем-летчиком. Во время становления и прихода к власти НСДАП, как они сами говорили во «время борьбы», этот брак отчаянно пытались подогнать под драматический древнегерманский эпос, где два любящих сердца отдавали себя без остатка не столько своей любви, сколько делу всей своей жизни – партии НСДАП.

Судьба этой пары действительно вызывает определенную человеческую жалость своей трагичностью. На их долю выпали раннее бегство, эмиграция, безвременная кончина Карин в 1931 году. Уже спустя два года ее сестра Фанни, графиня фон Виламович-Моллендорф,

которая называла себя немецкой шведкой, опубликовала биографию своей младшей сестры, постаравшись не только почтить память Карин, но и сделать себе имя на ее смерти. В этой книге, которая увидела свет в 1933 году, Фанни писала, что ее сестра умерла именно тогда, когда она «шла вперед и вверх».

Во времена становления партии и ее прихода к власти эта биография стала бестселлером наравне со знаменитой «Майн кампф» Адольфа Гитлера. История восторженной национал-социалистки первой волны, которая прожила жизнь для партии, неоднократно издавалась в Германии и пользовалась неизменным успехом. Книга переиздавалась до 1943 года. К этому моменту ее общий тираж достиг 900 тысяч экземпляров. Речь там шла в основном о фашистской Германии. Надо думать, что к этому приложил руку доктор Геббельс. Книга издавалась уже после того, как в 1933 году он занял пост министра народного просвещения и пропаганды. Даже сегодня она интересна тем, что позволяет заглянуть в личную жизнь Германа Геринга, одного из самых удачливых немецких летчиков времен первой мировой войны. Он сумел подняться к самой вершине власти, став рейхсмаршалом немецкого рейха и главнокомандующим немецкими военно-воздушными силами.

Фанни создала красивую легенду о жизни и смерти своей сестры, хотя под влиянием Йозефа Геббельса многие факты были в ней искажены, чтобы служить не столько историческим, сколько пропагандистским материалом. Карин Геринг и после смерти служила Третьему рейху. Правда, уже помимо своей воли.

Вся история большой любви Карин и Германа началась в Швеции. В конце февраля 1920 года шведский путешественник граф Эрик фон Розен, муж сестры Карин, вернулся в Стокгольм из своей очередной экспедиции на Гран-Чако. К своему огромному неудовольствию он узнал, что плохие погодные условия не позволяют ему немедленно вылететь в свою резиденцию — замок Рокельштад. Путешествие самым неожиданным образом оборвалось за несколько сот километров от дома. Граф был раздражен. Но поскольку его всегда отличала эксцентричность и упрямство в достижении целей, он не долго думая обратился в частную авиакомпанию «Сvenska Lufttrafik», изъявив желание немедленно нанять самолет с пилотом, который доставит его в замок. Первые три пилота отказались от полета, несмотря на немалое вознаграждение, которое им предлагалось. Все они в один голос заявили, что лететь в такую погоду — чистой воды самоубийство. Однако немецкий летчик, который находился в пучине финансового кризиса, согласился совершить полет. В этот момент его гораздо больше интересовало заложенное в ломбарде зимнее пальто, чем собственная жизнь. Герман Геринг согласился на полет, надеясь на щедрое вознаграждение.

Тем более что ему было не привыкать к подобным полетам. В свое время он получил высший орден «Пурпурное сердце» за личное мужество во время командования легендарной эскадрильей истребителей имени Манфреда Фрайкера фон Рихтгофена. В Скандинавии Геринг оказался совершенно случайно. После заключения Версальского мирного договора Германия

обязалась частично расформировать свои ВВС. Как раз в это время частное воздушное сообщение ощущало избыток опытных пилотов. Количество пассажирских перевозок не возрастило, а все опытные летчики прошли службу в армии и являлись асами. Страдавший от несчастной любви к актрисе Кэт Дорш Геринг уехал в Скандинавию, где сначала занимался поставками запасных частей для самолетов, а потом был приглашен в частную авиакомпанию «Свенска Люфттрафик» в качестве шеф-пилота. Таким образом он оказался за штурвалом авиатакси, на котором граф Розен намеревался попасть в свою резиденцию.

По словам Германа Геринга, это было самое опасное путешествие в его жизни. Во время полета летчик потерял ориентацию и только путем невероятных усилий смог добраться до замка и посадить самолет на лед озера Бавензее. Сегодня замок Рокельштад больше всего напоминает средневековую крепость, которая предназначалась для того, чтобы выдержать длительную осаду неприятеля. Это строение с толстыми кирпичными стенами, круглыми угловыми башнями и обширными парковыми сооружениями внутри. Основная часть замка была построена еще в XVII веке. И только к концу XIX века миллионер граф Эрик Розен осуществил свою давнюю мечту о романтическом рыцарском доме. Он построил крепость, выдержанную в классическом стиле средневековья.

Замок привел Германа Геринга в состояние искреннего восхищения. Тем более, что он навевал ему воспоминания о раннем детстве, которое он провел в крепо-

сти Вельденштейк, недалеко от деревни Маутери в Зальцбурге, которая принадлежала другу семьи и любовнику матери Геринга барону доктору Эпенштейну. В 1938 году Герман Геринг добился того, что эти владения перешли в его частную собственность. Восхитил бесстрашного летчика и охотничий домик графа. Позднее он осуществил и эту мечту. Когда для рейхсмаршала деньги уже не имели значения, он построил аналог лесного домика в Рокельштаде, но только в гигантском размере. Эта резиденция Германа известна как «Каринхолл» в Шорндорфской пустоши. Герман вообще воплотил в жизнь многие свои фантазии, когда занял место на верхушке политической пирамиды. Его воспоминания жили в нем долгие годы, пока не представлялась возможность воплотить их в жизнь.

Именно тогда, 20 февраля 1920 года, и состоялось знакомство молодого летчика и его будущей супруги. Герман зашел в холл замка, где в открытом камине горел огонь. Позже, в целях пропаганды, чтобы сказать, что пара была обречена судьбой встать под знамена НСДАП, во всех книгах писалось, что железная решетка, на которой были сложены поленья, имела форму свастики. Хотя в современном замке этого нет. Мари фон Розен, супруга путешественника, и ее дочь-тезка вышли приветствовать летчика, доставившего хозяина в замок. Во время беседы у камина, на лестнице появилась молодая женщина, которая не торопясь спустилась вниз и присоединилась к беседе. Красивая, стройная и белокурая, она олицетворяла собой богиню красоты. Карин подошла к графу, поцеловала его

в щеку, а потом улыбнулась гостю. Герман, который был всегда убежден, что в Швеции есть много домов с чистейшей германской кровью, сидел пораженный ее красотой. По словам современников, Карин сочетала «грациозный и благородный вид с обаятельным характером». По словам самого Германа Геринга, в первый раз увидев Карин, он «сидел будто пораженный громом». Ее голубые глаза навсегда пленили сердце отважного летчика. Очаровательная незнакомка оказалась Карин фон Канцтов, которая приехала погостить к своей сестре Мари. На момент знакомства ей уже исполнилось 32 года, а ее будущему супругу только 27.

Этот вечер был переполнен эмоциями. Герингу лучше всего удавались его рассказы о войне и история о том, как он попал в Швецию. Затем граф Розен, обожавший северные саги о героях, взял свою лютню и исполнил патриотические песни. Беседа продолжалась до рассвета. И гость, и хозяин отдавали должное романтическим сагам, к тому же оба они были приверженцами консервативно-националистических взглядов. Это, вкупе с пристрастиями к рыцарским традициям и идеалам северогерманской культуры, привело к тому, что мужчины быстро нашли общий язык и стали друзьями на всю жизнь. Они спорили о политике, анализировали героические эпосы, породившие их души.

На следующий день состоялся обед, после которого мужчины отправились на летное поле. Герман восхищался полетами сына хозяина дома — Карла Густава Розена. Позже он стал создателем эфиопских ВВС и погиб во время исполнения благотворительной миссии

Красного Креста. Геринг и сам сел за штурвал самолета, совершив небольшой круг почета над резиденцией своего нового друга. Потом он сделал запись в гостевой книге: «21.02.20 г. – Герман Геринг, командир эскадрильи истребителей имени Фрайкера фон Рихтгофена». После этого он уединился с Карин, которая водила его по родовому замку и показывала часовню своей сестры «Эдельвейс». Геринг душевно попрощался со всей семьей, договорившись с Карин о randevu. Замужняя женщина ответила согласием. Так что смело можно утверждать, что замужняя женщина, мать восьмилетнего сына, полюбила этого человека с первого взгляда. Несмотря на многолетний стаж супружеской жизни, она ринулась в любовную авантюру, которая и перевернула всю ее жизнь. Первое же знакомство положило начало дальнейшей связи, приведшей к тому, что Карин стала носить фамилию Геринг.

После десяти лет супружеской жизни Карин к февралю 1920 года окончательно созрела для того, чтобы завести бурный роман на стороне. Как раз тут и появился Герман Геринг, полностью заполнивший собой все воображение женщины. Прекрасная шведка, жена профессионального офицера Нильса Густава фон Кантцов, тосковала по бурным эмоциям и любовным переживаниям. Романтическая натура, склонная к приключениям, не могла реализовать себя в этом браке. Она с тоской следила за карьерой своего супруга, заставлявшей переезжать из одного провинциального гарнизона в другой без надежды попасть в столицу. Живущую в мире романтических эмоций,

жаждущую бурных приключений Карин это совершенно не устраивало.

Свою авантюрную, склонную к приключениям на-
туру Карин фон Кантцов унаследовала от матери
Гульдина, урожденной Веамиш. Она впитала в себя
не только религиозно-романтические фантазии своей
матери, но и авантюризм отца. Карин была четвертой
из пяти детей в семье полковника, позднее – коман-
дира полка Карла фон Фока, и родилась в Стокголь-
ме 21 ноября 1888 года. Ее отец происходил из обед-
невшего вестфальского дворянского рода, мать была
из Ирландии. Так что после своего первого брака Ка-
рин вернулась в страну своих предков по материнс-
кой линии.

Все женщины в семье Фок отличались властностью
и эксцентричностью, однако эти черты характера они
совмещали с душевностью и благородством, которое так
ценилось на рубеже столетий. Многие фотографии се-
мьи Фок выдают сентиментально-восторженные харак-
теры дочерей полковника. Они, вслед за матерью, пыта-
лись избежать банальности и серости жизни. Сухая
действительность была для них отвратительна. Им по-
везло, что финансовая состоятельность рода позволила
им окунуться в причудливый духовный мир общества
«Эдельвейс», созданного еще их бабушкой. В своей
собственной часовне они погружались в религиозную
медитацию, упражнялись в молитвах и проводили мно-
гочисленные спиритические сеансы. Оккультные науки
чудесным образом уживались рядом с повышенной ре-
лигиозностью дочерей древнего дворянского рода.

Именно экстравагантность Карин заставила ее после свадьбы сестры с миллионером Эриком фон Розеном выставить на всеобщее обозрение алтарь, за которым их повенчали, в одной из башен замка Рокельштад, а затем и создать свою собственную часовню «Эдельвейс». При всем этом, самая красивая женщина Стокгольма всегда находилась в зависимости от частного религиозного объединения семьи. Она была вынуждена соотносить свои поступки с устоявшимися нормами и обычаями рода. А также прислушиваться к их мнению, прежде чем совершить сколько-нибудь значительный поступок. Подобная зависимость, вкупе со страстью к эксцентричным поступкам, наложила определенный отпечаток на психику и, как следствие, поведение Карин.

Вскоре после своего отъезда из замка Рокельштад Карин получила от Геринга письмо: *«Я хотел бы от всего сердца поблагодарить Вас за прекрасные мгновения, которые я провел в часовне «Эдельвейс». Вы даже не можете себе представить, как прекрасно я себя чувствовал в этой удивительной атмосфере. Было так тихо и прекрасно, что я забыл о всех земных беспокойствах, все заботы ушли прочь...»* Надо сказать, что Геринг нашел именно те слова, которые могли тронуть сердце романтически настроенной женщины. Не задумываясь ни на миг, она поспешила перебраться в Стокгольм, чтобы все время находиться рядом со своим новым возлюбленным. Герман оценил этот шаг и поспешил выразить Карин свою признательность за то, что она думает о нем. Пара постоянно встречалась, не задумываясь о том, что это может плохо повлиять на

репутацию замужней женщины. Своей сестре Фанни Карин призналась: «Это именно тот мужчина, о котором я мечтала всю свою жизнь». Позже она призналась ей же: «Мы – как Тристан и Изольда. Мы отведали любовного напитка и стали беспомощны в экстазе под его воздействием». Очень скоро Карин и Герман стали неразлучны на все одиннадцать лет, что были отведены их семейному счастью. Она очень сильно повлияла на образ жизни и взгляды своего будущего супруга. Она во многом стала решающим фактором, который заставлял будущего рейхсмаршала принимать те или иные решения.

Всего за полгода роман Германа и Карин достиг апогея своей страсти. Замужняя женщина полностью забыла о семье, муже и ребенке. Она мечтала только об одном: постоянно находиться рядом с Герингом. Летом 1920 года, наплевав на семью и мнение окружающих, не боясь прослыть распутной женщиной, Карин отправилась вместе с Германом, чтобы быть представленной его матери.

Мать будущего рейхсмаршала Франциска Геринг принял будущую невестку на удивление холодно. На удивление, потому что сама Франциска никогда не отличалась благонравностью и пережила весьма бурную жизнь. Последние годы своего замужества она прожила в одном доме с мужем и любовником одновременно. В замке Вельденштейн ее супруг жил на первом этаже, а сама Франциска с бароном Эпенштейном – на втором. Собственный опыт, однако, не сделал вдову более лояльной. Она в категорической форме заявила,

что Герман должен немедленно разорвать всякие отношения с замужней шведкой, и в резких выражениях обрисовала всю аморальность подобной связи. Но Германа Геринга, который вырос в семье, где «любовь втроем» практиковалась многие годы, совершенно не трогали подобные речи. Он и не собирался прислушиваться к материнским увещеваниям. Наверняка он и предполагал подобную реакцию. Его поступок был не более чем жестом вежливости по отношению к матери и будущей супруге.

Пробыв несколько дней у матери, Герман с Карин отправились в романтическое путешествие. Они объехали практически всю Германию, Баварию и австрийские Альпы. Будущая супруга командующего ВВС Германии подливала масла в огонь тем, что не собиралась скрывать свои отношения с любовником. Более того, она открыто провоцировала семейный скандал, постоянно отсылая домой письма с подробным описанием происходящего. Однажды она даже отослала семье фотоальбом с фотографиями, фиксирующими ее романтическое путешествие. Карин обожала писать. Помимо собственной семьи она держала в курсе событий и мать, от которой никогда ничего не скрывала и с которой до самой смерти оставалась очень близка. Надо сказать, что мать Карин полностью поддерживала дочь на всех стадиях романа с Германом. Этот человек ей импонировал, и она считала его гораздо лучшей парой для своей дочери, чем ее нынешний супруг.

Именно тогда они завели себе романтическое убежище, которое окрестили «Пряничный домик». Это был

дом крестьянина Хубера в Хохкройте, около Баварского ущелья (горы вблизи австрийской границы). Он сохранился до наших дней. Пара часто там бывала с 1920 по 1923 год. Потом они стали наезжать гораздо реже, но все-таки постоянно проводили там полные страсти дни до того момента, пока Герман не перевелся в Берлин. Тогда они забыли о своем «Пряничном домике», хотя аренда была уплачена по 1930 год включительно. В этом домике Карин собственноручно готовила и убирала, не забывая писать письма своему супругу, который оканчивал первый курс военной академии во Франции. Свое пребывание в Хохкройте она объясняла целебным воздухом, который ей жизненно необходим. При этом, встречаясь с мужем, она постоянно уверяла его, что он и ребенок являются для нее единственным смыслом жизни.

Трудно предположить, что муж верил ее словам. Но по каким-то причинам он не спешил с разводом. Они все еще состояли в официальном браке, когда Карин вместе с Германом перебрались жить в коммуналку в Стокгольме. Оттуда они переехали пожить к замкам Людвига II. Любовники считали, что духовный мир баварского короля как нельзя больше отвечает их собственным духовным потребностям и мечтам.

Все время, пока влюбленные путешествовали, Герман постоянно твердил Карин, что она должна развестись. Но женщина не спешила окончательно порвать отношения с супругом. В первую очередь она опасалась того, что ей не дадут видеться с сыном. Пока любовники жили в Стокгольме, сын Карин, Томас, постояннотайком прибегал к ним и восторженно слушал рассказы

дяди Германа о военных летчиках. Любовник матери стал для мальчика образцом героизма.

Однако Нильс фон Канцлов все еще лелеял в душе мечту сохранить свой брак. Однажды он даже решил-ся устроить совместный обед, чтобы расставить все точки над «и». Обед состоялся, но все его участники чувства-ми себя неловко и только еще больше запутались в своих отношениях. Вскоре Герман с Карин опять уехали в баварские горы. Карин давала о себе знать все реже, в основном тогда, когда у них заканчивались деньги. Супруг, каждый раз надеясь, что письмо — это попытка примирения, отсыпал необходимые суммы, но Карин каждый раз находила предлог, чтобы не возвращаться домой, а оставаться рядом с Германом. В одном из писем из Баварии в Швецию родителям она писала: *«Ба-вария — прекрасное место. Такое изобилие, так тепло... так все по-другому. Совершенно не похоже на остальную Германию. Я здесь совершенно счастлива и чувствую себя как дома. Если я вернусь в Швецию, то только из-за тоски по матери, Нильсу, моему малень-кому мальчику и по тем, кого я люблю. Но как раз эта мучительная, болезненная тоска означает, что я по-чи всегда печальна. О, моя дорогая мама, если бы только не эта сильная любовь к тому единственno-му...»* Родители совершенно не пытались убедить дочь вернуться в семью. Они лишь предлагали ей вернуться из Баварии и поселиться в летнем доме семьи в Энгехольме при Дроттнингхольме.

На развод Карин решилась лишь два года спустя. Официально она прервала свои отношения с супругом

лишь 13 декабря 1922 года. Нильсу фон Канцтову присудили выплачивать бывшей жене пособие на содержание сына, которого она оставила у себя. Это окончательно сломило его как мужчину. Нильс впал в глубокую депрессию и писал родителям Карин: «Я могу только ее любить».

Однако финансовый кризис не отпускал Германа и Карин их своих объятий. И для того, чтобы хоть как-то решить эту проблему, Герман Геринг начал в 1921 году изучать в Мюнхене историю и народное хозяйство. Он тогда и думать не смел о какой бы то ни было политической карьере. Но его и Карин судьба решилась уже в следующем году, когда все еще влюбленная до безумия друг в друга пара познакомилась с Адольфом Гитлером. Будущий фюрер моментально вдохновил обоих своими лозунгами о спасении родины, расторжении позорного Версальского договора и начале крестового похода против коммунистов и евреев.

Гитлер как всегда преследовал свои цели. Ему импонировал образ бывшего героя-летчика и казалось, что именно такой человек должен стать под знамена НСДАП, чтобы создать группы боевиков. Герман оправдал возложенные на него надежды и вскоре создал свои знаменитые «штурмовые отряды» (СА).

Давая показания перед Международным трибуналом в Нюрнберге в 1946 году, Герман Геринг так описывал свое отношение в Гитлеру: «С первого мгновения, как я его увидел и услышал, я стал его рьяным сторонником. Я дал ему свою руку и сказал: “Я связываю свою судьбу с Вашей на жизнь и на смерть...”

в хорошее и плохое время... ради Вас я готов сложить свою голову"».

Карин Геринг не меньше своего возлюбленного воссторгалась личностью Гитлера. Она неоднократно выступала с речами о «святости дела». После того как в 1923 году прошел неудачный путч Гитлера против правительства и президента Эберта, она публично заявила, что *«движение, которое создает таких героев (как Гитлер), никогда не может умереть»*. Ее страстное служение НСДАП заняло всю ее жизнь и окончилось только вместе со смертью. Хотя и после этого ее личность была предметом пропаганды. Как-то она сказала, что *«Герман и я за это (Гитлер и партия) охотно пошли бы на смерть»*. Однако ее супруг оказался не настолько привержен идеям НСДАП. Взять хотя бы тот факт, что он стал одним из немногих на верхушке Третьего рейха, который не покончил жизнь самоубийством после поражения во второй мировой войне.

Сам же Гитлер весьма сдержанно отзывался о супружеской паре, не забывая отметить и результат первого брака Карин: *«Мужчины северных стран до того слабы, что прекрасные женщины от них уходят, если встречают все же мужчину, похожего на нас (немцев). Так это произошло и у Германа с Карин»*.

Свое бракосочетание Герман и Карин отпраздновали дважды. Первый раз 25 февраля в Стокгольме. А потом 3 марта в коммунальной квартире в Мюнхене. Правда, второе торжество вышло более чем скромным. Бывшие сослуживцы Германа по эскадрилье явились в парадной форме и изображали почетный эскор特 при

невесте, одетой во все белое. Букет невесты достался впоследствии семье Фок. После бракосочетания супруги Геринг отправились в путешествие: сначала в Италию, а потом, на несколько дней, в своей любимый «Пряничный домик». Оттуда Карин написала своему сыну письмо, пытаясь объяснить 11-летнему мальчику происходящее. Она изрядно лукавила, когда описывала мальчику причины развода с его отцом и свой повторный брак.

«Дорогой Томас! Тетя Мария (сестра Карин) уже рассказывала тебе о том, что я теперь замужем за капитаном Герингом и мы переехали жить в новый дом. Ты же знаешь, что из-за своего слабого здоровья я не могу переносить суровый климат Швеции. Ты также знаешь, что именно поэтому я должна оставаться здесь, в горах. Капитана Геринга, как ты помнишь, мы знаем уже давно по Стокгольму. Он был так мил и добр ко мне, что согласился помочь твоей маме, когда я одна находилась в чужой стране (Баварии). Здесь я обнаружила, что люблю его так сильно, что готова выйти за него замуж. Видишь, милый, он сделал твою маму счастливой, и ты не должен быть поэтому печальным. На нашу с тобой любовь это никак не повлияет. Ты же сам видишь, что больше всего на свете я люблю тебя». Одной из своих многочисленных подруг Карин описывала причину своего замужества несколько иначе: *«Мой Бог, как прекрасно иметь мужчину, которому не требуются два дня, чтобы понять шутку и рассмеяться».*

Карин лукавила только отчасти. Она действительно была невероятно большой женщиной, одолеваемый

целым букетом всевозможных болезней. Почти постоянная ангина с одышкой, зачастую приводившей к обмороку, астма, тяжелый ревматизм, скрытые заболевания кишечника и малокровие — это далеко не полный перечень заболеваний, которыми постоянно страдала Карин в свои 35 лет.

Ее бывшему супругу ничего не оставалось кроме того, чтобы выслать бывшей жене деньги на покупку приличествовавшего званию дома. Он же полностью оплачивал работу персонала. Хотя, надо отдать ему должное, сделал он все это еще до самого факта свадьбы. Таким образом, супруги Геринг переехали в недавно построенный дом в Оберменцинге, в предместье Мюнхена недалеко от Нимфенбурга. Вилла выбиралась очень долго и тщательно, учитывались даже растущие на ее территории растения. Состояние здоровья Карин не позволяло ей находиться постоянно в черте города и соседствовать с целым рядом растений, вызывавших у нее аллергию и новые приступы астмы. Новый дом находился вдалеке от общественного транспорта. Но удаленность от центра города и транспортных магистралей не особенно заботила Карин. Ведь помимо всего прочего Нильс фон Канцлов оплачивал своей бывшей жене содержание «Мерседеса» и личного шофера.

Этот дом сохранился до наших дней в том виде, в котором его увидели Геринги. Полностью сохранился и сад, с уже старыми деревьями. На фоне новых застроек он выглядит оазисом начала века, контрастирующим с авангардом конца тысячелетия.

Карин с редкостным усердием взялась за обустройство дома, который стал воплощением ее мечты об идеальном жилище и уютном гнездышке любящей пары. Обо всех своих действиях по наведению в доме порядка она тщательно и обстоятельно писала своей матери. Она заказала для комнат розовые оконные стекла, в которых отражался солнечный свет, покрыла полы нежно-розовыми коврами и белыми звериными шкурами. Мебель и любимый белый орган Карин заказала в Швеции. Деньги ее супруга позволяли не чувствовать себя стесненной финансово, и фантазия Карин работала на всю катушку. В комнате для занятий она тоже положила розовый ковер из Смирны, который должен был подчеркивать дорогоизму старинной махагоновой мебели. В своей спальне она приказала поклеить белые обои, а над кроватью сделать голубой полог, изображающий небо. Даже мебель и туалетные столики по возможности выдерживались в розовых тонах. С общей обстановкой дома контрастировал только рабочий кабинет Германа Геринга: его украшала тяжелая дубовая мебель, а вместо окон были заказаны витражи, изображающие батальные сцены из жизни средневековых рыцарей.

Дом действительно получился у Карин очень уютным и красивым. В нем не было и намека на хандру, присущую тяжелобольной женщине. Напротив, жилище Герингов было призвано излучать уют и любовь, без единого намека на грусть и меланхолию. Подобное оформление дома скорее бы подошло юной девице, а не разменявшей четвертый десяток женщине, которая второй раз решилась на замужество и воспитывала

11-летнего сына. Но при всех своих тяжелых болезнях Карин всегда оставалась жизнерадостной и полной сил женщиной, которая была готова полностью посвятить себя захватившим ее идеям и отдаваться их реализации. Правда, она видела в подобном самопожертвовании и определенную долю романтизма. Это придавало ей дополнительные силы.

Свое стремление к романтизму средневекового рыцарства Карин смогла отразить и в обустройстве дома. Через опускающиеся в полу столовой двери можно было попасть непосредственно в центр дома – сводчатое подвальное помещение. Там она оставила открытой каменную кладку, которую украсила гобеленами и шкурами. В помещении стояла тяжелая инкрустированная мебель. Свои мечты о собственном замке она смогла выразить, но только в очень ограниченном масштабе. Эти подвальные помещения, очень похожие на катакомбы замка, стали идеальным местом для первых собраний национал-социалистов. Особенно хорошо эти помещения играли на руку, когда супруги Геринги хотели показать себя радушными и неординарными хозяевами. Именно там иногда устраивались торжественные приемы.

Фанни, сестра Карин, которая в то время тоже жила в Баварии и часто навещала супругов, в своей книге описывает сестру как очень радушную хозяйку: «...как она угожала некоторых уставших, затравленных и голодных национал-социалистов собственноручно приготовленными блюдами! А как были кстати ее вкусные и оригинальные блюда, приготовленные для

фюрера и посещавших его людей, после их многочасовых совещаний!»

С другой стороны, и сам Геринг проявил себя как незаурядный организатор. В чрезвычайно сжатые сроки он подготовил из разношерстной толпы прекрасно организованные штурмовые бригады (СА), которые были готовы действовать по одному его слову. Когда его личная армия промаршировала перед Гитлером 15 апреля 1923 года, Карин просто светилась от восторга и гордости за мужа. Она поспешила написать своему сыну Томасу: «Однажды ты будешь гордиться моим любимым мужчиной, который теперь стал твоим вторым отцом. Сегодня он заставил свою армию храбрых молодых немцев маршировать мимо Гитлера, и я уви-дела, как сияло его лицо. Он много с ними работал, так что бывшая толпа черни... действительно преврати-лась в армию света... готовая по приказу фюрера дви-нуться, чтобы вновь сделать свободной эту несчаст-ную страну... Когда все закончилось, фюрер обнял моего любимого мужчину и сказал мне, что если он сообщит ему все, что он думает в действительности о его достижении, он (Герман Геринг) потеряет голо-ву. Я сказала ему, что меня саму распирает от гор-дости. После этого он поцеловал мне руку и сказал, что у женщины с такой хорошенъкой головкой этого не может случиться. Это был, может быть, не самый элегантный комплимент, который мне приходилось слышать, но я пришла от него в восторг».

Забавно, но во всех своих письмах Томасу Каин избегала называть своего второго мужа по имени. Види-

мо, в его отношениях с пасынком не все складывалось удачно, поэтому ей постоянно приходилось подчеркивать, что Герман является ее любимым мужчиной и его вторым отцом. В романтических семьях, где любви придавалось огромное значение, это был весьма серьезный аргумент.

В то время как Карин и Герман все с большим энтузиазмом посвящали себя новой молодой партии НСДАП, у бывшего супруга Карин Нильса фон Канцтова все отчетливее стали проявляться симптомы тяжелого психического расстройства. В середине 1923 года, находясь в командировке, он бросился с кулаками на собственного сослуживца, который в присутствии Нильса осмелился ругать Германа Геринга. Сослуживец, которого фон Канцтров начал душить, отчаянно звал на помощь. Когда Нильса попытались оттащить от обидчика, он, не долго думая, выбросился в окно. Из-за этого инцидента он был отстранен от учебы в военной академии. Его состояние стремительно ухудшалось с каждым месяцем. Он умер в состоянии глубоко психического расстройства. Однако до самой смерти оставался невероятно щедрым: Нильс полностью финансировал Германа и Карин Геринг, позволяя им вести хозяйство на широкую ногу. Он заботился об их содержании и регулярно отсыпал огромные продуктовые посылки.

Итак, Карин свела с ума, в буквальном смысле, одного мужчину (психическое расстройство Нильса фон Канцтова многие исследователи напрямую связывают с его разводом с Карин, после чего его состояние стало ухудшаться) и значительно повлияла на второго —

Германа Геринга. Очень многие свои поступки он принимал именно под воздействием мнения Карин. Нельзя сказать, что он полностью подчинился ей, но ее мнение значило для него очень многое.

В том же году, 15 июля 1923 года, умерла и мать Германа Геринга – Франциска Геринг. Карин участвовала в похоронах, несмотря на свою сильную простуду. Она подхватила во время похорон тяжелейшее воспаление легких, от которого потом не могла избавиться несколько месяцев. В своем очередном письме Томасу в Стокгольм (хотя она и получала средства на содержание сына, он жил с ее родней в столице Швеции) она написала: *«У меня легкая простуда. Пишу, лежа в постели, потому что мой самый любимый мужчина на этом ~~настоял~~... Он очень занят, много работает. Предстоит великие дела».*

К концу 1923 года почти все крайне правые промилитаристские объединения фактически были готовы к объединенному союзу, который должен был совершить военный переворот. Подобная попытка была предпринята 8 ноября 1923 года. Сама Карин лежала в постели больная и не могла принять участия в шествии. Зато ее сестра Фанни шла в колонне демонстрантов. Она стала свидетельницей, как колонны штурмовиков СА и ударные группы бойцов в полдень маршировали под ликующие возгласы толпы, уверенные в своей победе. Они направлялись к Одеонплатц. В первой шеренге шагали Гитлер, Геринг и генерал Людендорф. Недалеко от Фельдхерренхалле местная баварская полиция решила остановить демонстрацию

и открыла огонь. Среди шагающих появились убитые и раненые. Сам Геринг тоже получил несколько пуль в бедро. Штурмовики затащили своего беспомощного начальника в ближайший дом, хозяином которого был еврей Баллен. Он узнал Германа Геринга и хотя не вызвал врача, оказал ему необходимую помощь. Может, именно трогательная забота европейской семьи спасла жизнь человеку, который впоследствии принимал программу их уничтожения как один из пунктов деятельности партии.

После ~~неудавшейся~~ попытки военного переворота правительство запретило деятельность НСДАП, но симпатии народа к ее членам росли с каждым днем. Сам Геринг также остался верен идеалам партии и, спасаясь от политического преследования, благополучно сбежал в Австрию. Все письма Карин, которые она писала в изгнании, наполнены стремлением к непримиримой борьбе. Политические идеалы полностью завладели ею, она стремилась к активной деятельности в качестве члена НСДАП. В своей фанатичности Карин явно отождествляла себя с героями средневековых немецких легенд, которые никогда не поступались идеалами и до конца жизни боролись за свободу своего родного края. Вот одно из писем того времени к матери, датированное 13 ноября 1923 года:

«...мы пережили неслыханно тяжелые часы, но вопреки всему — счастливы! Нога Германа прострелена, пуля прошла навылет ~~всего~~ в полусантиметре от артерии, множество осколков и грязи находятся внутри длинного протока, который просверлила пуля. Еще

есть пулевое ранение вверху (на правом бедре), которое ужасно воспалается из-за того, что вся грязь и т.д. пытается выйти, и поэтому вызывает нагноение, лихорадку и сильную боль... Он должен так бесконечно много выдержать, добрый милый Герман, но думает беспрестанно обо мне.

Из Мюнхена в Гармиш мы ехали (после первой перевязки) в автомобиле с хорошими друзьями, на вилле которых мы жили два дня, но потом уехали из-за того, что он (Геринг) здесь был. Перед виллой начались демонстрации и крики «ура». Толпы людей приходили сюда. Поэтому мы решили, что будет лучше отправиться прочь через границу в Австрию. Мы поехали туда на автомобиле, но на границе были арестованы полицейскими, вооруженными револьверами. Они поехали вместе с нами и доставили нас назад в Германию. Собралась масса народа, со всех сторон слышалось «Хайль, Геринг», шутки и остроты по поводу офицеров полиции. Они очень взъярились, когда толпа их чуть не линчевала.

Во время всего обратного пути в автомобиле, который был для него, конечно, ужасно трудным, он думал только о том, чтобы я не испугалась и не стала волноваться. Он был так добр, несмотря на душевную и телесную боль. Его паспорт представители власти отобрали. Мы приехали в больницу, которая была окружена сторожами и часовыми, и несмотря на это, нам помогли только благодаря чуду. Германа вынесли из больницы и через два часа с фальшивым паспортом провезли через границу... Мама, ты не должна думать,

что дело Гитлера потеряно, что от него отказались. Он победит, я это чувствую, я это знаю. Мы еще увидим финал, и эта первая неудача сделает окончательную победу более глубокой, зрелой и серьезной...»

В Инсбруке, куда приехал Геринг, его сторонники устроили своему кумиру триумфальную встречу. После того как он разместился в больнице, ему пришлось стойко перенести многочасовое паломничество людей, которые стремились выразить ему свои чувства. Телеграммы и цветы несли без конца. Проводились собрания, на которых обсуждалось, как именно можно помочь НСДАП и лично Герингу. Бесконечным потоком шли финансовые пожертвования. Все это время состояние тяжелораненого оставалось крайне серьезным. Раны постоянно гноились, нарывы прорывались и заливали кровью и гноем повязки, температура резко поднималась. Врачи склонялись к проведению двух крайне серьезных операций в местах ранения. Пытаясь хоть как-то оградить пациента от боли, врачи постоянно кололи ему морфий, так что Геринг находился в полубессознательном состоянии. Как следствие этих дней, у Геринга выработалась медикаментозная зависимость от морфия, которая преследовала его всю жизнь.

По сути, с этого дня Герман Геринг стал наркоманом, который не мог обходиться без постоянных инъекций морфия. Это значительно повлияло в дальнейшем на его характер и психику. От пагубной привычки, которую он приобрел помимо своей воли, он смог избавиться только незадолго до смерти в американской тюрьме.

Все время болезни Германа Карин практически ни на минуту не отходила от постели своего мужа. Встреча Геринга была не только триумфальной. По дороге в больницу коммунисты забросали машину камнями. Так что Карин оказалась на соседней койке с многочисленными порезами и переломом пальца на ноге. К Рождеству Геринг начал поправляться. Его состояние настолько улучшилось, что он сменил больничную палату на номер в отеле «Тирольский двор», где находился постоянно при свите, которая не только охраняла его, но и выполняла различные поручения.

Карин была в восторге от пребывания в отеле, о чем не преминула сообщить матери в письме от 20 февраля 1924 года. *«Мы живем здесь в самом первоклассном отеле в Инсбруке. Его владелец – «человек Гитлера» – заставляет нас жить за его счет. Он настоял на том, чтобы взять все расходы на себя. У нас большая спальня с ванной и еще большая и уютная жилая комната. Еда очень хорошая. Мы едим «а ла карте», и все наши заказы выполняются буквально за 30 секунд. Все официанты – штурмовики СА, которые боготворят Германа!.. Говорят, что мы не должны думать о плате. Пока мы все не организуем, они воспримут это как личное оскорбление. Если бы могли никогда не платить, это бы не повредило. Это была бы только маленькая жертва, которую они охотно принесли бы Герману. Всю сумму, которую мы должны заплатить, отель дарит движению Гитлера. Сознайся, что это просто великолепно!»*

Как видно, Карин занимала не только идеология. Она видела в этом и вполне земные прелести. И хотя

ее нельзя назвать скопой, она всю жизнь предпочитала жить за чужой счет. Брала деньги на содержание любовника у мужа, приняла от него в подарок дом, охотно не платила в отеле. Позже, когда Геринг поднялся к вершинам власти, она охотно использовала свое положение, чтобы не утруждать себя расходами. Practически все ее желания исполнялись бесплатно.

В сочельник штурмовики СА из города Инсбрук преподнесли Герману и Карин небольшой подарок: нарядно украшенную маленькую елку, свечи на которой они украсили символическими цветами нацистов — черным, белым и красным. Герман все передвигался с помощью костылей, Карин тоже была не совсем здорова. Поэтому супружеская чета по обоюдной договоренности отказалась от взаимного обмена подарками. Новый год супруги праздновали у дирекции отеля, которые пригласили всех, кто, по словам Карин, «хочет обменяться тостами “На здоровье!” и “Хайль!” с Гитлером и Герингом». Праздновали они в столовой, где провели вечер в прекрасном настроении под немецким флагом.

Впрочем, подобные вечера были в изгнании скорее исключением, чем правилом. Карин почти все время болела, периодически даже лежала прикованная к постели. В таком виде она мало походила на активистку НСДАП, которая намеревается отдать все силы политической борьбе. Скорее, она напоминала несчастную женщину в изгнании. Она часто теряла сознание и тогда приходилось делать камфорные инъекции, чтобы привести супругу Геринга в чувство. Вскоре врачи

констатировали, что у Карин наблюдаются все симптомы неизлечимой болезни сердца. После этого она потеряла всякие иллюзии по поводу своего возможного полного излечения от недугов и впала в депрессию. Герман и сам крайне тяжело перенес известие о неизлечимой болезни жены.

Карин почему-то вспомнила о бывшем супруге. Она напечатала на пишущей машинке, которую ей подарил Герман на день рождения, описание зимнего Инсбрука, который ей представлялся как «*переполненная тарелка с подноса офицера*», и отослала послание Нильсу фон Канцтову. Нельзя отказать в мужестве этой женщине. Даже будучи прикованной к постели, Карин пыталась оказать посильную помощь партии. Например, она старательно собирала сообщения зарубежной прессы об активистах все еще запрещенной НСДАП, многих из которых опекали ее родственники, и передавала всю информацию Адольфу Гитлеру. О возвращении в Мюнхен не могло быть и речи, что еще больше угнетало Карин Геринг. В Германии супруги Геринг были объявлены в розыск, извещения об этом, снабженные фотографиями Германа и Карин, висели на всех столбах. Стоило им только перейти границу, как арест не заставил бы себя ждать.

Герман искал любые возможности для того, чтобы вернуться. Он даже хотел стать добровольным полицейским. Для этого он разыскал курсирующую между Инсбруком и Мюнхеном адвоката партии доктора Родера, чтобы через него попросить на это разрешение фюрера. Гитлер отказал, чем отодвинул столь ожида-

емую амнистию супругов на неопределенный срок. Подобное решение Адольфа Гитлера еще больше усилило и без того прогрессирующую депрессию Германа и Карин.

Но удивительное дело: депрессия по поводу своего собственного положения странным образом ужималась в Карин с гордостью за партию. В своем письме матери она одновременно жаловалась на собственное положение и хвасталась успехами партии: «*Наша мюнхенская вилла конфискована, счета арестованы, забрали даже автомобиль. На меня теперь также распространяется приказ об аресте. И несмотря на все это, для Гитлера все складывается очень удачно. Его работа движется вперед как никогда раньше.*» Карин с гордостью сообщала о том, что они смогли сделать в Швеции для продвижения НСДАП. Выдержав удар судьбы, она уже утешала собственную семью и успокаивала их, говоря, что у нее все нормализуется. Участие в деятельности партии ее сестры Фанни приняло такие оголтело-истерические формы, что даже сама супруга Геринга как-то заявила: «*Она слишком национал-социалистична для меня.*» Но и такая политическая ангажированность не позволяла ей забывать о своих прогрессирующих болезнях. Сердечные приступы Карин все чаще сменялись приступами ревматизма, с которыми ей было все труднее бороться.

Германа тоже беспокоило его с Карин будущее. Он не мог предсказать ход событий, поэтому просто наблюдал за их развитием и строил планы. Герман четко осознавал,

что пока не закончится процесс против путчистов, среди которых был и он сам, вернуться в Германию практически невозможно. Об этом он даже писал в письме своей теще 22 февраля 1924 года: «*Во время процесса (против Гитлера и остальных путчистов, который продолжался с 26 февраля по 1 апреля 1924 года) я планирую оставаться здесь, но потом, если не представится шанса вернуться в Германию, мы хотим через Италию попасть в Швецию. Так как пребывание там все еще значительно дешевле, чем везде, и прежде всего намного красивее, нежели в Австрии... Может быть, там я найду какую-нибудь работу, пока условия не позволяют вернуться в Германию. Ведь я хочу вернуться только в нацистскую Германию, а не в эту еврейскую республику. Я снова буду готов к борьбе за свою родину...»*

Карин полностью разделяла антисемитские взгляды мужа. Трудно сказать, какие у нее были на это причины. Ведь интеллигенция Германии не особенно сильно грешила подобными взглядами. Тем не менее Карин с гордостью и пietетом рассказывала своей сестре Лили историю о ее бывшем шоферे Шелльсхорне: «*Он теперь без работы, без гроша в кармане. Но когда ему предложили место шофера в замке одного богатого еврея, он гордо отказался со словами: "Кто однажды удостаивался чести служить Гитлеру или Герингу, должен испытывать боль, как от смертельной раны; когда ему предлагают получить работу у семита... В тысячу раз лучше умереть от голода, чем служить еврею"*». Пафос этих строк – просто фантастический,

но сколько в них гордости смертельно больной женщины, которая узнала о верности своего работника. Для впечатлительной Карин на месте еврея мог быть человек любой национальности. Главное в этом монологе то, что шофер считает своими лучшими воспоминаниями время работы на партию.

Процесс против Гитлера и Геринга начался в Мюнхене 26 февраля 1924 года. Оба они были прекрасно информированы об этом событии доктором Родером. Карин не находила себе места и всем повторяла без устали: «*Я неслыханно взволнована. Мысленно я все чаще чувствую себя рядом с Гитлером. Господи, помоги ему. Я должна срочно написать матери, это поможет мне легче перенести волнение...*» Как выяснилось позже, страхи и волнение были совершенно напрасны и необоснованы. По ходу дела странно исчезли обвинения в пропаже крупной суммы денег и убийстве четырех полицейских, которое произошло во время марша. Баварский суд проявил чудеса мягкотелости. Объявились все новые и новые смягчающие обстоятельства. Гитлера приговорили к пяти годам заключения в крепости, но шесть месяцев, пока шло следствие, из этого срока сразу же исключили. Остальные четыре с половиной года оказались условным заключением. Для Гитлера, который являлся подданным Австрии, приговор не представлял ни малейшей опасности и никак не мешал дальнейшей работе.

Все прошло нормально, но Геринги снова оказались на краю полного финансового краха. И как только закончился процесс, Карин в качестве заместителя Германа поехала

в Мюнхен, чтобы раздобыть хоть немного денег. Генерал Людендорф, к которому она прибыла 6 апреля, отказал ей сразу. В ответ на слова о помощи, которая так необходима ее мужу, который «*столь многим пожертвовал для своей родины*», генерал безапелляционно заявил, что родина требует безвозмездных жертв. Поэтому ни о какой оплате содержания семьи за границей и речи быть не может. В полном шоке от услышанного Карин бросилась разыскивать Гитлера в крепости Ландсберг. Фюрер жил там весьма вольготно, принимал посетителей и вообще не чувствовал себя заключенным. Правда, денег он так и не дал. Зато, как и все его посетители, около 500 человек за пару лет жительства в крепости, она получила на память фотографию Адольфа Гитлера, стоящего у стен крепости Ландсберг, с надписью на память: «*Уважаемой супруге моего командира штурмовиков СА фрау Карин Геринг на память о посещении в крепости Ландсберг. 15 апреля 1924 года*». Вместо денег Гитлер дал Карин поручение: ехать в Италию, чтобы установить там контакты с Муссолини и уже у него просить финансовой помощи для НСДАП.

В полном отчаянии Карин Геринг решилась на последний шаг. Она обратилась за помощью к преуспевающему хирургу-ортопеду Кильсу Сильфверскиельду, дальнему родственнику семьи Фок. Он, как и все предыдущие, отказался помочь деньгами. Не дал он и столь необходимого для Геринга морфия, без которого глава СА уже не мог обходиться. Вместо этого доктор предложил Карин, чтобы она отправила мужа на курсы лечения от наркозависимости. Лечение не дало ничего,

хотя отец Карин, полковник фон Фок, взял на себя оплату лечебного курса. Герман один за другим посетил четыре санатория, но так и не вылечился от зависимости. В санатории «Аспуденс» он настолько сильно страдал от «ломки», что решился взломать шкаф с медикаментами и угрожать медперсоналу, который пытался его остановить, расправой. В его истории болезни появилась запись, мотивирующая причину, по которой Геринг опять начал постоянно получать морфий: *«Она (Карин) боялась, что капитан (Герман) в приступе ярости может кого-то убить»*. По сути, шеф СА являлся законченным наркоманом, который зачастую не мог контролировать свои поступки. Но всю войну он находился во главе ВВС, а пропагандисты тщательно замалчивали маленький недостаток одного из командующих Третьего рейха.

После описанного случая Геринга, с согласия Карин, в смирительной рубашке перевели в госпиталь Катарины, а потом – в психиатрическую клинику Лангбро. Если проанализировать историю болезни Германа Геринга из всех клиник, в которых он лежал, то перед нами предстанет жестокий истерик и евреененавистник с нестабильным и слабым характером, невероятно злобный по отношению к другим и до патологии сентиментальный по отношению к собственной семье. Кстати, почти все руководство Третьего рейха отличалось этой особенностью. К 7 октября, когда его состояние стабилизировалось, он в ясном сознании был выписан из психиатрической клиники. Но у Германа не замедлил проявиться рецидив. Он какое-то время скрывал свой возврат к наркотикам, но потом сознался во всем Карин.

заметив, что ее болезни стремительно прогрессируют. У Карин все хуже было с сердцем.

В 1927 году, спустя три года, Герман Геринг решил вернуться к активной политической жизни. К этому времени его как политика совершенно забыли. Имя Геринга даже было вычеркнуто из списков членов партии НСДАП. Судя по всему, тогдашние члены партии совершенно не горели желанием принять в свои ряды долгие годы пропадавшего офицера. Геринг написал о происходящем в Германии Карин, которую оставил в Стокгольме. Герман метался между больной женой и партией, и получил от нее ответ: «*В таких случаях правда – единственное верное средство, и ты имеешь право ее знать, потому что ты любишь меня и всегда все для меня делал. Поэтому ты должен знать, что я не боюсь смерти... Я только хочу, чтобы исполнилась моя воля, потому что я знаю – своя воля является для каждого человека лучшим выбором. И, мой милый, если чего не дает Бог, так это такой смерти, как вечный сон. Раз, и все забывается. Но я убеждена в том, что мы там, наверху, опять увидимся. Конечно, я очень хочу жить, чтобы ты не горевал, и ради моего Томаса. Мне бы этого хотелось – да, мне страх как бы этого хотелось – остаться у вас обоих в памяти...*

Здоровье моего милого – моя самая большая забота. Твоя болезнь действительно намного опаснее, чем моя. Милый, я все время думала о тебе. Ты – все, что у меня есть, и я прошу тебя: попытайся всеми силами освободиться от влечения к морфию, пока еще не слишком поздно. Я прекрасно тебя понимаю: ты не

можешь сейчас прекратить его употреблять, теперь, когда так много от тебя зависит. Когда тебя со всех сторон осаждают. Ты будешь торопиться, но держи себя в рамках... Делай настолько длинную паузу, насколько это возможно. Ты должен страдать. Это будет тебе неприятно, но сделай это по моей воле, потому что моя любовь к тебе безгранична... И быть морфинистом – значит совершить настолько много самоубийств: каждый день от тебя уходит частичка твоего тела и твоей души... Тобой владеет злой дух и злая власть, и тело постепенно увядает... Спаси себя сам. Этим ты спасешь и меня!..»

В биографии Карин ее сестра, Фанни фон Вилатович, естественно, и не упомянула о страсти Германа к морфию. Она постаралась создать образы мученика и его верной супруги, которая шла на все, чтобы поддерживать мужа. В той же книге есть много анекдотов о Гитлере той поры, когда Герман вернулся в Берлин. Но на самом деле отношения Геринга и Гитлера складывались не лучшим образом. Почти год понадобился супругу Карин, чтобы хоть как-то расположить к себе фюрера и вернуть доверие других членов НСДАП. Настоящим возвращением Геринга в НСДАП можно считать май 1928 года, когда Адольф Гитлер предложил ему стать одним из кандидатов НСДАП на выборах в рейхстаг. Геринг тут же перевез в Берлин свою больную жену, которая изъявила желание всячески помогать мужу и НСДАП на грядущих выборах. В результате, пережив трудную и утомительную поездку, Карин Геринг приехала в Берлин за три дня до выборов. Она обосновалась

в небольшой квартирке Геринга и тут же поспешила написать матери:

«Поездка прошла хорошо, но была утомительной... В Берлине меня встретил Герман, потом на автомобиле поехали туда, где он имеет огромную комнату. Это угловая комната со светлым, залитым солнцем балконом и цветущей сиренью. Я искупалась, выпила чая, отдохнула... После этого предстояла еще одна трехчасовая автомобильная поездка. Мы ехали со скоростью 115 километров в час! Весь Берлин в предвыборном настроении, сами выборы назначены на воскресенье. Они уже начались с убийства друг друга, ежедневно коммунисты шествуют с красными флагами и горящими Библиями по городу, и всегда они встречают людей Гитлера, также с красными флагами, но украшенными свастикой. И затем начинается потасовка с убитыми и ранеными...»

Спустя еще три дня Карин снова решила написать матери. Но на этот раз ограничилась короткой восторженной телеграммой, датированной 21 мая: «Германа вчера выбрали. Мама, ты понимаешь?! Твоя Карин». Помимо Германа, на выборах в рейхstag прошло еще десять членов НСДАП. Карин присутствовала на открытии вновь сформированного рейхстага. Она укрепилась в своем положении, стала более уверенной в себе. Это сразу же проявилось в ее оценках остальных прошедших на выборах депутатов. Всех, кто не шел от НСДАП, она окрестила «несколько совершенно очевидных преступников, остальные – евреи».

Для Карин это был откровенный успех. После многих лет эмиграции и скитаний, когда все бывшие знакомые ей отказывали в помощи, она вновь стала женой большого политика, который постоянно находится на виду. Вместе с годами эмиграции в прошлое канули и все финансовые проблемы Герингов. Семья переехала в большую и удобную квартиру. Карин вновь почувствовала себя светской дамой, и, несмотря на все ухудшающееся состояние, активно занялась ее обустройством, чтобы быть готовой к светским приемам. Герман в это время отправился по заданию партии в Цюрих.

Эту квартиру подробно описала в своих воспоминаниях Генриетта Гофман, дочь придворного фотографа НСДАП. С Карин она познакомилась осенью 1928 года в Мюнхене. Генрих Гофман заставил ее сфотографироваться со своей дочерью. После чего Карин и подружилась с девушкой, пригласив ее к себе в Берлин. «Хотя это была еще маленькая одноэтажная квартира, Геринг часто приглашал гостей: прусских принцев и принцесс фон Гессен, друзей из Швеции... Крупные промышленники, которые представляли интерес для рейхстага, часто бывали у него в гостях... Карин была необычайно привлекательна, а Герман – прирожденный хозяин. Он мешал майонез, охлаждал кружки с пивом. Я должна была оставаться среди людей, пока не уходил последний гость, потому что я спала на кушетке...»

Карин до последних дней своей жизни старалась помогать мужу по мере своих сил. Она стала активным агитатором, все время убеждая всех гостей дома

вступать в партию и всеми силами помогать НСДАП. Прирожденная аристократка привлекала к дому, а значит и к партии, большое количество дворянских особ, мнение которых в то время еще много значило. Последние годы своей жизни в Берлине она описывала друзьям так: «Я замечаю, что все идет хорошо и что круг людей вокруг нас все стремительнее расширяется. Мы многое делаем для Гитлера и его идей. Август-Вильгельм из Гогенцоллернов и князь Вида познакомили нас с массой интересных и полезных людей...» Герман, как и сама Карин, обожал бурную светскую жизнь, поэтому всячески приветствовал появление в доме таких именитых гостей. Кроме вышеперечисленных, в дом Герингов наведывался брат Августа Айтель-Фриурик, а супруга князя Виктора Вида, Мария Элизабета, стала подругой Карин. Правда, к моменту своего пика славы, как светской дамы, Карин зачастую чувствовала себя настолько плохо, что могла приветствовать гостей только лежа на кушетке. Встать уже сил не было. В те дни, когда состояние Карин ухудшалось настолько, что она не могла хозяйничать на кухне, к столу подавались только утրированно простые блюда типа горохового супа со свининой и шведские яблочные пирожные с ванилью.

Правда, не все друзья и родственники Германа и Карин разделяли их симпатии к нацистам. Например, часто приезжавшая из Швеции незамужняя сестра Карин, Эльза, совершенно ошеломляющее для Герингов высказывалась о германском нацизме. По возвращении в Швецию она рассказывала: «Ты понимаешь,

Карин и Герман взяли нас с собой на собрание НСДАП во Дворец спорта. Мы сделали только два шага, как толпа молодых людей высоко вытянула руки вверх и дико закричала. Я удивленно оглянулась и спросила: «Что здесь происходит? Кто идет? Это королевская персона?» И можешь себе представить, это был всего лишь Герман, которому они присягнули на верность. Он, оказывается, здесь очень популярен...»

Надо отдать должное Карин, она совершенно не устраивала проблем из подобного отношения родственников к делу всей ее жизни. Будучи аристократкой, она уважала точку зрения равных себе. По крайней мере, родственники Карин могли позволить себе подобные высказывания, не боясь поссориться с семьей Геринга. Хотя ни Карин, ни Герман не были в восторге от их едких замечаний и старались их переубедить. Правда, не всегда успешно.

Семья Герингов вовсе не забыла годы нужды и изгнания. Судя по всему, Герман не рассчитывал на то, что его власть продлится долго. В этом он был схож с большевиками 20-х годов. Во избежание возможной конфискации имущества, он отправился вместе с Карин к нотариусу и переписал на ее имя практически все, что находилось в доме. Подозревая, что его могут настигнуть судебные иски по процессам, которые неизбежно возникнут из-за частого нарушения НСДАП закона, Герман не хотел, чтобы это коснулось его жены. На ее имя 2 октября 1930 года записали всю мебель в квартире и даже инвентарь прислуго. Если верить этому

документу, страсть Германа Геринга к антиквариату возникла еще тогда. В списке ценных вещей присутствуют подлинники известных мастеров, антиквариат, стариная мебель, персидские и китайские ковры. В список вещей, принадлежавших Карин Геринг, внесли даже пылесос, гармонику и алюминиевые горшки.

Спустя два года после первых успешных выборов членов НСДАП в рейхstag, Карин снова появилась на открытии нового состава рейхстага 13 октября 1930 года. Теперь в его состав попали уже 117 представителей партии нацистов.

К Рождеству 1930 года состояние Карин снова ухудшилось. Она уже прекрасно осознавала, что дни ее сочтены. Да и врачи не скрывали своих самых печальных прогнозов относительно ее здоровья. Тогда она писала: «Я болела и лежала перед Рождеством с температурой под 40. День прошел, а я только смогла нарядить елку и выполнить последнюю запланированную на день работу – упаковать подарки. В восемь часов вечера пришел Геббельс, чтобы отпраздновать с нами сочельник. Он принес с собой очаровательно сделанные пакеты с подарками... Елка зажглась, и подарки были разданы. Потом у меня начался озноб, причем такой сильный, что я свалилась с софы...»

К тому времени наркомания Германа уже ни для кого в партии не являлась секретом. Ее не особенно обсуждали, поскольку Герман Геринг снова находился в фаворе у фюрера, но энтузиазма это знание не вызывало. Отношение к нему оставалось подчеркнуто ровным, хотя многие и позволяли себе скрытое презрение

к наркоману. Геббельс тоже знал о недуге коллеги по НСДАП. В своем дневнике 29 января 1931 года он записал: «*От фрау ф.Д. (Виктория фон Дирксен) я знаю, что Геринг опять находится под бременем морфия. Это же ужасно. Ему ведь больше нельзя становиться злым, вместе с этим чувством возвращается и его первоздность. Я хочу немного понаблюдать за ним...*» Спустя несколько недель, видимо, сделав необходимые наблюдения и выводы, Геббельс снова вернулся 20 февраля к Герингу в своем дневнике: «*Он явно страдает манией величия. Все это последствия наркомании... безудержный оппортунист... Его нужно сначала доставить в «желтый дом» (психиатрическая клиника). Нельзя дать ему погибнуть.*

Много записей посвящены в дневниках доктора Йозефа Геббельса и супруге Геринга Карин. Ее состояние явно вызывало у него сочувствие и уважение к этой женщине. Например, 29 января он писал: «*Я слышал от Геринга, что его жена тяжело больна и находится при смерти...*» Спустя несколько дней состояние Карин несколько улучшилось, что Геббельс не преминул отметить: «*У Геринга за кофе. С нами, все еще в постели, лежит прекрасная Карин. Она выглядит хорошо искренне радуется тому, что я пришел их навестить. Я очень уважаю эту женщину.*

В то время как сам Герман Геринг много разъезжал по стране в качестве штатного оратора партии, Карин тоже много переезжала, но только из одной клиники в другую. Санаторий в Крайте, клиника в Баварии... Все свободное время Карин Геринг посвящала чтению. Еще

одним ее хобби было придумывание и разработка новых костюмов для супруга. Вполне возможно, что в ней умер неплохой модельер. По крайней мере, никто из современников ни разу не упрекнул эту женщину в отсутствии хорошего вкуса. Если она приезжала к Герману в Берлин, то, по словам современников, он на это время становился значительнотише и спокойнее. Она делала его выдержаным и уравновешенным.

Чтобы показать, насколько он ценит семью Герингов, фюрер в июле 1931 года подарил им «Мерседес» взамен конфискованного перед бегством. Восторги супругов вылились во фразу, которую они повторяли своим знакомым, утверждая, что машина – *«доказательство заботы и доброты фюрера»*. Чтобы обкатать подарок, а заодно и хорошо провести отпуск, Карин и Герман отправились в продолжительное путешествие по дорогам Германии, Австрии и Швеции. Это было их последнее совместное путешествие. Карин чувствовала себя настолько плохо, что уже практически не выходила из машины. Она предпочитала даже обедать внутри салона. По дороге в Швецию, к родне Карин, супруги заехали в Дрезден, где встретились с Адольфом Гитлером.

Трудно утверждать наверняка, но если верить все той же претенциозной книге Фанни Виламович, то Карин при виде фюрера воскликнула: *«Если бы только вся Германия могла осознать, кого мы имеем в лице Гитлера, то наступило бы новое время!»*

Через шесть дней после приезда Карин в Швецию, 25 сентября 1931 года, совершенно неожиданно от скопротечной болезни умерла мать фрау Геринг, Гульдина

фон Фок. Смерть матери повергла Карин в глубокую депрессию, из которой она уже так и не вышла. Германа срочно вызвали в Германию. Карин пережила мать ненадолго. Она скончалась 17 октября 1931 года, так и не дождавшись своего горячо любимого супруга. Причиной смерти стал сердечный приступ.

Четыре дня гроб с телом Кариностоял в ее любимой часовне «Эдельвейс», а потом 21 октября, в день ее 43-летия, она была похоронена на небольшом кладбище Лове под Дrottингхольмом, лётней резиденцией семьи Фок. Единственным человеком, которого практически не тронула смерть Карин Геринг, оказался ее старый знакомый, товарищ по партии Германа, доктор Геббельс. В своих дневниках он описал события только как член партии НСДАП. В строках дневника нет и намека на человеческие эмоции по отношению к умершей: *«Черты лица Германа окаменели, когда посреди его тяжелой борьбы он потерял любимую женщины. Но он ни мгновения не колебался. Серъезно и настойчиво он продолжал идти своим путем, непоколебимый оруженосец фюрера. Это стойкий солдат с дерзким сердцем...»*

После смерти жены Герман Геринг не прервал отношений со своими шведскими родственниками. По случаю всех праздников или семейных торжеств он посыпал им венки из белых и красных цветов, которые всегда имели одну только форму – форму свастики. Спустя год после смерти Карин он даже присутствовал на свадьбе Бригитты фон Розен, где произнес тост в честь новой Германии и НСДАП.

В Германии Карин стала культовой фигурой. Ее воспевали как шведку, которая ради истинной любви смогла отбросить все свое прошлое, переехать в Германию и стать активной национал-социалисткой, как и ее супруг. Особенно сильное хождение эта красивая легенда получила после прихода нацистов к власти. Они всячески воспевали энтузиазм Карин по отношению к фюреру. Официальная оценка ее роли в становлении НСДАП была заранее предусмотрена. К ее тиражированию намеревались преступить после окончания войн Третьего рейха. По крайней мере, это было тщательно зафиксировано во множестве официальных бумаг. Но поскольку руки у Германии до этого так и не дошли, то немецкому народу пришлось довольствоваться книгой Фанни Виламович и работой придворного биографа нацистов Эриха Гритцбахе.

Немецкие пропагандисты не могли пройти мимо истории, которая сама просилась в пропагандистские лозунги: любовь немецкого летчика и шведской дворянки. Она несла в себе все необходимые героико-романтические элементы, необходимые для создания полноценного эпоса. Роман Германа и Карин стал базой для образования нового вида придворных корреспонденций, в которых нацистская элита заняла бы место коронованных особ прошедших дней.

Одна из таких помпезных публикаций громко называлась «Высокая песня любви: немецкое становление». Она, как и ей подобные книги, должна была обеспечить переход читателей, не интересующихся политикой, на восприятие новых образов. Она же заменяла бульвар-

ную прессу, с которой нацисты тщательно боролись. Именно история семьи Герингов закрыла брешь в изысканно сплетенной сети тотального окопачивания населения Германии.

Если судить по историческим документам, которым можно однозначно доверять, то, скорее всего, сама Карин воспринимала национал-социализм как своеобразный заменитель религии и была не так уж далека от истины. Ей казалось, что подобное движение может объединить в себе все доброе, ценное, идеально-необходимое для людей. Что ж, это ее взгляд, который она отстаивала всей своей жизнью. Однако сам фюрер уважал ее за совершенно другие качества. Для него она вместила в себе все допустимую экстравагантность, религиозно-увлекающиеся черты. Она стала прообразом некой мессии, которая должна избавить Германию от ярма держав-победителей и повести к светлому будущему.

Адольф Гитлер гордился строками, которыми описывала его Карин 4 января 1931 года в письме к матери: «*И одиноко стоит так обессиленно человек, которому, и прежде всего именно ему, я верю. Я возлагаю на него все мои надежды – это Гитлер. Если он однажды возьмется за штурвал на этом тонущем корабле, то все изменится...*» Гитлеру, который всегда комплексовал по поводу своего происхождения и испытывал невольный трепет перед представителями старинных родов, такая оценка невероятно льстила. Гитлер всегда оставался для Карин «*гением, полным любви к истине*». Она восхищалась этим человеком и его «*рыцарской*»

борьбой. Несмотря на все неудачи НСДАП и ее семьи, Карин всегда считала, что будущее Германии – в нацизме.

В октябре 1933 года, когда полным ходом шел процесс о поджоге рейхстага, Герман Геринг посетил могилу жены в Швеции. Как обычно, он возложил на ее могилу венок из зеленых листьев, выполненный в форме свастики. Утром 8 ноября неизвестные люди растоптали цветы, а на могильном камне Карин Геринг, сделанном тоже в форме свастики, прикрепили табличку с надписью, сделанной на шведском языке: «*Мы, несколько шведов, чувствуем себя оскорбленными из-за осквернения могилы немцем Герингом. Мир праху его прежней супруги, но пусть он избавит нас от немецкой пропаганды на ее надгробии*». Этот случай стал для Геринга поводом перенести могилу. Для покойной супруги он соорудил в своей роскошной резиденции «Каринхолл», посреди водно-лесного ландшафта Шорнфхайде, подземный мавзолей.

Перенос останков жены Германа Геринга стал событием государственного масштаба. Им занимались на самом высшем уровне. Инициатором выступил премьер-министр Геринг, а организацией перезахоронения руководил министр пропаганды Йозеф Геббельс.

Похороны супруги стали политической ширмой для целого ряда событий за кулисами политической борьбы. Момент был выбран таким образом, чтобы ~~чтобы~~ оказать максимальное политически-пропагандистское воздействие на массы. В разрезе этих событий, осквернение могилы Карин Геринг выглядит уже не совсем случайностью. Вполне можно предположить, что

и оно было запланировано нацистскими боссами. Для переноса останков выбрали удачное время: за десять дней до знаменитого «путча Рема», во время которого руководитель штурмовиков, сменивший на этом посту Германа Геринга, был «совершенно случайно» убит. На самом деле целью путча как раз и являлось убийство Рема. Шеф СА вышел из-под контроля и претендовал на раздел власти. Перенос останков Карин Геринг был призван отвлечь внимание германского народа от убийства и похорон вышедшего из доверия рейха Рема.

Торжественные похороны героини раннего национал-социализма Карин Геринг играли на руку руководству Третьего рейха. Таким образом покойная супруга Геринга опять оказалась на службе у нацистов, уже помимо своей воли. Она служила им при жизни, для нее нашлась работа и через три года после смерти.

Перенос останков Карин из Швеции в Германию проходил невероятно помпезно, но без участия священников. По замыслу Йозефа Геббельса похороны больше походили на традиционные погребения времен фараонов. Основу для мероприятия он позаимствовал в культе Древнего Египта. Сначала немецкие экипажи торпедных катеров и шведские национал-социалисты проявили редкостное взаимодействие в Швеции при раскопке могилы в Лове. Затем Геббельс задействовал специально украшенный поезд особого назначения, который и доставил останки Карин Геринг в Германию. Все эпизоды траурной церемонии Геббельс педантично расписал по минутам и не допускал ни малейшего

отклонения от сценария. На всем пути следования поезда до конечного пункта его назначения, станции Эбервальде (дорожная станция вблизи от «Каринхолла»), царил государственный траур. Флаги были приспущены, звучал колокольный звон. Вдоль дороги стояли отряды гитлерюгенд. На станцию стеклись тысячи немцев, чтобы отдать последнюю дань героине раннего национал-социализма. Последний отрезок пути по Шорфхайде Карин везли в открытой машине. Оловянный гроб установили на черном обелиске, вокруг которого постоянно горел жертвенный огонь. Машину сопровождал конный почетный караул.

Непосредственно церемония захоронения началась в «Каринхолле» ровно в 12 часов дня, когда там появился Адольф Гитлер. Солдаты взяли «на караул», и оловянный гроб, покрытый флагом со свастикой, под звуки траурного марша из оперы Вагнера «Сумерки богов» пронесли сквозь строй солдат в мавзолей. Уже там все родственники Карин, иностранные дипломаты и представители нацистской элиты отдали последний долг Карин Геринг. Последними в мавзолей спустились Гитлер и Геринг, чтобы наедине попрощаться с покойницей.

В июне 1934 года «Народная женская газета» так описывала это событие государственной важности: *«Как всегда, национал-социализм, объединивший под своими знаменами Германию, помнит героев своего движения. Он возложил венец благодарности на могилу Карин Геринг. Да здравствует Германия, для которой такие женщины живут, борются и умирают! Жизнь этой нордической женщины является для нас примером! С*

глубоким уважением мы затихнем перед такой сверхъестественной преданностью и внутренним величием истинной женщины...»

В склепе «Каринхолла» Карин Геринг не нашла свое последнее пристанище. Когда весной 1945 года Красная Армия все ближе подходила к Шорфхайде, Геринг лично распорядился взорвать свою летнюю резиденцию вместе с подземным мавзолеем. Перед тем как взорвать склеп, по приказу Германа останки его первой жены были извлечены из оловянного гроба и перезахоронены в ближайшем лесу. После чего место ее предыдущего захоронения сровняли с землей.

Но и на новом месте Карин не обрела покой. После захвата этих земель солдаты СССР по приказу штаба перерыли все окрестные земли в поисках сокровищ, запрятых Герингом при отступлении. Они случайно обнаружили могилу Карин Геринг и осквернили ее. Вырытые останки обнаружил местный лесничий, который тщательно собрал их и уведомил об этом шведских родственников первой жены Германа Геринга.

В Восточной Германии вовсю занимались строительством коммунизма. В таких условиях шведские родственники Карин понимали, что их прошение о переносе останков в Швецию никогда не будет удовлетворено. Пришлось действовать частным образом. Для этого в Восточную Германию прибыла Фанни Виламович, которая обратилась за помощью к шведскому пастору в Берлине Герберту Янсону.

Вместе они составили план перевозки и нового захоронения Карин Геринг, который стал бы украшением

ЭМНИ ТЕРИНГ

Жены и любовницы нацистов

любого детективного сериала. Сначала Янсон отправился к леснику и убедил его вырыть останки Карин и тайно доставить их к нему в Берлин. Там пастор взялся уже за работу сам. Для начала он достал фальшивое свидетельство о смерти и под фальшивым же именем кремировал останки Карин в крематории Вильмерсдорфа. Потом он добыл еще одни фальшивые документы и с урной в багаже отправился в Швецию.

Во время краткой остановки в Гамбурге его машина оказалась ограбленной. Воры вынесли все, что смогли, оставив только урну с прахом, которая не представляла для них никакой ценности. Чуть позже Янсон все-таки сумел передать останки Карин Геринг семье Фок вместе с квитанцией о кремации.

После небольшого праздника памяти Карин ее похоронили в ее старой могиле на кладбище в Лове. Это было пятое погребение Карин Геринг.

Э

мма Иоханна Хенни (Эмми) Зоннеманн официаль но родилась 24 марта 1894 года. Хотя наиболее вероятной датой рождения, подтвержденной многими документами и свидетельствами, является 1893 год. А возможно, что она родилась и еще раньше. Ее отец, преуспевающий коммерсант, имел процветающую шоколадную фабрику. В своих воспоминаниях Эмми так отзывалась об отце: «Он был настоящим весельчаком, полным юмора, истинно нордического чувства! Совершенно здоровый мужчина. Таким он оставался до самой своей смерти в возрасте 82 лет».

Эмми Зоннеманн – пятый ребенок в многодетной семье – беззаботно росла под присмотром родителей и многочисленных няньек. Она захотела стать актрисой после того, как в 12-летнем возрасте попала с родителями на «Венецианского купца» Вильяма Шекспира. Эмми совершенно искренне и со всей возможной отдачей заинтересовалась спектаклем. Он стал венцом ее фантазий. Однако ее отец, который слыл настоящим буржуа, и слышать не хотел об увлечении дочери, считая театр ненужным для дочери. Для него образцом идеальной женщины являлась добродорядочная жена.

Жены и любовницы нацистов

Поэтому он заявил Эмми: «*Ты должна выйти замуж и сделать счастливым своего мужа!*»

Поддержку Эмми нашла в лице матери, которая в свое время тоже мечтала посвятить себя театру, но похоронила мечты, выйдя замуж. Она решилась помочь своей дочери, но поставила одно непременное условие: «*Сначала ты должна выучиться вести домашнее хозяйство.*» И все же актрисой Эмми стала совершенно случайно. Ее мать весной 1911 года прочла в «Гамбургской газете для женщин» объявление режиссера городского театра комедии Леопольда Йесснера об открытии новой школы актеров с предоставлением двух стипендий для особо одаренных учеников.

Видимо, одной из причин отказа отца помочь дочери стать актрисой было еще и нежелание тратить деньги на совершенно бесполезное, с его точки зрения, обучение. По крайней мере, позже Эмми Геринг будет говорить о том, что мать ей сказала следующие слова: «*Если ты сейчас получишь это вакантное место с выплачиваемой стипендией, то отец разрешит тебе стать актрисой.*» Девушка выбрала для поступления роль Гретхен из «Фауста» Гете. Ее выступление понравилось режиссеру, и она стала стипендиаткой театральной студии.

Первое публичное выступление будущей «недосягаемой женщины» прошло на сцене провинциального театра города Ауссиг, когда Эмми исполнилось 18 лет. Летом 1915 года она уже обручилась с молодым актером Карлом Кестлином, с которым познакомилась на своем новом месте работы – в мюнхенском театре.

Свадьбу юные дарования отметили в самый разгар первой мировой войны 13 января 1916 года в Триесте. К концу войны Эмми перешла работать в новый театр: Ее приняли в венский «Фольксбюнде». Потом поступали предложения из Штутгарта и Висбадена, которые актриса также приняла.

Так что, по сути, кочуя из театра в театр, она никогда и не жила с собственным супругом. Ее муж, тоже занятый собственной карьерой, не стремился сохранить скоротечный брак. В начале 20-х годов, так и не пожив вместе, пара развелась. Эмми никогда и не относилась к этому союзу серьезно. Ее просто захлестнула театральная романтика, где были приняты ранние браки между актерами и скоротечные романы на театральных подмостках. Собственно, особой нравственностью и пуританством Эмми никогда и не отличалась.

В 1922 году Энни Зоннеманн подала прошение главному управляющему Немецким национальным театром в Веймаре доктору Францу Ульбриху о приеме ее на роль «юной героини». Ее прошение удовлетворили, и Эмми получила роль Феклы в пьесе Шиллера «Пикколо мини». Постановка имела шумный успех, часть которого приходился и на долю молодой актрисы. Театр предложил ей долгосрочный контракт, который девушка с радостью подписала и переехала жить в Веймар. Следующие десять лет она прожила в городе Гете и Шиллера, полностью посвятив себя только театру. Ее любовные связи того времени являлись эпизодическими, а поскольку о них она не любила распространяться, то о них известно только то, что они были.

Эмми выходила на сцену театра в роли Гретхен в «Фаусте», королевы в «Дон Карлосе». По сути, она переиграла большинство женских ролей классического театрального репертуара. Однако она не отказывалась и от ролей в спектаклях по пьесам Германа Бара, Оскара Уайльда, Генриха Ибсена. Ее жизнь стала неожиданно однообразной. При всем множестве ролей, каждый день Эмми походил на предыдущий. Она жила в ожидании вечера, сцены и зрителей. До обеда шли репетиции, потом обед в «Золотом якоре», приятные беседы с коллегами за чашкой кофе в «Кафе кайзера» во второй половине дня, и наконец – театр.

Эмми достигла 38 лет и с ужасом осознала, что достигла всего, чего только могла достичь при своем небольшом таланте. Жизнь не предвещала ничего нового. Лучшее, на что она могла рассчитывать, так это на то, что ее жизнь не изменится к худшему. Пик славы уже прошел, начиналось медленное старение и увядание. Но Эмми в корне ошибалась, когда считала, что в ее жизни уже не будет коренных изменений.

Веймар, столица Тюрингии, с 1920 по 1940 год являлся не только театральным городом, но и опорным пунктом набиравших силу национал-социалистов. Именно здесь проходил их знаменитый партийный съезд в 1926 году. На родине Гете членов НСДАП радушно принимали и оказывали им все возможные в те времена почести. Местные национал-социалисты очень рано приняли культ личности Гитлера и тщательно его культивировали. Именно поэтому лидеры НСДАП часто и охотно навещали Веймар.

В 1932 году в своем любимом «Кафе кайзера» Эмми Зоннеманн познакомилась с Германом Герингом, уже похоронившим свою первую супругу. Он приехал в свите Гитлера. А поскольку фюрер всегда искал контакты с театральной богемой, то он не мог не посетить кафе, где постоянно собирались актеры Немецкого национального театра. Герман тогда занимал далеко не первое место в свите Гитлера. Может быть, именно поэтому его лицо не было хорошо известно актерам. По крайне мере Эмми, если верить ее мемуарам, первоначально спутала своего будущего супруга с доктором Геббельсом.

Спустя пару месяцев, весной 1932 года, Эмми Зоннеманн снова случайно встретилась с Германом во время своей прогулки по парку Бельведер. Актриса только что потеряла мать, поэтому на нее произвело большое впечатление то, с какой любовью Геринг говорил о своей покойной жене, которую тоже похоронил совсем недавно. Герман, тронутый сочувствием актрисы, которая искренне выражала соболезнования по поводу смерти его любимой женщины, подарил на память Эмми фотографию Карин. Актриса знала эту женщину, даже однажды видела, но так и не смогла побеседовать с ней лично.

Сближение Германа и Эмми происходило очень стремительно, и очень скоро актриса говорила своей подруге: *«Я счастлива, что после стольких лет одиночества я узнала в Германе мужчину, который полностью соответствует моему идеалу!»* Немного позже Геринг отбыл в Италию и с Капри прислал Эмми письмо, в котором полностью выразил свои чувства по отношению

к ней. Собственно, именно тогда будущий брак этих людей стал лишь делом времени. Приехав на очередное партсобрание в Веймар, где Герман должен был выступить с речью, он настоял на том, чтобы между ним и Эмми произошел решительный разговор относительно их будущего. Они объяснились друг другу в своих чувствах и решили пожениться. Эмми Зоннеманн вспоминала этот день так: «*Домой я возвращалась не в компании, а только с Германом. По дороге решилась моя будущая судьба.*

Частые встречи актрисы и Германа Геринга, который после выборов 31 июля 1932 года стал президентом рейхстага, не могли остаться незамеченными в небольшом городе. Пара стала объектом сплетен и постоянно обсуждения. Да и визиты Эмми в берлинскую квартиру Германа не являлись тайной для нацистов. Эмми поразила тогда склонность ее возлюбленного к роскоши. Он полностью перестроил квартиру на Купальной улице, где когда-то жил вместе с Карин, уже к августу 1932 года.

Вместо пяти комнат, он перепланировал квартиру и перестроил ее в большой люкс, который занял весь этаж жилого дома. В самой большой комнате он установил огромные, в человеческий рост, готические подсвечники, очень ценные картины, антикварную мебель. В жилой комнате Герман повесил gobelen, на котором были вышиты красными нитками замки. Геринг часто повторял: «*Это крепости и замки моих предков!*» Эмми выросла в далеко не бедной семье, но подобная роскошь поразила даже ее. Достаточно прагматичная женщина,

Эмми видела откровенное бахвальство человека, который знал и нищенские времена. Так же для нее не являлось тайной пристрастие Германа Геринга к морфию. Она согласилась подыгрывать президенту рейхстага, который не очень хотел афишировать их связь. Например, если Эмми приезжала в «Каринхолл», то ее представляли как личную секретаршу хозяина дома. Хотя ни для друзей Геринга, ни для домашней прислуги истинные отношения двух почти 40-летних людей не являлись тайной.

Эмми несколько походила на первую жену Германа Геринга. Может быть, именно ее внешнее сходство и стало той причиной, по которой он обратил на актрису внимание. Эмми Зоннеманн тоже была высокой и белокурой, отличалась статью и фигурой. То есть вполне могла подойти под излюбленный Герингом облик «германо-нордической женщины». К тому же разумная женщина хорошо понимала, что должна стать еще и душевной подругой, терпеливо утешающей вдовца. Эту роль Эмми сыграла безукоризненно. И Герман решил, что встретил ту единственную, которая скрасит остатки его дней.

Тень Карин еще долго витала над немолодой парой. Но у актрисы хватило ума не устраивать по этому поводу истерику, чтобы сохранить отношения с влиятельным нацистом. Очень скоро Эмми поняла, что привязанности Германа можно добиться и обходными путями, используя для этого его покойную жену. Она сделала все в борьбе за сердце Германа, чтобы его ревностный культ Карин расцветал постоянно все более пышными цветами памяти и поклонения мертвой супруге.

Например, в новой квартире на Кайзердам, 34, они завели комнату, которая служила местом поклонения Карин. В ней стояла ее мебель, ее любимая белая гармоника и многочисленные личные вещи. Это место стало культовым для Германа с подачи Эмми. Только самому Герману Герингу разрешалось входить в эту комнату, которая стала святынищем, где все предметы никогда не меняли своего места. Многочисленные портреты Карин были развешаны и в «Каринхолле». На лодочной станции близлежащего озера стояли на приколе ее яхты «Карин I» и «Карин II». Только в 1936 году, спустя пять лет после смерти Карин, Герман Геринг решил назвать свой скромный охотничий домик «Эммихолл». Можно считать, что Эмми потребовалось целых три года, чтобы полностью завладеть чувствами своего мужа-наркомана.

Отношения между Эмми и Германом стали настолько близкими, что, отправляясь в Швецию на Рождество к родственникам первой жены, Геринг позволил себе повезти для них подарок от новой возлюбленной. В своем письме из Стокгольма он писал ей: *«Твое радио играет нам шведские песни... Какую радость ты мне доставила этим... Здесь о тебе отзываются очень тепло, и теперь, моя милая, я говорю тебе сердечное спасибо за всю твою любовь, твою жертву и все, что ты для меня сделала. Возможно, что будущий год позволит нам обдумать нашу дальнейшую совместную жизнь».*

Гитлер отблагодарил Геринга за верную службу, когда стал 30 января 1933 года рейхсканцлером. Герман вошел в коалиционное правительство как один из

трех национал-социалистов, выбранных для него. Узнав об этом, Эмми Зоннеманн поспешила в Берлин, чтобы лично поздравить возлюбленного и принять участие в торжестве по поводу нового назначения. Во время факельного шествия, которым нацисты отметили новое назначение Гитлера, она стояла у окна в номере отеля «Кайзергоф», расположенного напротив рейхсканцелярии. Она вспоминала об этом времени, как будто присутствовала на *«сцене балкона Новой Германии»*. Прямо напротив нее Геринг распахнул окна рейхсканцелярии, чтобы народ мог приветствовать своего «нового фюрера Германии». Эмми не преминула показать, насколько сильно она заботится о своем возлюбленном и его фюрере. Чтобы быть вооруженным на случай провокации со стороны коммунистов, она снабдила Геринга револьвером.

Вскоре случился пожар рейхстага. 27 февраля 1933 года пламя объяло здание. Геринг уже давно планировал разобраться со своими политическими оппонентами самым жестоким и действенным способом, так что пожар стал формальным поводом, который позволил ему начать репрессии против коммунистов. До сих пор считается, что поджог мог организовать и сам президент рейхстага, чтобы спровоцировать левые партии, в первую очередь коммунистов, и иметь повод начать против них крестовый поход. Но Эмми в своих воспоминаниях опровергает это суждение. В доказательство своей правоты она приводит телефонный разговор, который состоялся в день поджога: *«Семейные портреты! Зачем я отвез их в новый кабинет именно накануне поджога?»*, —

орал Герман в трубку во время телефонного разговора. С одной стороны, этот довод мог показаться совершенно наивным и неубедительным. Однако, при всей своей жестокости, Герман был до патологии сентиментальным человеком. Принося в жертву идеи сотни и тысячи человеческих жизней, он никогда не осмелился бы обречь на уничтожение ни одну из вещей, которая связывала бы его с Карин. Этот бессовестный политик мог пожертвовать всем, но не памятью о первой жене. Триумфально, но действительно правдоподобно. Так что бытовой разговор, который невозможно проверить, действительно мог бы стать аргументом в защиту нациста. Кстати, впоследствии исследования подтвердили, что он действительно не был причастен к поджогу.

Находясь подле Геринга, Эмми не забывала о своей карьере. Политический рост ее любовника открывал перед женщиной все новые горизонты. Например, когда Герман Геринг стал премьер-министром Пруссии 11 апреля 1933 года, это как нельзя более выгодно использовала Эмми. По ее просьбе Герман настоял на том, чтобы она была приглашена в известный Берлинский драматический театр на главную роль в политической драме «Шлагетер» Ганса Ехстра. Правда, сама Эмми мотивировала свое желание тем, что хочет находиться как можно ближе с своему возлюбленному. Поспешно написанная в 1933 году пьеса служила прославлению Альберта Лео Шлагетера, который, будучи членом Великой немецкой партии, близкой по духу к НСДАП, участвовал в саботаже против захвата власти в мае 1923 года в Пурской области. Французы его казнили, а нацисты

объявили мучеником и почитали как «первую кровавую жертву немецкого возрождения».

В принципе, никто никогда не рассматривал Эмми как актрису-протеже Геринга. В свое время она сама добилась популярности, выступая на сцене Немецкого национального театра в Веймаре, который считался не только государственным театром Тюрингии, но и ареной фестивалей Немецкого общества Гете. Она и после встречи с Германом еще лет двадцать выходила на сцену. Другое дело, что она сама никогда бы не пробилась на подмостки Берлина без столь могущественных связей, которые появились у нее в результате близости с Герингом. Так что зависимость ее популярности от брата – очевидна. Не стань она любовницей, а потом и женой Германа Геринга, Эмми Зоннеманн так и осталась бы малоизвестной провинциальной актрисой.

Однако после приглашения в Берлин она вновь занялась своей дальнейшей карьерой, правда, опять-таки заручившись поддержкой нацистов. Как свидетельствуют документы министерства культуры рейха, в 1933 году она обратилась к комиссару Хинкелю с предложением снять фильм «Вильгельм Телль» по Шиллеру. При этом актриса строго соблюла собственные интересы, забронировав себе роль Хедвиги в этой экранизации.

В феврале 1935 года, будучи в Веймаре на уик-энде, Герман сделал Эмми предложение. Прозвучало оно так: «*Давай поженимся на Пасху. Фюрер будет нашим свидетелем*». Эмми с восторгом приняла предложение, которого ждала уже давно. 15 марта, в рамках небольшой

вечеринки на 40 персон, куда были приглашены послы Англии, Франции, Венгрии и Японии, Геринг объявил о своей помолвке с Эмми. На вопрос жены английского посла, леди Фиппс, как он решился второй раз жениться, Герман ответил: «Я собираюсь жениться на ней только из-за желания фюрера. Он думает, что среди нас, зубров партии, слишком много холостяков». Романтическая фраза в духе Геринга.

До наших дней дошло замечательное описание Германа Геринга, сделанное американским послом по особым поручениям Вильямом К.Буллитом: «Он имеет обычные пропорции немецкого тенора. Его спина имеет ширину самое меньшее в ярд. Ширина его плеч соответствует объему бедер, с обеих сторон наличествуют признаки лишнего веса толщиной примерно в два дюйма... Вероятно, у него есть постоянный косметолог, так как его пальцы, которые одинаковы что в длину, что в ширину, всегда с острыми и тщательно ухоженными ногтями, покрыты эмалью... Цвет его лица так же свидетельствует о ежедневном уходе». Надо признать, что к моменту описания в конце 1933 года Герман Геринг весил 140 килограммов и продолжал поправляться. Уже тогда он предпочитал в обыденной жизни одеваться крайне изысканно — многие модели его одежды разрабатывала еще Карин — и жить в роскоши, которая была значительно больше разумной.

Высшее общество Германии, миллионеры и дворяне считали Германа ведущей фигурой в нацистской партии. Но, кроме умения красиво говорить, сам Гитлер ценил его за хладнокровную решительность, которую не

могли остановить никакие жертвы. Эмми Зоннеманн встречалась с ним уже год, когда он шокировал ее одним из своих хладнокровных расчетов. Перед выборами в рейхстаг 5 марта 1933 года, чтобы привлечь к себе бывших политических противников и заслужить любовь масс, он приказал организовать сразу два концлагеря: Заксенхаузен и Папенбург, которые находились под строгим контролем его министерства.

В своих воспоминаниях Эмми всеми силами пыталась оправдать эти поступки мужа, хотя это у нее и не получилось: *«В Германии к тому времени уже существовали концлагеря... верно, что Герман Геринг организовал первые, когда еще был шефом прусской полиции. Но они предназначались не для евреев, а для врагов государства – коммунистов... Никто не знает лучше чем я, что концепция Геринга этих заведений соответствовала плану перевоспитания людей. Когда он узнал, что арестованный коммунист избит надзирателями и тяжело ранен, то пришел в бешенство...»*

Эти оправдания выглядят смешными. Ведь известно, что прусская полиция действовала только с одобрения своего шефа. Он специально издал приказ «стремлять» от 17 февраля 1933 года. Согласно этому документу, полицейские были обязаны принимать любые меры и бороться с политическими противниками всеми доступными методами. Сам Геринг разрешил бесчинства и убийства. Так что попытки обелить его, несмотря на существовавший указ, – нелепы.

Этот же милый и обаятельный возлюбленный актрисы стал тем самым человеком, который вошел в историю

как создатель гестапо. Тайная государственная полиция была создана по его указу 26 апреля 1934 года. Она тут же зарекомендовала себя в борьбе в июне 1934 года, безжалостно расправившись со штурмовиками Рема. Истинные же мотивы поведения Германа Эмми могла узнать из публикаций зарубежной прессы. Геринг был редкостным хвастуном и охотно давал крайне откровенные интервью зарубежным журналистам. Так, например, ее любовник высказался в Швеции: «Я не думаю о том, что полицейские должны использоваться для охраны еврейских магазинов. Полицейский не должен защищать мошенника, негодяя, ростовщика и предателя. Не так их много за справедливость (говорил он в отношении евреев), которая предписана звездами, а не нашими параграфами. Жалость к ним может означать для нас конец».

Привыкший уже к роскоши и помпезности Герман устроил себе вторую свадьбу под стать ныне занимаемому положению. Она разительно отличалась от его первого бракосочетания. В день вступления в брак, 10 апреля 1935 года, когда 42-летний Герман Геринг взял в жены 41-летнюю Эмми Зоннеманн, перед дворцом премьер-министра в Берлине играло 8 оркестров. День объявили всеобщим праздником и нерабочим днем. Только на девичнике Эмми присутствовала почти тысяча человек. Они собрались в государственной опере на гала-представлении «Египетская Елена» Рихарда Штрауса. После представления вечеринка продолжилась изысканными деликатесами и шампанским в четырех буфетах. В день свадьбы дома украсили нацистские

флаги, а вдоль всей дороги, по которой следовал кортеж открытых машин, украшенных тюльпанами и нарциссами, стояли в почетном карауле 30 тысяч солдат. Они ограждали молодоженов, проследовавших в рейхсканцелярию, от ликующей толпы. Там невесту приветствовал фюрер, который вручил ей букет белых орхидей и заверил, что она может в любое время обращаться к нему со всеми своими личными просьбами и проблемами. Кроме того, что было совершенно необычно для фюрера, он пожелал ей исполнения всех ее желаний в будущем.

Гражданское бракосочетание четы Герингов прошло в городской ратуше, откуда они направились в кафедральный собор. Все это время в небе ревела эскадрилья истребителей, которыми управляли бывшие сослуживцы Геринга. Корреспондент «Ассошиэйтед пресс» Луис Лохнер так описывал происходящее в письме своим друзьям 20 апреля 1935 года: *«...такое чувство, будто женится сам кайзер»*. Его мнение полностью разделял и британский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс. По его словам, Германия давно уже не видела столь помпезного бракосочетания: *«Кто посетил Берлин в эти дни, мог подумать, что восстановлена монархия и что он попал в разгар подготовки королевской свадьбы»*.

Хотя Эмми Зоннеманн была разведенной дамой и по церковным канонам не могла второй раз венчаться, служители кафедрального собора не осмелились перечить воле премьер-министра. Невеста исповедалась евангельскому рейхсепископу Мюллеру, который не только смог укоротить свою проповедь до пяти

минут, но и по настоянию венчавшихся охотно поклонился фюреру и присутствующим на венчании нацистам. До этого подобной почести не удостаивались даже германские монархи.

На торжественный обед молодожены отбыли в знаменитый отель «Кайзергоф», куда прибыли и приглашенные гости. На свадьбе было более 300 человек: родственники и друзья, в том числе принц Филипп фон Гессен, Август Вильгельм из Пруссии, Винифред Вагнер, актриса Кэти Дорш, шведский граф Эрик Розен, шурин Германа со стороны его первой жены. На свадьбу пустили и многочисленных журналистов из различных зарубежных изданий. Невеста блестала дорогими украшениями, в которых она выступала накануне венчания в вагнеровской опере.

В своих воспоминаниях Эмми Геринг писала потом: *«Герман поздравил меня и подарил очень красивый гарнитур из геноцида (циркония). К его глубокому разочарованию, это сделало меня не настолько счастливой, как он надеялся. В противоположность ему, я себе никогда не позволяла большого количества драгоценностей»*. На самом деле это всего лишь слова. Эмми выбрала себе именно такую стратегию защиты во время разбирательства ее дела судебной палатой 20 июля 1948 года. Она всячески старалась свалить вину на Германа Геринга и пыталась убедить судебных заседателей, что была просто вынуждена носить большое количество драгоценностей, чтобы угодить своему супругу. Мол, в противном случае он мог на нее рассердиться. Это заявление в корне опроверг и назвал лживым

государственный обвинитель, который вспомнил ее пребывание в Вене в октябре 1940 года, когда «*по случаю посещения постановки обвиняемая пришла в Венскую государственную оперу в белом пальто из горностая и с большим количеством драгоценных украшений, чем вызвала неудовольствие публики...*».

На следующий день после свадьбы, в тщательно охраняемых комнатах дворца премьер-министра, журналистам – как это было некогда принято при королевских дворах – продемонстрировали совершенно без стеснения многочисленные подарки, которые, как скромно заметил Геринг, ему с супругой «*подарил мой народ*». Директора знаменитых музеев и бургомистры крупных немецких городов получили однозначные инструкции о том, что должно быть подарено Герману и Эмми Геринг и на какую сумму. Директора музеев перетрясли свои фонды, отыскивая максимально редкие и дорогие подарки для любившего антиквариат Германа. Бургомистры прошерстили свои городские кассы. Все крупные предприятия и учреждения Германии тоже обязали преподнести свадебные дары. Например, гамбургскому сенату пришлось оплатить знаменитый символ города – серебряный корабль, которым Эмми с детства любовалась в городском музее. Это роскошное произведение искусства заняло почетное место в доме Эмми Геринг. Болгарский царь Борис преподнес второй жене Германа Геринга сапфировый браслет, который тоже хранился в одном из музеев Болгарии.

К 1935 году доктор Йозеф Геббельс уже полностью подмял под себя и сделал контролируемой всю германскую

прессу. Поэтому ей пришлось встретить свадьбу премьер-министра с провинциальной актрисой с кляпом во рту, который прессе позволяли вынуть только для того, чтобы исторгнуть еще один восторженно-приветственный вопль в адрес молодоженов. Журналисты тоже получили свои директивы: как писать и в каких именно интонациях. Оговаривались даже восторженные выражения, которые должны были присутствовать в публикациях.

Клаус Манн, сын эмигрировавшего в 1933 году «пресловутого писателя и полуеврея Томаса Манна» написал открытое письмо своей коллеге по искусству, ставшей фрау Геринг: «...теперь Вы, конечно, еще выше подниметесь над артистическими кругами, в которых так много циркулирует дружеских сплетен о Вас. О небо, что еще сделала фрау «мать страны» для карьеры... И что за свадебных гостей Вы имели: все старые соратники, которых Ваш бойкий супруг еще не заставил убить. Среди них соратники Керл и Штрайхер превзошли сами себя в безобидном остроумии. Молитву за столом прочитал Мюллер, который своих коллег приказал избить в их приходских домах. Так много смеха никогда не было в провинциальном театре, где, если представлялся случай, я восхищался Вами... позади пышных портьер не выступали убитые из концлагерей, замученные до смерти, застреленные при попытке к бегству, самоубийцы. Не мерещится ли Вам кровавая голова?»

Эмми Геринг вскоре после ее брака с будущим рейхсмаршалом и премьер-министром Третьего рейха Германом Герингом стали называть «недосягаемой женщи-

кой». Этот титул был заимствован из рыцарского средневекового эпоса, к которому так тяготел ее супруг. Подобное обращение, которое очень скоро укоренилось, воспринималось с плохо скрываемым сарказмом в среде профессиональных актеров, где светскую даму знали еще как незначительную и не очень талантливую провинциальную актрису Эмми Зоннеманн. Например, одна из величайших оперных певиц того времени Хелена фон Вайнманн саркастически замечала, если речь заходила об Эмми: «*Мой Бог, что эта Эмми о себе вообразила! Я ее помню еще в те времена, когда она не была великой женщиной, и каждый желающий мог с ней переспать за чашку кофе и два с половиной доллара!*» Правда, высказывать подобные оскорбительные реплики в адрес второй жены Германа Геринга могли позволить себе не все. Не простили случайной реплики и знаменитой оперной певице. По доносу одного из ультранационал-социалистов фрау Вайнманн была незамедлительно арестована за оскорблечение «первой дамы рейха». Во время допроса она подверглась очень грубому и жестокому обращению. Одна фраза стоила ей всей карьеры. Суд приговорил ее за умышленное оскорбление к трем годам заключения в городской тюрьме «Штадельхайм». Певица отбыла весь срок до последнего дня. Ее освободили лишь в 1943 году смертельно больной женщиной, которой осталось только доживать свои дни в полном забытье.

В архивах сохранилось множество писем на имя Эмми Геринг, где ее величают «недосягаемой женщиной». Подобное обращение невероятно лъстило провинциальной

актрисе, которая так и не смогла добиться признания публики. Однако сразу же после падения Третьего рейха она пыталась откреститься от этого имени, утверждая, что так ее звал народ. На одном из допросов в 1945 году она заявила, что ни она, ни ее супруг не имеют ни малейшего отношения к происхождению этого титула. По ее словам, авторство принадлежит германскому народу. Однако доподлинно известно, что автором титула являлся Генрих Гиммлер, который планировал в свое время открыть национал-социалистические школы для «великих, сильных, возвышенных, биологически и интеллектуально избранных женщин». Выпускницы должны были носить официально разрешенный титул «недосягаемая женщина».

Сразу же после свадьбы, по безапелляционному требованию своего супруга, Эмми Геринг навсегда оставила сцену. После 23 лет работы ей пришлось отказаться от своей профессии, чтобы играть в дальнейшем роль жены премьер-министра. Напоследок, для большего эффекта, ее пригласили в Берлинский государственный театр, где она сыграла свою последнюю роль в постановке известного режиссера Густава Грюндгена. Ролью Минны фон Барнхельм из одноименного спектакля по пьесе Лессинга она навсегда попрощалась со сценой. Теперь она играла только ведущую роль в жизни будущего рейхсмаршала, которая, не менее чем сцена, была богата театральными эффектами.

Эмми Геринг никогда не сожалела о своем выборе. Она смогла добиться звания «первой дамы» Третьего рейха, получила нежного и верного супруга, который

позже оказался и примерным отцом семейства. Он *руководил* их браком, позволял Эмми чувствовать себя некоронованной королевой и «*смотрел сквозь пальцы на все остальное*», как не преминул заметить в своем письме Клаус Манн.

Бывшая провинциальная актриса, а ныне – первая дама Третьего рейха изрядно облегчила Гитлеру его представительские хлопоты, взяв на себя руководство салоном для приема дипломатов и политиков в Берлине. Она, в отличие от других жен верхушки нацистов, не старалась сблизиться с фюрером, предпочитая соблюдать дистанцию и быть подчеркнуто вежливой. Эмми Геринг никогда не демонстрировала своей фанатичной преданности Адольфу Гитлеру и восторгалась им на публике только по мере необходимости и строго в рамках приличия. Даже живя рядом с Евой Браун на Оберзальцберг она не была с ней практически знакома. По крайней мере, не старалась поддерживать отношений в тех случаях, когда им приходилось сталкиваться в присутствии Гитлера. Она настолько старалась отдалиться от фюрера всеми возможными способами, что Адольф Гитлер зачастую просто комплексовал в ее присутствии. Во всяком случае, Йозеф Геббельс описывал такой случай в своих дневниках.

8 ноября 1935 года в Берлине в память о неудавшемся путче 1923 года поставили пьесу Фридриха Шиллера «Эгмонт». На премьеру прибыла вся нацистская элита Третьего рейха. Геббельс писал: «*Фрау Геринг выглядит как королева. Фюрер очень скромно сидел рядом с ней. В поезде в Мюнхен после этого он рассказывал, как очень страдает среди подобной публики*».

Любопытно, что сразу после свадьбы Эмми в народе, особенно в артистической среде, начали циркулировать слухи о ее неарийском происхождении, которые невероятно сильно раздражали как саму Эмми Геринг, так и всю нацистскую верхушку. Эти слухи оказались настолько стойкими, что уже в сентябре 1935 года появился циркуляр министерства юстиции рейха, в котором говорилось о том, что среди населения распространяются злобные слухи и высказывания о супруге премьер-министра. Особенно лживые из них говорят о мнимом арийском происхождении ее и ее первого супруга. Министерству пропаганды, которое контролировало средства массой информации, пришлось вмешаться самым откровенным образом. В ряде газет, которые публиковали родословные знаменитых немецких баронов фон Дунгернов, было запрещено даже упоминать о первом муже Эмми Геринг, арийское происхождение которого стопроцентно доказать не удалось. Подобные превентивные меры стали вскоре традиционными в Германии. Пресечь слухи помогали тайная полиция и прирученные газеты, которые могли опубликовать все, что угодно, не страшась быть поднятыми на смех из-за открытой подтасовки фактов.

За свои высказывания в адрес Эмми Геринг поплатился и Клаус Манн. В своем открытом письме он писал: «Ваши сплетничающие коллеги раньше часто рассказывали, что Вы не являетесь арийкой». Геринг прореагировал на эти строки невероятно болезненно и захотел немедленно разобраться с клеветником. Он потребовал от министерства юстиции, чтобы оно беспощад-

но преследовало «злостную клевету» и призвало к ответу тех, кто сознательно оскорбляет честь его супруги. Клаус Манн был арестован и приговорен к пяти месяцам тюрьмы за клеветнические высказывания в адрес первой леди рейха. Решение суда позволило Герману Герингу восторженно и довольно воскликнуть: *«Пять лет, по моему мнению, здесь бы более соответствовали степени вины»*. Когда после поражения Германии в войне Герман Геринг давал показания на Нюрнбергском процессе, кто-то предложил поинтересоваться у него, в какой степени интимных отношений находилась его жена с евреем-актером.

Правда, надо признать, что сам премьер-министр был не менее привлекательным объектом для сплетен. Самый тяжеловесный премьер Германии ведь еще не стал ни разу отцом. Министр юстиции Гюнтер подозревал, что слухи о неспособности Германа стать отцом распространяют *«враждебные государству круги»*. Британский посол Фиппс подвел итог всем сплетням, касающимся мужских качеств Геринга, когда телеграфировал в конце 1936 года в Лондон: *«Он, как я слышал, не в состоянии зачать ребенка»*.

Какого же было удивление всей Германии, когда Эмми Геринг, в возрасте как минимум 45 лет, забеременила. Герман стал отцом 2 июня 1938 года. Свою дочь, в честь Муссолини, он назвал Эддой. Хотя позже, после крушения рейха, Эмми Геринг начала утверждать, что ее дочь названа в честь одной близкой подруги. Как бы то ни было, но премьер-министр впервые стал отцом в возрасте 45 лет. Его поздравлял весь мир: со всех стран

пришло более 620 тысяч поздравительных телеграмм. Фюрер и рейхсканцлер Германии Адольф Гитлер заявил, что лично берет шефство над родившейся девочкой. Честь заботы с ним разделили германские ВВС, которые тоже выразили желание взять ребенка под свою опеку. В «Каринхолле» 4 ноября состоялся большой праздник, на котором, к большому неудовольствию всей верхушки нацистской партии, девочку крестили. Среди нацистов подобное не было принято, о чем они не раз с негодованием говорили Герману Герингу. Но, будучи под покровительством самого фюрера, он просто отмахивался от подобных высказываний. Скорее всего, именно Эмми настояла на том, чтобы ее дочьросла крещеной.

Германская пропагандистская машина отпечатала сотни тысяч открыток, запечатлевших счастливого премьер-министра с дочерью на руках. Эти портреты были разосланы знакомым по всему миру. Наводнили они и Германию. Но наряду с ними, по стране ходили слухи о том, что отцом девочки является не Герман, не способный иметь детей. Наиболее распространенной хохмой стала фраза: «Чего стоит Эдда? – Вечной благодарностью адъютанту!» Артист кабаре Вернер Финк как-то публично предложил переименовать дочь Геринга в Гамлета, потому что ей отлично подошли бы строки «Быть или не быть?». Отец ребенка не улыбнулся шутке, а заставил посадить остряка в концлагерь. Шутки прекратились сами собой, но гораздо позднее. Девочка подросла, и ее внешнее сходство с отцом стало для всех очевидным. После этого исчез сам повод для острот.

Падкий на эффекты, Герман в своем обожании ребенка дошел до полного маразма. Поздравить с крещением в «Каринхолл» стекались сотни и тысячи солдат, которые несли в подарок ребенку большие суммы от имени своих частей. Все эти деньги пошли на сооружение «Дома Эдды» во фруктовом саду «Каринхолла». Дом имел вид средневекового замка, в центре которого располагался большой танцзал. В нем стояла люлька с младенцем, перед которой выступал детский балет Берлинской государственной оперы.

Отличился и магистрат Кельна, преподнеся в дар младенцу, а скорее – ее отцу, всемирно известную картину Лукаса Кранаха «Мадонна с младенцем», которая ранее находилась в сокровищнице одного из самых известных музеев мира. После 1945 года вокруг этой работы разгорелся нешуточный правовой спор: на нее предъявили свои права как родственники Герингов, так и представители целого ряда известных музеев.

Гордые собой и ребенком родители именовали дочь не иначе как *«лучом солнца в нашей жизни»*. Герман, который буквально боготворил своего ребенка, утопил ее в такой роскоши, о которой не могли и мечтать многие монархи мира. Все ее желания исполнялись, к ее услугам была вся Германия. Отец шел на все, чтобы окружить дочь максимальной заботой. В свой четвертый день рождения маленькая Эдда приветствовала гостей дома, стоя на террасе своего кукольного домика, наряженная в красную гусарскую форму и черные сапожки.

Ее детские годы, так же как и жизнь ее родителей, более всего походили на образ жизни королевских особ

XVIII века. Геринга не раз называли «Солнечный король», и он гордился этим прозвищем. Чтобы еще раз подчеркнуть правильность этих слов, он создал к северу от Берлина в Шорфхайде роскошную резиденцию, строительство которой обошлось в десятки миллионов немецких марок. В «Каринхолле» он достроил кинозал, спортивный зал, русскую баню и огромный зал для приемов. Все немецкие бирократы не пренебрегали роскошью, но строения Германа Геринга превосходили все их сооружения вместе взятые. Никто в Германии не жил так роскошно, как ее премьер-министр. Гитлер не был в восторге от образа жизни своего премьера. Как-то он зло заметил: *«Мой “Бергхоф”, конечно, не может сравниться с этими домами Геринга. В лучшем случае, он мог бы служить ему садовым домиком».*

Эмми хотелось постоянно выглядеть блестательной первой дамой, поэтому многие привычки ее мужа раздражали фрау Геринг. Ей не удавалось олицетворять собой самую изысканную даму, в то время как ее супруг употреблял наркотики и предавался своеобразным прихотям. У Геринга было несколько любимых занятий. Он являлся заядлым охотником и обожал появляться на людях в охотничьем костюме из кожи с луком и стрелами. Много времени он уделял своему грандиозному проекту – электрической железной дороге. Все остальное время он рылся в «бриллиантовой корзине» – перебирал коллекцию драгоценных камней и украшений.

Эмми Геринг находила отдушину в бесчисленных вечеринках и праздниках, где она могла выполнять роль великосветской хозяйки. Самым грандиозным являлся

ежегодный праздник лета во дворце премьер-министра. В этот день на крышах соседних домов устанавливались прожектора, которые всю ночь заливали ярким светом парковые аллеи, где танцевал балет берлинской оперы. В этот день все бассейны покрывались привезенными для этой цели цветущими водяными лилиями. Хозяин дома с супругой встречали гостей в специально спешенных для вечера костюмах времен Ренессанса. Под высокими старыми деревьями накрывался длинный стол. Затем огромная передвижная стена отступала и взору гостей открывалась большая венская ярмарка, созданная по проекту самого Германа Геринга. В ней были горки для катания, старомодная карусель и сцена, на которой юные актрисы в костюмах из фильма «Конгресс танцует» приветствовали гостей. В «Каринхолл» почитали за честь приехать на праздник принц Пауль из Югославии, болгарский король Борис, шведский наследный принц Густав Адольф, венгерский князь Хорти, царь Георг из Греции и многие не менее титулованные особы. Этот праздник служил не только развлекательной вечеринкой, но и новодом собрать множество коронованных особ, чтобы провести с ними неофициальные встречи и переговоры.

Семья Герингов могла себе это позволить. Для них давно уже деньги не играли никакого значения. Премьер-министр стал одним из самых богатых людей в Германии. Хотя сам практически ничем не владел, кроме недвижимости. Например, табачный концерн «РЕЕМТСМА» ежегодно переводил миллион немецких марок вроде бы на «культурные цели, защиту природы и охоту». Но на

самом деле всеми деньгами распоряжался исключительно Герман Геринг. Представители немецких автомобилестроительных фирм перечисляли ежегодно на содержание только одной яхты «Карин II» до полутора миллионов марок.

Еще одной дорогой прихотью супруга, которая откровенно раздражала Эмми, было содержание львов в домашнем парке. Берлинский зоопарк много лет подряд привозил в резиденцию Геринга молодых львят, которые жили у премьер-министра до тех пор, пока не становились опасными. Звери свободно разгуливали весь день по парку и даже могли зайти в дом Германа и Эмми. За те годы, что Геринг находился у власти, у него дома выросло семь львят.

В 1936 году на Олимпиаду в Берлин приехали сыновья Муссолини Витторио и Бруно, которые остановились в «Каринхолле» у Геринга. Каково же было однажды их удивление, когда посреди обеда в комнату вошел молодой лев. Сыновья итальянского диктатора просто остолбенели от ужаса. Они находились в состоянии шока, пока Эмма Геринг не выгнала зверя на улицу. Правда, все львы были ручными и никогда не доставляли семье Геринга неприятностей. Ну, разве что по мелочи.

Сама Эмми так описывала пребывание диких животных у них в доме: «Однажды мы на несколько дней переехали во дворец президента рейхстага, потому что решили отремонтировать свой дом на Лейпцигской площади. С собой мы взяли льва, которого на время заперли в клетку. Как-то ночью мы проснулись оттого, что

дверь в нашу спальню открылась. Перед нами стоял лев. Своими лапами он нажал щеколды восьми дверей, которые отделяли нас от подвала, чтобы найти нас. Он был просто вне себя от радости, когда наконец-то смог нас найти. У нас не хватило жестокости отослать его обратно. В итоге он провел ночь в нашей спальне...»

Герман Геринг все больше входил во вкус собирательства ценных предметов. Он уже без зазрения совести посещал музеи с записной книжкой, куда записывал понравившиеся ему предметы. Почти все они рано или поздно конфисковывались и оказывались дома у премьер-министра. Причем Герман не ограничивал себя только Германией. Он также описывал музейные ценности почти по всей Европе. Вот одна из таких записей: «Проверить настенный ковер в рейхстаге: подойдет ли он как экран для показа фильмов или для зала приемов». Хотя сама Эмми не увлекалась коллекционированием антиквариата, но и не осуждала своего мужа, не видя в его действиях ничего противозаконного. Ей льстило, что провинциальная актриса ходит по бесценным коврам, сделанным в Древнем Китае или Персии. Герман был самым большим музейным грабителем среди всей верхушки Третьего рейха.

При этом он был невероятно популярен в противовес Генриху Гиммлеру или Йозефу Геббельсу. Не меньшей популярностью пользовалась и сама Эмми. Любовь к ней базировалась в основном на том, что она могла позволить себе выступить публично с политическими требованиями. Одна еврейская журналистка, Белла Фромм, которая совершенно не питала иллюзий

по поводу политических взглядов Эмми, тем не менее нашла ее очень приятной: «...она не интриганка. Эмми — сочувствующая женщина-мать типа Валькирии. Большая и сильная, но нежная и обаятельная. Ее красивые белокурые волосы обрамляют высокий лоб. Ее большие голубые глаза смотрят нежно и весело... Эмми очень симпатичный человек...»

Хотя далеко не все так считали. Даже родственники Эмми полагали, что она смотрит на мужа сквозь «розовые очки» и не хочет замечать всех его отрицательных качеств. Например, старшая племянница Эмми Геринг осуждающе говорила, что «*тетя Эмми наивная, добродушная и легковерная*». По мнению родственников, она могла видеть или обсуждать только положительные качества своего супруга. Эти слова отлично характеризует перекрестный допрос, которому подверглась Эмми Геринг 2 сентября 1948 года. Его вел нюрнбергский обвинитель доктор Кемпнер. Тогда Эмми пыталась выгородить Пауля Пилли Кернера, госсекретаря Геринга, который многие годы являлся его управляющим делами. «Правильно ли, что Ваш умерший супруг... мог положиться на Кернера, или он должен был полностью контролировать правильность выполненияй работы?» — «Нет, этого не требовалось. Он был совершенно надежным человеком». — «Многие люди хотят представить его марионеткой. Это соответствует действительности?» — «Нет, он совершенно определенно не был марионеткой». — «Вы также не можете сказать о Пауле Кернере ничего плохого?» — «Нет, определенно не могу. Я не могу ничего

сказать плохого о Пауле Кернере». Сам Пауль после этого допроса был приговорен к 15 годам заключения.

Как только режим нацистов был свергнут, Эмми Геринг начала убеждать общественность, что никогда не являлась политической фигурой. Она была лишь женой и домохозяйкой. Однако обвинение привело обратные факты. Например, тот, что в начале 1941 года, перед ее отъездом на лечение на курорт Гаштейн, у нее с супругом состоялся разговор, в котором Геринг упомянул о планах Гитлера начать войну с Россией. Тогда же, в 1948 году, на процессе стало известно, что и сама Эмми с 1938 года являлась действительным членом НСДАП. В качестве рождественского подарка в 1938 году Гитлер оплатил ее партийные взносы. Чтобы увековечить память погибшего в 1932 году товарища по партии, она взяла его партийный номер. Обвинители смогли доказать во время процесса, что Эмми Геринг являлась членом нацистского женского общества и театральной палаты Третьего рейха. При том, что фрау Геринг активно откращивалась от своего участия в политике и не считала себя политически активной фигурой, она все-таки признала, что полностью разделяла мировоззрение своего супруга и чувствовала себя духовно связанной с нацизмом.

На процессе Эмми Геринг утверждала, что интересовалась политикой только как хозяйка дома, вынужденная принимать высокопоставленных гостей. Работа мужа интересовала ее только в связи с многочисленными заграничными командировками, в которые Геринг обычно брал ее с собой. Одной из самых ярких поездок,

по воспоминаниям Эмми Геринг, стал визит в Ливию, в те времена – итальянскую колонию. 7 сентября 1939 года Герман вместе с Эмми нанес визит генерал-губернатору Ливии Итало Бальбо, который принял их с истинно восточным гостеприимством. Эмми каталась на верблюдах, осматривала римские раскопки, а потом стала свидетельницей пышного праздника во дворце генерал-губернатора. Из Ливии супруги отбыли с официальным визитом в Италию, где на вокзале Термини их встречал лично Муссолини.

После войны, давая на суде показания относительно лагерей смерти, которые официально находились в подчинении ее супруга, Эмми Геринг заявила, что ничего не слышала о том, что лагеря стали местом убийства сотен тысяч людей. «...*В моих глазах эти лагеря все еще оставались местом для перевоспитания политических противников нацистов, как первоначально и предполагал Геринг...* Я не могу себе даже представить, что он был осведомлен о размере ужасных проишествий в лагерях за пределами Германии, например, в “Аушвице”...»

В связи с причастностью Эмми к артистической среде, у нее было всегда много друзей-евреев. Она достаточно демонстративно поддерживала с ними отношения и после своей свадьбы. Для друзей она действительно не делала различий по их национальностям. Она часто посещала своего учителя-еврея Есснера, которого неоднократно приглашала и к себе в гости. Достаточно людей остались на свободе именно благодаря ее лично му вмешательству. В 1948 году часть из них были при-

глашены на Нюрнбергский процесс в качестве свидетелей. Тогда Эмми заявила, что не знала о том, что многие ее бывшие коллеги эмигрировали из Германии или просто исчезли. Она публично могла позволить себе злиться на Гитлера за его идею «спасения страны от евреев». Кончилось это тем, что Гитлер запретил Эмми вести с ним разговоры на эту тему. Эмми Геринг пытаясь найти поддержку у супруга, но безрезультатно. Глупо было бы надеяться на помощь человека, который был ответственен за четырехлетний план уничтожения евреев. Ведь именно премьер-министр 12 февраля 1938 года издал указ «Об исключении евреев из немецкой экономической жизни» и лично разрабатывал план их депортации и уничтожения в огромных масштабах. Правда, надо сказать, что в некоторых случаях он шел навстречу желаниям супруги. В ходе судебного процесса защита сказала, что «*обвиняемая в ряде случаев заступалась за прежних коллег-евреев, которые обращались к ней в затруднительном положении. Однако речь ни в коем случае не идет об антинационал-социалистских мотивах...*

Звезда супружов Геринг закатилась достаточно быстро. Уже в сентябре 1938 года во время «Мюнхенского заговора» выяснилось, что Геринг вовсе не разделяет внешнеполитическую концепцию своего фюрера. Гитлер этого не простил. Уже в 1939 году, во время оккупации Праги, Германа Геринга отстранили от принятия важных политических решений. Частично этому способствовала и прогрессирующая наркомания. Геринг все ощущал терял связь с реальностью. В 1941 году его

статус значительно поднялся. Герман стал рейхсмаршалом Великой Германии, однако его политический вес и влияние заметно ослабли. Звезда Геринга окончательно закатилась, когда подчиненные ему ВВС проиграли войну за господство в воздухе сначала в Англии, а потом и под Сталинградом. Гитлер был взбешен. Супруги все больше проводили времени не в столице, а в «Каринхолле» (тогда уже «Эммихолле») или в «Вельденштейне». Они создавали всеми силами видимость, будто их не затронула военно-политическая ситуация в Германии. Однако в ходе войны шумные праздники и балы прекратились.

Когда стало понятно, что война практически проиграна, а фронт все ближе подходил в резиденции семьи Герингов, Эмми приняла решение перебраться в Байрейт. Там у них был дом, располагавшийся неподалеку от дома Гитлера. Свое намерение она выполнила 31 января 1945 года. Тогда Байрейт еще не подвергался массированной бомбардировке. Дом Герингов стал постепенно напоминать приют, куда спешили съехаться все родственники супружев в тщетной надежде избежать ужасов войны.

Тайна сокровищ Германа Геринга до сих пор является одной из самых больших тайн второй мировой войны. Говорят, что его сокровища, ценностью около 200 миллионов марок (около тысячи картин-подлинников, 80 скульптур, 60 gobеленов) были перевезены в Баварию на особом поезде, а потом перевезены в Берхтесгаден, где якобы их спрятали в одной из штолен. Предполагается, что там же находится и знаменитая янтарная комната. Сам Геринг не торопился бе-

жать. Он даже поехал поздравить 20 апреля 1945 года с днем рождения Гитлера в его бункере под рейхсканцелярией. Только потом он взорвал свой любимый «Каринхолл» и с большим обозом отступил в сторону Оберзальцберга, чтобы выполнить какое-то «крайне неотложное задание фюрера».

Потерявший ощущение реальности, почти постоянно находящийся под воздействием морфия, Геринг решил, что пришла пора вернуть себе власть и стать преемником Гитлера. Неизвестно, на что он рассчитывал, но 23 апреля 1945 года, через три дня после дня рождения фюрера, на котором он присутствовал, Герман Геринг, сославшись на фальшивое сообщение о том, что фюрер сломлен окончательно, послал в ставку радиограмму, в которой предложил себя в качестве преемника Адольфа Гитлера. Ставка отреагировала мгновенно. Взвешенный фюрер приказал отряду эсесовцев арестовать Геринга. Рейхсмаршала обвинили в государственной измене и попытке военного переворота и интернировали в бомбоубежище «Бергхоф». Эмми вспоминала, что *«перед самым концом войны, 25 апреля 1945 года, мой муж, ребенок и я были арестованы и приговорены Гитлером к смерти...»*. Когда один из адъютантов Геринга попытался раздобыть для семьи теплые вещи – ведь ребенок и Эмми с момента ареста так и оставались в одних ночных рубашках и ужасно мерзли, заточенные в бункере, – постовой эсесовец пригрозил всех расстрелять немедленно. В то время как бомбы сравняли с землей виллу Герингов, семья рейхсмаршала находилась в заключении в холодных известковых шахтах.

Их выпустили только после самоубийства Гитлера и перевезли в замок «Маутердорф», который Геринг получил в наследство от своего крестного, кстати – еврея.

Германа Геринга вскоре арестовали американцы, а его супруга с дочкой, горничной и больной сестрой Геринга попыталась пробраться в замок «Вельденштейн» под Нюрнбергом. Они нашли там убежище, но вынуждены были констатировать факт полного неуважения народа к своему рейхсмаршалу: кто-то постарался и вывез из замка двенадцать вагонов дорогой мебели. Саму Эмми Геринг арестовали 25 октября 1945 года. Эдду отдали на воспитание крестьянам. Правда, чуть позже семилетняя дочь Герингов присоединилась к матери в каторжной тюрьме города Штраубинга. По воспоминаниям Эмми Геринг, она *«пять месяцев находилась под домашним арестом в “Вельденштейне”, пять месяцев пробыла в каторжной тюрьме в Штраубинге как свидетельница на Нюрнбергском процессе, и только 19 февраля 1946 года меня освободили...»*.

Геринг находился под арестом в военной тюрьме Нюрнберга, где давал показания Международному военному трибуналу против главных нацистских преступников. В это время его семья находилась в Закдиллинге под Нойхаус-Оберфальц в охотничьей хижине. Их разделяло всего 30 километров. Адвокат Эмми, доктор Эрих Эбермауэр, в своих воспоминаниях описывал их жизнь так: *«Обвиняемая жила с восьмилетней дочерью Эддою последнюю зиму в двух комнатах, которые делила с еще двумя сожителями. Туалет располагался на кухне. До ближайшего поселка было*

два часа езды. В доме отсутствовала вода и почти не было отопления...»

Свое пребывание под домашним арестом супруга Германа Геринга коротала, строча бесконечные письма в адрес нюрнбергского суда с просьбой разрешить ей свидание с мужем. «*Я не видела его (Геринга) уже год с четвертью и так ужасно тоскую по нему, что не знаю выхода. Если я смогу увидеть его хотя бы на две минуты и смогу подержать его за руку... Мой муж очень заботился обо мне и моем ребенке. Теперь мы остались без защиты и надежды на помощь.*» Разрешение на свидание Эмми получила только 12 сентября 1946 года, когда процесс находился уже в заключительной стадии. Уже тогда шла речь о том, что Герману Герингу не суждено избежать смертной казни. Слухи об этом достигли и самой фрау Геринг. Она совершенно искренне не понимала, за что ее мужа хотят повесить. Она все еще считала его честным и порядочным человеком, который не знал, что происходило в действительности. В ужасе Эмми Геринг говорила Генриетте фон Ширах: «*Ведь они не могут его повесить?! Вы только подумайте: Герман на виселице... Наверно, мы заблуждаемся!*»

Но Эмми так и не удалось нормально пообщаться с супругом до самой его смерти. После вынесения приговора — его исполнение отложили на 40 суток — женам подсудимых разрешалось каждый день по полчаса видеться с заключенными. Для этого использовались специальные камеры. Эмми Геринг и Германа разделяло стекло и решетка с мелкими ячейками. На свидание

бывшего рейхсмаршала приводили прикованным к надзирателю, в присутствии которого и проходили беседы. Несколько раз Эмми приводила с собой в тюрьму и маленькую Эдду. Ребенок читал отцу небольшие стихотворения, а сами родители вели ничего не значащие беседы. Передавать какие-либо предметы или прикасаться друг к другу супруги не могли — это противоречило правилам безопасности.

Последнее свидание четы Герингов состоялось точно таким же образом 7 октября 1946 года. Они уже знали, что через несколько дней Герман Геринг, премьер-министр, глава ВВС и рейхсмаршал нацистской Германии, будет казнен. На последнем свидании Геринг спросил у Эмми, хочет ли она, чтобы он подал прошение о помиловании. Его супруга ответила странно уклончиво: «*Ты теперь можешь умереть спокойно и с чистой совестью. Здесь, в Нюрнберге, ты сделал все, что только мог сделать для своих товарищей по партии и Германии... Я всегда буду хранить в памяти то, что Германии ты был полезен.*» Герман тогда очень странно усмехнулся и произнес: «*В одном ты можешь быть твердо уверена — они меня не повесят.*»

Тогда никто не придал значения этим словам. Смысл их стал понятен только через неделю, когда 15 октября Герман Геринг принял капсулу с ядом накануне дня своей казни. Никто так и не смог никогда выяснить, откуда взялась капсула с цианистым калием, как ее смогли передать в тщательно охраняемую камеру и где Герман Геринг прятал ее во время постоянных обысков. Долгое время предполагали, что это сделал один из

офицеров-американцев, охранявших нацистского преступника. Но и сама Эмми Геринг долго ходила в подозреваемых. Во время следствия она призналась, что знала о планах мужа покончить с собой и предполагала, что он обеспечил себя всем для этого необходимым заранее. Трудно понять другое: почему Геринг ждал до последнего. Он просто хотел продлить свою жизнь на лишний день и принял яд, чтобы досадить тюремщикам? Или он на что-то надеялся? Думал, что его осудят, а не казнят? Ответы на эти вопросы уже вряд ли когда-нибудь будут найдены. Их унес с собой в могилу Герман Геринг, один из немногих высших нацистов Третьего рейха, который дожил до Нюрнбергского процесса.

Однако и сама Эмми Геринг не долго пробыла на свободе после смерти мужа. Уже 29 мая 1947 года министр доктор Лоритц издал приказ об аресте всех жен нацистских преступников, осужденных на процессе. Они, по его мнению, извлекали значительную личную выгоду из нацистского режима, а также всячески мешали правосудию, уклоняясь от дачи показаний. Многие из них укрылись в зоне, которую контролировали английские войска. Там значительно легче было укрыться от правосудия, сделать себе фальшивые документы и бежать из Европы. Эмми была доставлена в рабочий лагерь для интернированных «Гегтинген», который находился под Аугсбургом. Он состоял из пяти огромных деревянных бараков, которые стали домом для почти тысячи женщин. Ирония судьбы: жены нацистов жили в лагере, который во время войны служил для содержания угнанных из СССР работников.

В том же лагере оказалась и старая знакомая вдовы Геринга, Генриетта фон Ширак. Она хорошо запомнила то время и саму Эмми Геринг: «...в плену она выглядела, как одна из похищенных чужим племенем древних германок с картинки из учебника по истории. Белокурые косы туго заплетены, гневное лицо». Все это время адвокаты жены покойного рейхсмаршала пытались вытащить ее из-под ареста. Один из них, доктор Эбермауэр уже в первых числах июня подал прошение об обжаловании меры пресечения свободы. Другой, доктор Шробль, сделал несколько публичных выступлений, на которых сравнивал арест своей подзащитной с процессами против ведьм во времена Средневековья.

Очень скоро Эмми Геринг поняла, что от адвокатов толку много не будет, и решила сама позаботиться о своем освобождении из-под стражи. Для осознания этого ей понадобилось всего несколько месяцев, в течение которых ей обещали, что вопрос освобождения – дело пары дней. 31 октября она направила письмо в Министерство юстиции: «Могу я рассказать Вам о своей судьбе и просить о помощи? По приказу бывшего министра Лоритца меня доставили 28 мая в женский лагерь “Геггинген”. Я лежала в бараке с приступом ишиаса, с температурой и воспалением вен на правой руке. Приступами ишиаса я страдаю уже много лет, с 35-летнего возраста. Я находилась на лечении у врача, который протестовал против моей перевозки в лагерь... Несмотря на это в 12 часов ночи меня положили на носилки и везли сюда семь часов. Арест мотивировали тем, что я якобы пыталась покинуть английскую

Эмми Геринг

зону... На сегодняшний день я нахожусь в лагере уже пять месяцев, прикованная к постели бесконечными и непрекращающимися болями... Мне 54 года, и в последнее время я многое перенесла. Господин министр, может быть, Вы ознакомитесь с моим делом? Я полностью вне политики, помогала подвергавшимся расовым и политическим репрессиям людям когда и где только могла. Это заявление, равносильное для меня присяге, прекрасно отражено в моем деле.

Единственное обвинение, которое предъявляется мне, это то — что я жена Германа Геринга. Так можно все-таки или нет покарать женщину только за то, что она любила своего мужа и была с ним счастлива в браке? Я прошу Вас от всего сердца, господин министр, помогите мне, чтобы я как можно быстрее узнала о сроке, к которому я приговорена палатой (процесс, в ходе которого обвинялся нацистский режим). Если это невозможно в ближайшее время, то прошу Вас об освобождении из-под ареста к этому сроку. Если же арест не в Вашей компетенции, то я прошу о временном прерывании ареста на время злейших зимних месяцев. Если я и зимой буду находиться в этих ужасных холодных бараках, то нанесу непоправимый ущерб своему здоровью и умру».

По делу Эмми Геринг допрашивалось более 20 свидетелей. Опросив их, государственный защитник Юлиус Херф предложил изменить ей меру пресечения и перевести ее в другой лагерь для интернированных. Однако при этом он внес предложение о привлечении вдовы рейхсмаршала к ответственности как основной виновницы нацистских зверств, прировняв ее к партийным

боссам Третьего рейха, уже казненным или приговоренным к продолжительным срокам заключения по решению Нюрнбергского процесса.

В своей речи, мотивируя свое предложение, Юлиус Херф заявил: «*Она не оспаривает, что разделяла убеждения Германа Геринга, была постоянно связанный с ним его мировоззрением, хотя сама действительно не занималась активно политикой. Если обвиняемая считалась убежденной сторонницей национал-социализма и извлекала пользу из связи с despoticским режимом, то она... виновна... Как жена Германа Геринга, она имела не только большое количество личных почестей, но также вела чересчур роскошный образ жизни, как и ее супруг, который значительно вышел за рамки привычно-стандартного образа жизни прусского премьер-министра и оставил далеко позади принятые нормы поведения. Обвиняемая получала особое денежное довольствие со стороны НСДАП, которая, по ее собственным показаниям, снабжала ее всем необходимым...*»

Особое внимание Юлиус Херф уделил принятию Эмми на работу в Берлинский государственный театр в 1933 году, которому способствовала ее связь с Германом Герингом: «*По заключению комиссии культурных деятелей, обвиняемая была приглашена в Берлинский театр непосредственно после того, как к власти пришел ее тогда еще любовник Герман Геринг. Как актриса, она не обладала должным уровнем мастерства и таланта, чтобы быть принятой в этот театр. Ее профессионализм был значительного ниже того, что позволил бы предложить ей продолжительный контракт. По своему*

му новому контракту она получала в два с половиной раза больше своего прежнего жалования. Аналогичного мнения придерживается и президент товарищества немецких работников сцены Эмиль Этто. Только главный управляющий Прусского государственного театра Густав Грюндэнс, который в 1933 году работал вместе с обвиняемой, отстаивает точку зрения, что приглашение Эмми Зоннеманн в театр не имело под собой никакой политической подоплеки».

В его лице Эмми Геринг нашла еще одного красноречивого защитника, который сделал для нее не меньше, а возможно и больше нанятых вдовой адвокатов. Он убедил еще пятнадцать бывших коллег актрисы дать показания в ее пользу. Однако наибольшим его достижением, которое оказалось решающим в ходе процесса, стало привлечение к даче показаний берлинского пастора Эрвина Энча. Он заявил, что подсудимая неоднократно предоставляла кров, еду и прочую помощь скрывающимся евреям и полуевреям из его прихода. Пастор привел суду десятки имен людей, которые сохранили свои жизни благодаря личному вмешательству в их судьбы Эмми. В своем выступлении он назвал ее «религиозной воительницей».

В результате этой яркой речи, Эмми Геринг перешла во вторую группу обвиняемых. Ей не инкриминировали участия в уничтожении людей и геноциде, вменив в вину лишь извлечение личной выгоды из существовавшего положения. По решению суда Эмми Геринг была приговорена к году исправительных работ, который был автоматически зачен в связи с ее годичным пребыва-

нием в лагере для интернированных. Тридцать процентов ее состояния конфисковало государство. Также бывшая актриса получила запрет на публичные выступления в ближайшие пять лет. Эмми Геринг освободили из-под стражи прямо в зале суда.

Приговор встретили совершенно по-разному. Одни рукоплескали гуманизму, другие утверждали, что это грандиозная ошибка: из-под стражи выпустили нацистскую пособницу. Газеты подливали масла в огонь, предоставляя свои трибуны то сторонникам одного лагеря, то их оппонентам. «Дунайский курьер» от 27 апреля 1948 года писал о *«приговоре умирающему отказу от нацизма»*. В августе того же года «Юго-восточный курьер» комментировал решение суда строками в адрес Эмми Геринг – *«доброе, ничего не подозревавшее сердце»*.

Решение об освобождении вдовы рейхсмаршала из-под стражи вызвало бурную реакцию и обычных обывателей. Триста женщин из Штутгарта 28 июля устроили марш протеста против освобождения бывшей актрисы. Они называли решение суда *«пощечиной немецкому народу»*. В ходе своей манифестации они требовали отменения приговора и полного пересмотра дела с возвращением Эмми в группу «главных нацистских обвиняемых». Их требования сводились к тому, что все имущество Герингов должно быть конфисковано, а сама Эмми Геринг – подвергнута продолжительному тюремному заключению.

Весь 1949 год бывшая осужденная провела в различных судебных тяжбах, пытаясь отстоять свое имущественное право на многочисленные произведения искусства из коллекции своего супруга. Многие она пыталась

называть собственностью малолетней Эдды. Например, в их число попало несколько очень ценных картин и скульптур, в прошлом принадлежавших частным коллекционерам или государственным музеям. Генеральному прокурору, доктору Ауэрбаху, Эмми Геринг заявила, что многие вещи, которые у нее пытаются изъять, «*подарены Эдде отцом, ее крестным и крестной*», а об их происхождении она ничего не знает. Опись бесчисленного количества сокровищ, награбленных Германом Герингом, проводилась с огромным трудом. Вдова пыталась укрывать многие предметы, оспаривать право на их владение, переправлять их родственникам.

Личными вещами, к примеру, была объявлена Эмми Геринг и знаменитая «Мадонна с ребенком» кисти Кранака, датированная 1518 годом. Эту картину подарили отцы города Кельна из собственного музея по случаю рождения Эдды. Свою частной собственностью объявила печальная вдова и другую работу этого художника – «Отдых на пути бегства в Египет», южно-немецкую Мадонну XV века, золотые столовые приборы, старинные японские ковры и множество не менее «дорогих сердцу» вещей. Когда дело дошло до очередного суда, генеральный прокурор даже предложил возбудить уголовные дела против несовершеннолетней Эдды, чтобы взять все ценные вещи под охрану государства. Испугавшись, что может потерять все из-за своего упрямства, Эмми Геринг пошла на попятную и прекратила споры по поводу предметов старины, представляющих мировую культурную ценность.

Правда, отдельные судебные разбирательства продолжались еще не одно десятилетие. Эмми Геринг предъяв-

ляла на многие вещи претензии как на частную собственность. Музеи ФРГ отстаивали свои права. В суд вступила и отыне независимая Бавария. Самое забавное, что суд города Кельна отказал в иске музею, заявив, что не нашел доказательств того, что Герман Геринг оказывал давление на отцов города, требуя в подарок именно эту картину. Напротив, адвокат пришел к выводу, что именноoberburgomistr надеялся с помощью этого подарка заручиться поддержкой премьер-министра и таким образом получить выгоду. Корысть, по крайней мере в данном судебном разбирательстве, со стороны Германа Геринга доказана не была. Второй победой стал судебный иск, обязавший Баварию возвратить часть отобранных драгоценностей семьи Герингов. Суд признал, что они действительно были подарками маленькой Эдде и конфискации подлежать не могут, поскольку Герман Геринг купил их. Откуда взялись деньги – это уже другой вопрос. Но факт самой покупки оспорить независимой Баварии оказалось не под силу.

После освобождения из лагеря Эмми с Эддой некоторое время жила в Закдиллинге. Позднее они перебрались в Мюнхен, где занимали небольшую коммунальную квартиру и жили очень уединенно; предпочитая ни с кем не общаться. Эдда сначала хотела получить юридическое образование, но потом сменила профиль и стала работать медико-техническим ассистентом. Она так никогда и не вышла замуж, предпочтя посвятить свою жизнь исключительно матери.

В конце 60-х годов основные суды, защищавшие честь Третьего рейха, закончились. Начали приподниматься грифы секретности над многими документами. И тогда

мир узнал о десятках миллионов убитых, об истинном размахе репрессий нацистов. В 1967 году Эмми снова включилась в активную околов политическую жизнь, издав книгу «Жизнь с моим мужем». Ее консультант по праву, юрист и писатель доктор Эрих Эбермауэр, и Альфред Мур выполняли функции литературных агентов. Но хотя они много лет находились рядом со вдовой Геринга и во многом ей помогли, в книге о них нет ни слова.

Основная идея книги, ради которой она, собственно, и писалась, определена в предисловии: *«Я чувствую себя обязанный рассказать о моем муже, который после крушения режима подвергся нападкам со всех возможных сторон, на основе личных знаний его сущности и характера, что является необходимым, чтобы исправить мнение о нем, ошибочно составленное людьми, которые не были с ним знакомы».*

В этой книге Герман Геринг олицетворяет собой образец порядочности и добродетели. Эмми писала, что не было в Третьем рейхе более отзывчивого человека, который радовался только тогда, когда доставлял радость другим. Он преподнесен бессребреником, который жил ради Германии и своих товарищей по партии. Книгу в народе прозвали «Белой книгой рейхсмаршала». В ней нет ни слова о том, что премьер-министр был законченным наркоманом, что он погряз в коррупции. Не нашлось в книге места и для того, чтобы рассказать о беспредельной холодности и жестокости этого человека, о его стремлении грабить и присваивать себе все ценности, которые находятся в его поле зрения.

Если судить о жизни в Германии по книге вдовы, что это просто пасторальная картинка. Германия – сущий рай, подаренный, естественно, нацистами. Бывшая актриса снова играла, но теперь только на душах читателей, используя для этого свою литературную бредятину. Она снова прикидывалась «apolитичной женщиной». Свои доскональные знания внешнеполитических коллизий и дел внутри самой Германии она объясняла тем, что после процесса много общалась с бывшими соратниками мужа, которые и просветили ее относительно происходивших событий. Если следовать книге, то Геринг нуждался не в виселице, а в срочной канонизации.

Квинтэссенцией книги стал эпилог, в котором Эмми попыталась описать свое место в жизни и определить ее смысл: *«Сегодня, когда я оглядываюсь назад, мне все время кажется, что моя жизнь началась весной 1932 года и закончилась осенью 1946-го. Я действительно жила эти 14 лет. Всего четырнадцать за всю жизнь! Я чувствовала себя счастливой и ожидала, что мои сограждане вместе со мной переживают это чувство...»*

Немецкий журнал новостей «Шпигель» напечатал аннотацию к воспоминаниям Эмми Геринг под названием «Слишком много сердца». В марте 1973 года другое немецкое издание снова уделило вдове внимание, на этот раз в связи с ее 80-летием, которое она отпраздновала в мюнхенском ресторане «Четыре времена года». Там ее называли «социальной пенсионеркой». День рождения, кстати, ей устроил и оплатил сын Карин, первой жены ее супруга, Томас фон Канцтов. А осенью того же года Эмми Геринг умерла.

ЛЕНІ РИФЕЧНІПАЛЬ

Л

ени Рифеншталь – одна из немногих фавориток фюрера, которая благополучно дожила до наших дней и интересна не только как одна из приближенных Адольфа Гитлера, но и как очень талантливый режиссер. Все исследования, связанные с ней, в основном посвящались больше ее творческой деятельности, нежели амурным похождениям. Хотя она никогда не считалась официальной любовницей Гитлера, ее отношения с главой нацистской партии ни для кого не являлись тайной. Многие также полагают, что в ее послужной список входили и другие высшие чины Третьего рейха. Лени отличалась нравственностью уличной кошки, именно ее любовные похождения, которые она зачастую даже не старалась скрыть от глаз окружающих, и становились причинами разводов.

Талантливая во всем, она с увлечением отдавалась сначала танцам, где многое достигла, хотя пришла к учителю в том возрасте, когда от учениц уже отказываются, потом дебютировала в кино как актриса и со временем освоила практически все специальности, связанные с кинематографом. Финалом ее кинокарьера стала режиссура. Причем уже в возрасте 96 лет в 1998 году она

вместе со своим очередным спутником жизни занималась подводной съемкой.

Упрямство, граничащее с откровенным фанатизмом, отличало Лени Рифеншталь с самого детства. С помощью таланта и потрясающей работоспособности она поднималась до, казалось, невозможных вершин. Первый раз Лени танцевала перед кинокамерой после трех серьезных повреждений лодыжки и перенесенной операции на мениске. Она фанатично могла верить в Идею, но потом с не меньшим упорством отстаивать совершенно противоположную точку зрения. По крайней мере Лени Рифеншталь, снявшую столь знаменитый фильм о нацистах, как «Триумф воли», не особенно преследовали после поражения Третьего рейха. Она спокойно продолжала жить своей жизнью, снимать фильмы и даже с гордостью вспоминать о расцвете своей карьеры во времена существования нацистской Германии.

Железная воля и невероятное честолюбие Лени Рифеншталь, которым она отличалась с самого детства, доставляли ее родителям множество хлопот. Она никогда не была спокойным и покладистым ребенком. Послушание и покорность родительской воле не числилось среди ее добродетелей. Вся ее жизнь была тяжелым испытанием для родительских нервов. Правда, разносторонние интересы дочери и работоспособность, наверняка, радовали их.

Помимо всего прочего, с самых ранних лет Лени отличалась словоохотливостью и обожала быть в центре внимания. Может быть, именно эта черта потом и подтолкнула ее к дружбе с НСДАП, пришедшей к власти,

и, как следствие, с ее лидерами. По воспоминаниям ее родителей, словоохотливость дочери доставляла много проблем. Например, в трамвае, где Лени всегда без умолку болтала, пассажиры часто требовали, чтобы фрау Рифеншталь угомонила свое несносное дитя.

Юная Рифеншталь развивалась очень быстро и физически, и психически. Уже в четыре года Лени всерьез начала интересоваться театром и танцами, но родители долгое время не хотели отдавать девочку в танцевальный кружок. Особенно яростно противился этому отец. Девочке приходилось находить другие способы самовыражения, зачастую гораздо более экстравагантные, нежели принято. Она лучше всех своих сверстников каталась на роликах и зачастую устраивала показательные выступления в берлинском парке Тиргартене, что привлекало большое количество праздных зевак и зрителей. Порой такие показательные выступления заканчивались активным вмешательством полиции, которая разгоняла толпу, а юную Лени отводила домой как малолетнюю нарушительницу общественного правопорядка.

Честолюбие и упорство позволили Лени Рифеншталь закончить берлинскую гимназию с отличием. По многим предметам, например математике, физкультуре и рисованию, она была лучшей ученицей в классе, но оставалась столь же необузданной и способной на самые вызывающие поступки. Это отразилось на ее оценке по поведению, которая была всего лишь удовлетворительной. Причиной послужила очередная выходка Лени перед окончанием гимназии: желая сорвать занятия (любимое занятие ученицы) она забралась на крышу

гимназии и вывесила там государственный флаг. Подобное допускалось только в чрезвычайных ситуациях, и тогда учеников отпускали домой. Лени надеялась, что, увидев на крыше флаг, гимназисты разойдутся по домам. Затея не удалась, а Лени Рифеншталь в очередной раз прослыла нарушительницей спокойствия.

Надо признать, что упрямство Лени иногда шло ей на пользу. С самого детства, отстаивая свою точку зрения, она никогда не отступала, даже зная, что навлечет на себя гнев отца. Когда Лени Рифеншталь захотела заниматься балетом, она пыталась договориться с родителями. Альфред Рифеншталь принял идею в штыки и запретил дочери даже думать о карьере балерины, но девочке удалось склонить на свою сторону мать, которая тайком от отца стала оплачивать уроки дочери. Вся история вскрыла наружу, когда Лени, как одну из лучших учениц хореографического класса, выпустили танцевать на показательных выступлениях танцшколы. Гнев Альфреда был страшен: узнав, что дочь уже достаточно долго учится танцам с разрешения матери, он чуть не разорвал свои отношения с супругой, пригрозив ей разводом в случае, если домочадцы еще раз посмеют послушаться его приказа.

Позже отец смирился с решением дочери, видимо, поняв, что дочь не упрямится, а просто уже выбрала свой путь. Правда, решение могло и запоздать, но, к счастью Альфреда и самой Лени, она действительно была талантлива. В 19 лет отец отвел Лени к знаменитой русской балерине Евгении Эдуардовской. Эта балерина из Санкт-Петербурга вела балетную школу.

Несмотря на то, что русская балерина принимала в школу детей с 6 лет, девочка-переросток была принята. Евгения Эдуардова сразу заметила талант девочки и прочила ей великое будущее. Надо признать, что эта великая балерина редко ошибалась. Лени Рифеншталь очень быстро добилась признания на сцене.

Честолюбие позволило Лени стать лучшей ученицей школы, ею гордились. Она стала своеобразной визиткой школы, представляя ее на показательных выступлениях. Лени нельзя назвать везучей, но ее целеустремленности можно только позавидовать. Трижды во время обучения она ломала себе лодыжку. Обычно хватает одного раза, чтобы навсегда забыть о балете. Но после трех травм, в 21 год, Лени вышла 23 октября в Мюнхене на сцену. Тогда, в 1923 году, она впервые выступала как официальная фаворитка балетной школы Евгении Эдуардовой. Ей понадобилось всего два года, чтобы добиться этого признания. Правда, за этим стояли многочасовые репетиции, забиравшие у девочки все силы. Но, главное, в нее поверили и родители. Может быть, именно поддержка матери и отца, которые наконец признали в девочке будущую балерину, и стала той силой, которая помогла ей добиться успеха.

К этому вечеру готовились загодя. Мать сама сделяла эскизы и сшила дочери наряд, а Лени отобрала десять самых сложных номеров, с которыми и вышла на сцену. Ее следующее выступление было в Берлине, где Лени невероятно откровенно исполнила чувственную программу «Эрос». Этот вечер сделал ее звездой.

После выступления в Немецком театре, его владелец Макс Рейнхард сразу же предложил девушке длительный контракт, предусматривающий гастроли по Европе. От такого шанса отказываться было нельзя. Спустя два года, во время гастролей по Европе в 1925 году, случилось непредвиденное. Выступая в Праге перед тремя тысячами поклонников, Лени упала и сильно повредила себе колено. Гастрольный тур пришлось свернуть. Все врачи, консультировавшие юную звезду, предрекали ей печальное будущее: от костылей до длительной терапии. Сходились они в одном: о балете нужно забыть навсегда. Врачи и не представляли, с кем имеют дело.

Вернувшись домой, Лени просидела без дела не долго. Как-то, сходив в кино, она пришла в полный восторг от фильма «Гора судьбы» с популярным в те времена Луисом Тренкером в главной роли. Его партнершу играла Джулия ди Бректа. Посмотрев фильм раз шесть или семь, Лени пересмотрела свою жизнь и стала строить свои «горы судьбы». Уже успевшая привыкнуть к славе и популярности, она решила сделать карьеру актрисы. То, что девочка косила, ей не мешало. Тогда это воспринималось как своеобразный шарм. Лени даже удостоилась среди критиков имени «Серебряный взгляд». И хотя девушку трудно было назвать красавицей, она решила пробиться в кино. Первым шагом стало знакомство с режиссером «Горы судьбы» доктором Арнольдом Фанком. Через своих знакомых она сумела не только добиться, чтобы ее представили Фанку, но и очаровать режиссера своим шармом.

В середине 20-х годов имя доктора Арнольда Фанка было более чем популярно. Он не только являлся

основателем и даже первооткрывателем документального кино об альпинистах, но и был основателем популярного «Фрайбургского общества горно-спортивных фильмов». Обладая собственными взглядами на кино и необычной техникой съемки, Арнольд Фанк создал и популяризовал жанр «горного фильма».

После продолжительного общения с юной Лени Рифеншталь доктор Фанк, потрясенный упорством и настойчивостью девушки, предложил ей роль в новом фильме с Луисом Тренкером в главной роли — «Священная гора». Первоначально фильм планировался только как игровой, но режиссер решил специально для Лени включить в него танцевальные фрагменты. Единственной проблемой оставалась травма балерины. И тогда девушка решилась на операцию. В 1925 году операция на мениске считалась крайне неординарной, и гарантий успешного исхода никто не давал. Лени Рифеншталь рискнула и легла на операционный стол. Она потом долго разрабатывала неподвижное колено и в конце концов практически вернула себе утерянную форму. Еще в больнице доктор Фанк начал готовить свою новую актрису к роли.

Новая работа Арнольд Фанка предполагала многочисленные натурные съемки. Для фона, на котором должна была танцевать Лени, съемочная группа сначала поехала на альпийские луга в швейцарских Альпах, а потом в Голландию. Во время съемок в горах, где Лени Рифеншталь пришлось учиться ходить на лыжах, девушка вновь сломала уже не раз травмированную лодыжку. Тем не менее работу над фильмом было решено не прерывать.

В то время как Лени лежала в гипсе, в павильоне сооружалась искусственная 15-метровая ледяная глыба, на вершине которой она и должна была танцевать. Но несчастья преследовали съемочную группу. После того как пострадали еще два артиста и главный оператор, доктор Фанк посчитал проект проваленным и закрыл его. В совершенно подавленном состоянии, распустив всю съемочную группу, Арнольд отправился в Берлин, чтобы отчитаться о провале съемок перед компанией, финансировавшей проект.

Лени, которая, в отличие от Фанка, никогда не теряла голову, решила самостоятельно продолжить съемки фильма. Без ведома режиссера она взяла в руки камеру и сделала за свой счет более 600 метров натурной съемки. Впоследствии именно они и спасли фильм. Режиссер представил новый материал в Берлине и финансирование ленты возобновилось. Теперь режиссер решил отправиться в Голландию, где на скользких скалах под шум водопадов Лени танцевала под 5-ю симфонию Бетховена. Потрясенный самостоятельностью и упрямством дебютантки, которая, прийдя в кино, решила освоить все кинематографические специальности сразу, доктор Фанк начал посвящать Лени в тайны режиссерского мастерства и искусства обращения с кинокамерой. Позже Лени Рифеншталь любила вспоминать об этом времени.

«Он учил меня, что прежде всего нужно уметь хорошо фотографировать: людей, животных, облака, воду, лед... В каждом случае надо испробовать все возможные варианты, чтобы избежать рутины, и, по воз-

можности, смотреть на все свежим взглядом. Я должна была смотреть на мир через оптику камеры, подыскивая нужный срез картинки, изучать положительные и отрицательные результаты, учиться работать с фокусным расстоянием и знать принцип действия объектива и цветного фильтра. Я чувствовала, что фильмы могут стать для меня новой целью, наполнить меня новым содержанием. Одновременно мне становилось ясно, что у фильма нет отдельных частей: здесь все может возникать только в совместной слаженной работе».

После возвращения со съемок Лени Рифеншталь первым делом устроилась работать на киностудию во Фрайбурге в отдел копирования. Там она освоила процессы проявления, копирования пленки и приобрела навыки монтажа.

14 декабря 1926 года в берлинском Дворце кино состоялась премьера новой работы доктора Фанка «Священная гора». Перед премьерой Лени Рифеншталь вышла танцевать перед собравшейся публикой под символически выбранную «Неоконченную симфонию» Франца Шуберта. Реакция критиков на фильм, как обычно, была неоднозначной, но преобладали откровенно восторженные отзывы по поводу увиденной «романтической драмы любви на фоне величественных Альп».

«Новая прусская крестовая газета» от 16 декабря 1926 года писала: «Лени Рифеншталь танцует в ритме моря, одушевляя в постоянной гармонии любви ужасы бытия». «Берлинская местная газета» писала два дня спустя: «Все в этом фильме есть: могучая

природа, горы и люди. Только внутренне молодые, совершенно светлые живые дети могут так представлять себе жизнь, любовь и верность. Этот лейтмотив ощущается в каждом движении, в каждом слове, в глазах природы, в их мыслях и чувствах...»

Правда, не все рецензии были столь же благожелательны. Берлинская газета «Утро понедельника», которая всегда отличалась неприязнью ко всему происходящему, 20 декабря писала: «*Если бы это было предложено только для зевак, то ленту можно было бы смиренно вытерпеть... Но этот фильм не только глупый и лживый... Этот напыщенный кульп природы, несносно большое лицемерие – просто летний садовый домик.*» Подобные реплики находили отповеди обычно примерно в таком стиле: «*Подобные критики этого фильма – отребье прессы, которая всецело находится под впечатлением прибыльного хозяйства и выступает против духовного возрождения народа.*»

После этого фильма карьера Лени Рифеншталь стремительно пошла в гору. Уже через год состоялась ее очередная премьера в новой работе доктора Фанка – «Большой прыжок», после чего их пути разошлись. Она сыграла большую драматическую роль в фильме «Судьба одного из Габсбургов – трагедия королевского государства». Затем была работа с известнейшим мэтром кино Георгом Вильпанстовым, где уже самого Арнольда Фанка привлекали только для создания натурных съемок. Ее популярность стремительно росла. Уже в 1930 году Лени стала брать уроки дикции и перешла из мира немого кино в тот, который стал привычным для

наших современников. Критики посчитали, что переход оказался столь естественным, что таланту молодой актрисы остается только удивляться.

Но и этого Леди Рифеншталь было мало. Она не могла и не хотела ограничивать себя только актерской игрой. Сознавая, что способна на большее, и подталкиваемая своим бесконечным упорством и честолюбием, Лени взялась за проект, в котором выступала уже не только в качестве актрисы, но и режиссера.

В 1931 году Лени основала собственную компанию по производству фильмов и за год завершила работу над лентой «Голубой свет. Легенда гор из Доломитов», где сыграла крестьянскую девушку Юту. Первая же «проба пера» попала на Венецианский кинофестиваль, где удостоилась серебряной медали. Ученица играючи превзошла своих учителей. Ее фильм закупили сразу несколько стран, где он быстро побил все рекорды популярности. В Париже «Голубой свет» находился в постоянном прокате по кинотеатрам в течение 14 месяцев. В Лондоне фильм не сходил с экранов 16 месяцев.

В том же году в ее жизни появился и будущий фюрер, а пока еще просто активный политик Адольф Гитлер. После турне по Германии, в рамках которого она презентовала свой фильм, она стала часто заявлять о том, что, к своему удивлению, обнаружила, насколько значительное место в германской политике занимает Гитлер. Как обычно, целеустремленная, всегда стремящаяся потакать своим желаниям, актриса и режиссер Лени Рифеншталь отправилась в берлинский Дворец

спорта, чтобы лично присутствовать на очередном выступлении понравившегося молодого политика. В это время она готовилась к поездке в Гренландию на съемки своего нового фильма – «SOS Айсберг». Для участия в нем она привлекла прославленного в то время летчика Эрнста Удeta, который позже стал генералом Третьего рейха. Именно отвечал за техническую часть истории о девушке-пилоте (естественно, в исполнении Лени), которая ищет во льдах потерпевшего авиакатастрофу возлюбленного. Но перед отъездом она все-таки успела познакомиться с Адольфом Гитлером. Этому предшествовал обмен письмами.

Лени Рифеншталь отправила будущему фюреру послание следующего содержания: «Уважаемый господин Гитлер, недавно я впервые в своей жизни посетила политическое собрание... Я должна признаться, что меня поразили Вы и энтузиазм слушателей. Я хотела бы лично познакомиться с Вами». Позже в мемуарах, опубликованных в 1987 году, она призналась, что не ожидала ответа, который был доставлен с первой же почтой. Первая встреча, которая прошла в романтической обстановке на побережье Северного моря, заставила актрису с восторгом вспоминать о собеседнике. Гитлер любезно поинтересовался ее работой, долго и с любопытством расспрашивал актрису о ее новом проекте. Рифеншталь отмечала, что перед ней был не публичный политик, а очень симпатичный и сентиментальный человек.

Свое общение с будущей политической элитой новой Германии Лени возобновила в конце 1932 года, когда вернулась из Гренландии со съемок фильма. С тех пор

Гели Раубаль

Ева Браун

Генриетта фон Ширах

Гертруда Шольц-Клинк

ее часто стали замечать в обществе высокопоставленных функционеров Национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Потом она любила вспоминать прием, устроенный Герингом в честь итальянского министра авиации Бальбо, который прошел в приятных светских беседах. Тогда в дневнике Геббельса появилась запись о том, что популярная актриса Лени Рифеншталь все время кокетничала и заигрывала с Бальбо, откровенно проявляя к нему интерес.

Любопытно, что существует множество самых разных документальных свидетельств ее активной общественной жизни. Она часто мелькала в высшем обществе и не скрывала своих симпатий к НСДАП, но при этом все, что касается ее отношений с будущим фюрером, известно только с ее слов. Никто из соратников Гитлера не распространялся в своих дневниках или просто высказываниях об отношениях этой пары. Невольно напрашивается мысль о том, что обсуждаемая исследователями связь между Адольфом Гитлером и Лени Рифеншталь – не что иное, как желание актрисы, которое она выдавала за действительность. Этим она могла добавить себе веса в глазах окружающих. Тем более, что высказывания или мемуары, вышедшие более чем через полвека после описываемых событий, практически невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Так что приходится доверять амбициозной актрисе.

Хотя вполне можно допустить, что это было ей просто необходимо для собственной карьеры. Близость к лидерам правящей партии могла существенно облегчить работу, открыть ей любые двери и создать ореол

человека, прикоснувшегося к большой политике. Все это положительно влияло бы на имидж актрисы и режиссера. Для не отличавшейся особой нравственностью Лени интрижка была вполне допустимым орудием для достижения каких-то собственных целей. Тем более, что позже сплетни приписывали уже замужней Лени массу высокопоставленных любовников. Одним из них вполне мог быть и фюрер.

Например, она так описывала в своих мемуарах одну из встреч с Адольфом Гитлером. Лени возвращалась 8 декабря с концерта, когда на одной из центральных улиц Берлина, совершенно случайно, встретила адъютанта будущего фюрера Брюнкера. Он взял ее за руку и отвел к своему патрону. *«Он подал мне руку и потом долго ходил по комнате туда-сюда. Его лицо было бледным, волосы свисали на лоб, покрытый крупными каплями пота. Потом он вдруг очень взволнованно и возмущенно заговорил: «Эти предатели, эти трусы... И это незадолго до решающей победы. Эти уроды... Мы боролись 13 лет, создавали и все отдали незадолго до поставленной цели. Предательство!» Затем он посмотрел на меня, все так же держа меня за руку, и снова заговорил: «Я благодарю Вас, что Вы пришли!» Так и не произнеся ни одного слова, я покинула комнату».*

Конечно, если бы подобная ситуация имела место, причем именно в описываемой форме, то это не могло не придать Лени Рифеншталь веса в обществе. Другое дело, насколько можно доверять воспоминаниям 85-летней актрисы, чей пик популярности прошел за десятки

лет до того момента, когда она решила поведать миру о событиях своей молодости.

Многие историки считают, что эта сцена звучит крайне фальшиво. Во-первых, Гитлер с женщинами всегда говорил только о политике, чему есть десятки подтверждений. Однако на такие романтические поступки и монологи он вряд ли был способен. Во-вторых, есть опять же множество свидетельств тому, что весь вечер 8 декабря он провел в доме Геббельса. Также заставляют сомневаться в реальности и многие другие описываемые в дневниках встречи, которые больше напоминают перекрестный допрос без какой-то внутренней логической связи типа: «Думаете ли Вы о Боге?» и «Вы, однако, имеете расовые предубеждения?» Вряд ли Гитлер стал бы вести подобные диалоги. Так что все это остается на совести самой Лени Рифеншталь.

Если заняться анализом высказываний верхушки нацистской партии и непосредственно Гитлера, то бросается в глаза немаловажный факт, который лишь подтверждает предыдущее утверждение: все реплики Адольфа Гитлера, касающиеся Лени Рифеншталь, относятся к ее кинодеятельности, а не к ней как к женщине и возможной любовнице. Для начала можно смело утверждать, что первоначальное знакомство главы Третьего рейха с актрисой состоялось благодаря вовсе не ее талантам. Гитлер всегда был большим поклонником актерского мастерства Луиса Тренкера, с которым Лени сыграла свою первую роль в «Священной горе». Лишь потом он заинтересовался собственной дебютной работой Лени Рифеншталь – «Голубой свет». Эта лента

привлекала фюрера опять же не личными талантами актрисы и режиссера, а сценами из народной жизни. Именно на них можно было ссылаться, а поскольку Гитлер слыл человеком, который понимает жизнь простых немцев, то естественно, что сцены бытовой жизни он просматривал и анализировал очень внимательно.

Одна из уважительных фраз, которая прозвучала в адрес Лени после просмотра Гитлером фильма «Голубой свет», звучала примерно так: *«Здесь Риленшталь действует совершенно верно, выискивая своих героев-крестьян в деревнях»*. Может быть, после просмотра именно этой работы Лени заинтересовалась своего «любовника» как режиссер, и Гитлер начал прикидывать: как же именно можно использовать таланты новой знакомой в интересах НСДАП.

Кстати, в дневниках доктора Геббельса, который отвечал за пропаганду в Третьем рейхе, записи о Лени Риленшталь также касаются исключительно рабочих моментов. Например, предлагая ей снять фильм о Гитлере и его партии, Геббельс 17 мая 1933 года сделал в своих дневниках следующую запись: *«Утром с Лени Риленшталь. Она рассказывает о своих планах. Я предлагаю ей снять фильм о Гитлере. Она в полном восторге»*.

Естественно, что речь шла о крайне ангажированном фильме о Гитлере. Лени Риленшталь, которая была падка на знакомства в высших эшелонах власти, охотно согласилась снимать претенциозный эпос о народном герое и новом вожде, который спасет страну. Окончательный ответ, согласно дневникам Геббельса, она дала в конце мая, во время поездки вместе с Гитлером и Геб-

бельсом на балтийское взморье. 26 мая последний сделал запись: «*Вчера состоялась поездка в Хайлигенданштадт. Пикник удался. Прекрасное море. Шеф ездил с нами. Также была Лени Рифеншталь, долго говорила с шефом. Почти до глубокой ночи*». Примерно через две недели все вопросы окончательно решились. Лени проявила максимум лояльности к нацистской верхушке. Гитлер решил поручить съемки фильма именно ей. «*Обсуждали новый фильм с фрайлейн Рифеншталь. Она единственная из всех звезд, которая нас понимает*», — писал Геббельс 12 июня 1933 года. Видимо, только амбициозная Лени согласилась снимать фильм. Судя по последней записи, Геббельс обращался с предложением снять фильм не только к ней, но и к другим известным режиссерам Германии. Но какие-то точные данные об этом факте отсутствуют.

Уже 14 июня режиссер обсуждала идею и фрагменты фильма с Гитлером. Беседы их оставались чисто деловыми. Откуда взялись утверждения Лени о их любовной связи — непонятно. Рифеншталь начала снимать фильм, который она закончила к концу года. Самое интересное, что на нее действительно не оказывалось никакого давления со стороны Геббельса, который курировал ее работу, став личным цензором. Лени никогда не являлась политической сторонницей фашизма. Такое впечатление, что ей вообще были чужды политические убеждения и пристрастия. Скорее всего, она преследовала лишь карьеристские замыслы, снимая свой первый фильм о будущих вождях рейха. Она не специально помогала становлению и пропаганде фашизма в

Германии, а просто решала свои личные проблемы, обзаводилась связями, которые ей могли помочь в дальнейшем. К тому же, предполагая, какой резонанс вызовет фильм, она закладывала фундамент своей общегерманской славы как национального режиссера.

Первого декабря, под бурные аплодисменты людей в коричневой форме, прошла презентация фильма «Триумф воли», первого, но далеко не последнего фильма, который Лени Рифеншталь посвятила нацистской партии. Она сама определила всю работу как *«зеркальное отражение великого смотра движения в год победы»*. Проще говоря, это был рассказ о пятом съезде партии. Заказчиком и производителем фильма, что немаловажно, выступало министерство пропаганды.

В своих дневниках, которые Лени Рифеншталь опубликовала уже в 80-х годах, она постоянно жаловалась, что во время съемок фильма и даже переговоров о них Геббельс постоянно приставал к ней с «сексуальными домогательствами». Забавно, но, судя по всему, сам Йозеф Геббельс даже не подозревал о своих приставаниях. По крайней мере, судя по дневникам и воспоминаниям очевидцев, все его мысли были заняты исключительно Магдой, к которой главный пропагандист рейха в то время относился весьма нежно.

Возьмем хотя бы уже известный нам день – 17 мая 1933 года. В то утро доктор Геббельс беседовал с Лени о съемках фильма и, исходя из ее воспоминаний, в очередной раз пытался склонить «бедную» Лени к постели. Сам сексуальный монстр вспоминал этот день иначе. После беседы с режиссером он весь день провел с

Магдой. «Вечером с Магдой и Лени Рифеншталь ходили на спектакль «Мадам Баттерфляй». Потом беседовали в винограднике». Ну где хоть одно эмоциональное воспоминание о Лени? Дневники достаточно откровенны. Если бы у Гебельса хоть однажды проскочила мысль о связи с Лени, этот педантичный немец обязательно отразил бы ее в своих записях хотя бы одной фразой. Но искать там даже намеки на возможность связи – бессмысленно. Так что и эти «любовные связи» фройляйн Рифеншталь остаются целиком на ее совести.

Зато прямая выгода от сотрудничества с НСДАП более чем очевидна. После того как Гитлер в 1934 году снова обратился к ней с предложением снять фильм, она стала в шутку называть свою студию «Госфильмъезд». Шутка – шуткой, но именно это полушутивое название, за которым стояли реальные связи, помогало Лени Рифеншталь решать многие проблемы. Она стала «пробивным» режиссером и могла, благодаря своим дружеским отношениям с нацистами, безболезненно реализовать любые свои проекты. Перед началом съемок еще одного помпезного фильма она сделала запись: *«Внутренняя готовность к этому заданию преодолевает все сомнения, все раздумья, все препятствия»*. Насколько искренне звучит эта фраза, судить трудно. Хотя бы потому, чтоозвучена она была через полвека после произошедших событий. Пока неонацизм не начал поднимать голову по всему миру, Лени не откровенничала о том, как складывались ее отношения с верхушкой нацистской партии.

Проблема перед Лени стояла достаточно сложная. Необходимо было снять двухчасовой фильм, в котором

совершенно не предполагалось действия. Фюрер сформулировал задание так: «художественное отражение нюрнбергского съезда с 4 по 10 сентября 1934 года посредством кино». Задача не из легких, поэтому режиссер решила использовать новаторские технические и художественные решения. Она довольно красиво вышла из создавшейся ситуации; сделав фильм в виде нескольких регулярных выпусков новостей, старательно разбавляя различными эпизодами бесконечные сцены марширования войск. И хотя в творческий процесс, как обычно, никто не вмешивался, Лени приходилось трудно. На подготовку к съемкам ей дали всего две недели.

Участники съезда весьма неохотно помогали Лени, считая, что она только путается под ногами. Шпеэр так описывает съемки: *«Как единственная женщина с официальными функциями в партийном механизме, она часто противостояла всей партийной организации, которая поначалу готова была поднять против нее бунт. Политические руководители, традиционно враждебно относящиеся к женскому движению, словно вызов воспринимали уверенное поведение этой женщины, которая без тени смущения командовала мужчинами, добиваясь своей цели. Плелись интриги. Гесса засыпали доносами с одной целью – лишь бы ее сместить»*. Хотя открытого противостояния Гитлер не допустил, но Лени все время чувствовала негативное отношение к своей работе, ей то и дело напоминали о неуместности ее присутствия на подобном мероприятии. Масла в огонь подлили и четыре аккредитованные на съезде службы новостей (*«Альфа»*, *«Тобис-Мело»*, *«Фокс»*, *«Панорама»*), которые

преследовали там собственные интересы и, естественно, воспринимали работу Рифеншталь, как прямую конкуренцию.

На самом деле, если уйти чуть в сторону от личных отношений Лени Рифеншталь с нацистами, то мы сможем утверждать, что съемки этой ленты стали революционным шагом в истории документального кино. Многие критики того времени утверждали, что своим потрясающим эффектом, сделавшим именно фильм Лени о съезде — самым интересным и успешным, она обязана кинотехнологиям, приобретенным в Голливуде. Но дело не только в этом. Команда Рифеншталь, а это, между прочим, 120 человек, просто позволила себе целый ряд экспериментов, которые сейчас считаются классикой и стандартным набором действий в документальном кино. Ее инициативу подхватили почти все кинокомпании того времени, которые занимались производством неигрового кино.

По ее приказу впервые на древках знамен 38-метровой высоты смонтировали специальные лифты, по которым могли двигаться камеры, осуществляя подвижную съемку с разных точек. Лени заставила всех операторов научиться кататься на роликовых коньках, чтобы те снимали динамику событий, сопровождая строй людей, а не снимая стационарно с одной точки всю колонну. Прибытие самолета с Гитлером снималось с крыши ближайшего многоэтажного дома, что позволило впервые сделать панорамную съемку в документальном кино. Она же начала использовать пожарные машины для съемки кадров сверху, над центром событий. Вокруг всего лагеря гитлерюгенда были проложены рельсы,

по которым двигалась вагонетка с оператором. Посредством еще целой серии приспособлений она регулировала высоту съемки для камеры, расположенной стационарно во время двухчасовой речи Адольфа Гитлера.

Сейчас все эти приемы смотрятся более чем банально. Но в 1934 году все были просто шокированы новаторством молодого режиссера, который пошел на беспрецедентные эксперименты в документальном кино. А тогда операторы часами сидели в своих подвесных люльках, снимая происходящее.

Фильм даже начинался необычно: летит самолет, и Гитлер, как ангел, спускается на землю. И следом слова: «5 сентября 1934 года, 20 лет спустя после начала мировой войны, 16 лет спустя после начала страданий немцев, 19 месяцев спустя после начала немецкого возрождения прилетел Адольф Гитлер...»

Более того, Лени Рифеншталь пошла еще дальше: она впервые сняла постановочные сцены для документального кино. Строгими вымуштрованными колоннами сотни тысяч людей проходят перед неподвижно застывшим на трибуне фюрером. Псевдорелигиозная инсценировка торжественного посвящения знамен, в которой фюрер выглядит, как служитель культа. Эти сцены, как и множество других, снятых в голливудских традициях, были тщательно продуманной инсценировкой, поставленной под непосредственным руководством Лени. Это, кстати, единственный фильм, в котором снялся Гитлер. Шпеер рассказывает интересный случай. Несколько кадров на пленке не получились, и их решили переснять в павильоне. Выступать должны

были Гесс, Штрейхер, Розенберг и Франк. Гесса пригласили на съемку первого. «С присущим ему пафосом искреннего волнения он обратился туда, где на сей раз не сидел Гитлер, и, соблюдая выпавшую, вскричал: "Мой фюрер! Я приветствую вас от имени партийного съезда. Съезд объявляю открытым. Слово имеет фюрер!" Говоря так, он производил столь убедительное впечатление, что с этой минуты я начал сомневаться в искренности его чувств... Я своими глазами увидел, что все это искусство срывать воссторги толпы можно вполне правдоподобно разыграть даже и без публики». Организатор и главный пропагандист съезда Йозеф Геббельс имел полное право находиться в самом прекрасном расположении духа. Все им задуманное воплощалось в реалии.

После съемок этого фильма Лени Рифеншталь выпустила в одном из принадлежащих нацистам издательстве книгу, посвященную работе над лентой. Именно там она с восторгом рассказывала о том, как проходила работа над документальным кино, с каким энтузиазмом работала вся съемочная группа. В книге были помещены 16 фотографий фюрера и 37 снимков самой Лени за работой. Тогда она находилась в полном восторге от происходящего. Спустя полвека, когда фашизм был окончательно заклеймен и предан анафеме, во всех своих интервью Рифеншталь начала говорить о том, что эту работу она выполняла буквально под угрозой ареста. Себя она преподносila чуть ли не как борца с фашизмом, который сотрудничал с ними лишь для сохранения жизни. Что поделать, эта женщина отличалась

всегда непотопляемостью и умением любую ситуацию обратить себе на пользу.

Так после съемок ее второго фильма об НСДАП за Лени окончательно утвердились слава придворного режиссера. Гитлер перестал даже высказывать свои пожелания о том, как должен называться новый эпос. Для него каждая работа Рифеншталь была своеобразной визитной карточкой, которая, говоря современным языком, тщательно раскручивалась не только в Германии, но и за ее пределами. Это был не только смотр достижений партии, но и определенный образ людей, которые нашли свое место, стали символом настоящих патриотов. В 1937 году лента попала на французский фестиваль документальных фильмов. Французский премьер-министр Деладье вручил Лени Рифеншталь Золотую медаль фестиваля за неоценимый вклад в развитие кинематографа. Надо сказать, что медаль вручили не только за новаторство режиссера, но и благодаря влиянию нацистов, крепнувшему во Франции.

Но в 1935 году Гитлер и Геббельс еще не могли оградить Лени от возможных неприятностей. Так, после съемок ее фильма «Наш вермахт» воплями негодования разразились генералы вермахта и представители делегации национал-социалистических женских движений. Причем, если женщины тихо возмущались, то гнев генералов не имел предела. Их можно понять, в фильме их роль показана в качестве орудия, полностью подчиненного партии. В то время Гитлер еще не имел столь полной власти над армией, чтобы Лени простили ее выходку. В том же году она снимает еще два корот-

кометражных фильма об учениях немецкой армии, где верхушка вермахта была облизана с ног до головы. Фильм, который режиссер назвала, как обычно, помпезно «День свободы», еще неоднократно использовался для пропаганды армии. Например, он был вставлен в виде фрагментов в игровое кино, которое прославляло достижения вермахта. Первая официальная презентация новой работы Лени Рифеншталь «День свободы» прошла в рейхсканцелярии в присутствии верхушки вермахта, самого Адольфа Гитлера и еще двухсот приглашенных гостей. После этого вермахт успокоился и начал относиться к Лени более лояльно, хотя до того обожания, которое описывает она сама в дневниках, было очень далеко. Лени вообще всегда давала разные оценки одним и тем же событиям в разные времена. Все ее восторги времен съемок перечеркиваются современными воспоминаниями, где она представляет себя гением, которого поработила система и заставила работать на себя. Хорошо еще, что она не приписывала себе любовников из вермахта. Эта структура, видимо, полностью проигнорировала ее как женщину.

Теперь уже в качестве народного немецкого режиссера, Лени могла браться не за все заказы или попросту выкаблучиваться в некоторых случаях. Так произошло, например, со съемками Олимпийских игр в Германии в 1936 году. Организационный комитет летних Олимпийских игр, которые планировались в Берлине с 1 по 6 августа, предложил Лени создать ленту об этом выдающемся мероприятии. Но режиссер долго не соглашалась браться за эту работу. Во-первых, нужно

было держать марку, а не браться за каждый крупный проект, который предлагают. Во-вторых, ей был памятен грандиозный провал ее учителя Фанка, который работал над фильмом о зимних Олимпийских играх 1928 года в Амстердаме. Подобные съемки представляли большие трудности, лента могла получиться достаточно скучной. Ну что интересного можно сделать из 100 соревнований, похожих одно на другое. Обдумывание плана заняло несколько месяцев. Но Лени Рифеншталь не была бы действительно великим режиссером, если бы не смогла найти выход из создавшегося положения. Она создала невероятно красочный фильм, где непосредственно игры были увенчаны эпизодами из древнегреческого эпоса. Именно экрализация античных сцен и стала основной проблемой в создании ленты.

Хотя сама Лени Рифеншталь описывает возникновение идеи со свойственной ей непосредственностью гения, для которого новаторство – привычное дело. Она не могла упустить шанса лишний раз похвалить себя и прекрасно воспользовалась им. В своем дневнике она записала: «*Вдруг я увидела, как древние места классических мест Олимпийских игр медленно проступают из густого чада, и мимо тянутся греческие храмы и скульптуры: Ахилл и Афродита, Гортона и Зевс...* Затем появляется дискобол в руках Мирона. Я мечтала, что он преобразится в живого человека и начнет метать диск. Статуи превратятся в греческих жриц, которые растворятся в пламени Олимпийского огня, от которого зажгут факел и пронесут от храма Зевса до

современного Берлина 1936 года. Шаг между античностью и современностью».

Когда Лени изложила свои предложения по съемкам фильма, весь оргкомитет фестиваля пришел в полный восторг. Но каково же было их удивление, когда режиссер заявила, что для создания фильма ей потребуется три года. Против этих сроков выдвигалось множество аргументов. Самым серьезным было то, что через три года после Олимпиады фильм о ней не будет представлять никакого интереса. Срок сократили до полутора лет, причем Лени Рифеншталь начала съемки еще в 1935 году. Утвержденный бизнес-план ленты финансировался через один из кредитных банков Берлина, который принадлежал министерству пропаганды. Таким образом, контроль над созданием фильма опять находился в руках Геббельса.

Еще одной причиной, по которой нельзя предполагать существование любовных связей Лени Рифеншталь с Гитлером, а тем более с Геббельсом, является та неприязнь, с которой вспоминал о ней главный пропагандист Третьего рейха во время съемок фильма об Олимпиаде. Многолетний проект сожрал всю выделенную сумму денег гораздо раньше, чем закончились съемки. Лени регулярно приезжала к доктору Геббельсу и требовала дополнительных субсидий. Вот, например, одна из дневниковых записей Йозефа Геббельса, датируемая 1936 годом: «Фройляйн Рифеншталь устроила мне истерику. С этими буйными женщинами невозможно работать. Теперь она хочет для своего фильма на полмиллиона марок больше. Причем два она уже истратила. Она

плачет. Это последнее оружие женщины. Но на меня оно больше не действует. Она должна работать и поддерживать порядок».

К концу 1936 года Лени Рифеншталь все-таки отсняла необходимый ей материал. По ее задумке, лента должна была состоять из двух серий: «Праздник народов» и «Праздник красоты». После того как на руках режиссера накопилось около 400 м отснятого материала, она удалилась от всех и в полном одиночестве занялась монтажем. Надо признать, что ее гений сумел создать шедевральное кино. Презентация новой работы прошла в узком кругу друзей 24 ноября 1937 года.

В этот день доктор Геббельс записал в дневнике: «*Вечером с Магдой и фрау фон Аренд у Лени Рифеншталь смотрели фильм об Олимпиаде. Неописуемо хорош. Восхитительно снято и преподнесено. Очень большое достижение. Отдельные эпизоды невероятно захватываю... И Лени очень счастлива... Она еще многое может. Я в восторге... Потом еще долго беседовал с дамами*».

Через пару дней Геббельс доложил фюреру о том, что работа над фильмом полностью завершена. «*Вечером у фюрера был прием для венгров. Я рассказал ему о фильме. Он очень обрадовался, что фильм удался. Мы хотим что-нибудь сделать для чествования Лени. Она этого заслужила, так как долго отказывалась от славы и признания*».

Здесь, надо сказать, доктор Геббельс несколько погорячился, утверждая, что Лени отказывала себе в славе. Напротив, эта упрямая и амбициозная женщина не упускала ни одной возможности блеснуть своими зна-

комствами в высших эшелонах власти. Она старательно делала себе паблисити и старалась быть постоянно на людях. Даже ее уединение для монтажа фильма смаковалось прессой. Не исключено, что именно с ее подачи.

Возьмем хотя бы историю презентации фильма об Олимпиаде, которая стала еще одной классической сказкой Лени о ее отношениях с Гитлером. Премьера фильма совпала по времени со вхождением армии вермахта в Австрию. Все, что она описывает в дневниках, не подтверждено ни одним историческим фактом. Так что приходится полагаться на ее слова, которые невозмож но проверить спустя полвека. Сама Рифеншталь излагает эту историю так: «*Мое сомнение было так велико, что я пришла к безумной идеи встретить Гитлера во время его поездки по Австрии в каком-нибудь местечке и попросить его, чтобы фильм вышел только весной. Я поехала поездом в Инсбрук, потом в Тироль что я там пережила, может показаться невероятным. Местные жители находились в состоянии опьянения. Как в религиозном экстазе, тянулись руками навстречу к Гитлеру... А я еще долго стояла перед оградой "Тирольского двора"...*»

Далее следует еще одна легенда,озвучная с той, которая посвящена якобы состоявшейся встрече Лени с Гитлером в Берлине. Ее будто бы снова заметил адъютант фюрера, когда Лени стояла перед «Тирольским двором». Он опять лично подошел к ней и привел за руку к Адольфу Гитлеру, с которым Лени вновь начала согласовывать дату официальной премьеры ее новой

работы. По ее словам, она с фюрером решила устроить презентацию фильма на день рождения главы Третьего рейха – 20 апреля 1938 года. Сей факт проверить трудно, но любопытно, что адъютант прямо-таки караулит Лени. Этот случай вряд ли мог иметь место хотя бы потому, что Гитлер фактически не был в Тироле. Он проехал через Пассаи и Липу, потом поехал в Вену и оттуда отбыл самолетом в Германию. Теоретически, он, конечно, мог проехать через Тироль, но об этом факте нигде и никогда не упоминалось. Именно поэтому историки считают эту историю еще одной «легендой от Лени».

Последние предвоенные месяцы стали для Лени одновременно и временем ее самого большого триумфа, и периодом самых глубоких разочарований. Наконец-то она на своей собственной шкуре поняла, что ее торжество основывается еще и на влиянии Германии на ряд сопредельных государств. Весь остальной мир, которому Германия не угрожала, относился к событиям в Европе совершенно без восторгов. Близкие отношения с верхушкой нацистов дали ей славу, но не позволили пробиться туда, где не распространялось влияние Германии.

В 1939 году Лени была награждена Золотой медалью оргкомитета Олимпиады за большой вклад в пропаганду спорта. Годом раньше ей устроили тур по Европе, где она презентовала свою односерийную версию фильма, которая увидела свет под названием «Боги стадиона». Рифеншталь переезжала с одной премьеры на другую, везде ее встречали морем аплодисментов и огромными букетами цветов. Окрыленная собственными успехами, Лени в январе 1938 года предпринимает

частную поездку в Америку, чтобы и там похвастаться своими достижениями. Но каково же было ее разочарование, когда Америка ее встретила фразами, проклинающими антисемитизм фильма и всего того, что в Германии получило название «Хрустальная ночь». В Нью-Йорке Лени Рифеншталь именовали не иначе как «содержанкой Гитлера». Для амбициозной Лени это была просто катастрофа. Ее бывшие германские знакомые, которые эмигрировали от гитлеровского режима в Америку и работали теперь в Голливуде, демонстративно не хотели иметь с ней ничего общего. Они не только не помогли устроить презентацию ленты, но и вообще отказались встречаться с Лени, выливая на нее в прессе потоки грязи и обвиняя в откровенной поддержке нацизма. Задуманная помпезная презентация фильма об Олимпиаде с грохотом провалилась. Ленту бойкотировали все маломальски значительные деятели искусства.

Разочарованная Лени вернулась в Германию и за приятельским ужином рассказала Геббельсу о событиях, произошедших с ней в Америке. Йозеф сделал после этой встречи очередную запись в своих дневниках: *«Вечером Рифеншталь сообщила о своей поездке в Америку. Она дала исчерзывающую картину происходящего, которая оказалась совершенно безрадостной. Евреи господствуют там с помощью террора и бойкота. Но как долго это будет еще продолжаться?»* Эти строки доктор Геббельс написал 5 февраля 1939 года.

Для Лени Рифеншталь это продолжалось очень недолго. Вся ее деятельность резко застопорилась с

началом второй мировой войны. Первоначально, одержимая своими женскими представлениями о победоносном шествии вермахта по Европе, она добилась согласия Гитлера на поездку в прифронтовые части. Ей дали нескольких опытных операторов, и Лени отправилась на Западный фронт. Все ее идеалистические представления о войне и работе военного корреспондента превратились в пыль после того, как она стала свидетельницей блицкрига в Польше. После того, как на глазах Лени были уничтожены несколько деревень с местными жителями, среди которых – женщины, старики, дети, Лени раз и навсегда оставила мысли о фронтовой журналистике. Более того, она вообще попыталась порвать свои отношения с командованием Третьего рейха.

Между тем, начав вторую мировую войну, пропагандистская машина Геббельса требовала все больше произведений, которые бы воспевали солдат-освободителей, с одной стороны, и создавали развлекательные фильмы для оставшихся в тылу – с другой. Поэтому он лично обратился к Лени с предложением снять еще несколько фильмов. И если уж ей так претила мысль снова оказаться на фронте, Йозеф Геббельс предложил ей финансирование музыкально-развлекательной жвачки для германского народа, который не должен зацикливалась на тяжестях войны. Лени ответила категорическим отказом снимать патриотические фильмы по заказу министерства пропаганды. Ее отказ вызвал массу удивления и негодования среди верхушки рейха. С этого момента по приказу Геббельса прекратилось любое финансирование всех ее проектов. Ей не мешали,

слишком велика была популярность Лени в Германии, но без материальной поддержки она была обречена на бездеятельность.

После этого оказалось, что и многие ее бывшие приятели стараются не демонстрировать открыто свою приязнь к Рифеншталь, боясь навлечь на себя негодование доктора Геббельса. Осознав, что вокруг нее образуется пустое пространство, Лени решила полностью посвятить себя давно задуманному проекту экранизации оперы Эжена де Альбера «Долина». Работа над этой лентой растянулась с 1939 года по 1945-й. Практически всю войну Лени Рифеншталь провела в полной бездеятельности.

Министерство пропаганды позволяло ей заниматься работой, но жестко контролировало процесс, не позволяя ему зайти слишком далеко. По сути, Геббельс решил устроить образцово-показательное наказание негодного режиссера, который не захотел поработать во славу германского народа. В одной из его дневниковых записей марта 1940 года есть такие строки: «*Лени Рифеншталь испытывает большие трудности со своим новым фильмом. Но мне не хотелось бы вмешиваться в это дело*».

С самого начала работы над лентой Лени преследовали неудачи. Прежде всего не смог реализоваться проект съемок в Испании в связи с шедшими там военными действиями. Режиссеру пришлось перенести место действия в Рим. В конечном итоге декорации были построены в военном лагере под Зальцбургом. По приказу Рифеншталь крестьянам велели сбрить бороды, что

вызвало волну возмущения и непонимания среди населения. Местные власти препятствовали работе над фильмом всеми доступными способами. А под конец умер еще и специально прирученный волк, которому в фильме отводилась масса времени. Финалом разочарований стал снос декораций на студии «Бабельсберг». Вложенные деньги ушли на ветер, потому что площадка срочно понадобилась для съемок фильма «Ом Крюгер», который предназначался для развлечения солдат, воюющих на фронте.

Лени не раз пыталась переломить ситуацию. В конце концов ее неприятие войны уступило амбициям режиссера, и она начала откровенно подхалимничать. Но уже ни Гитлер, ни Геббельс не хотели иметь ничего общего с Лени, которая отказалась им помогать по первому требованию. Все предпринятое Рифеншталь для восстановления дружеских отношений не принесло плодов. И здесь опять же можно, в очередной раз, поставить под сомнения ее любовные связи с верхушкой рейха. Скорее всего, их просто не было, Лени придумала все эти истории в своих дневниках, иначе не сложилась бы ситуация, в которой режиссер оказалась изгоем.

Лени Рифеншталь уже год работала над своим фильмом, когда Франция капитулировала после блицкрига немецких войск на Западном фронте. В это время Лени предприняла последнюю отчаянную попытку вернуть себе расположение фюрера и представить перед ним в качестве патриотки, которая приходит в восторг от очередной победы вермахта. Режиссер послала в Париж личную поздравительную телеграмму фюреру:

«Адольф Гитлер – штаб-квартира фюрера. С неописуемой радостью, глубоко тронутые и переполняемые горячей благодарностью, мы переживаем великую победу – Вашу, мой фюрер, и всех немцев – вступление немецких войск в Париж. Никакая человеческая фантазия не способна представить, что совершаете Вы дела, которые ни с чем не сравнимы в истории человечества. Как должна я Вас благодарить? Выразить искренние поздравления – это слишком мало, чтобы передать вам те чувства, которые сегодня движут мной. Ваша Лени Рифеншталь».

Гитлер на телеграмму не ответил, и положение Лени ни на йоту не изменилось. Спустя пятьдесят лет, когда историки раскопали эту телеграмму, она оправдывалась, что пыталась таким образом выразить свою радость в связи с тем, что в Европе наступил мир. Но кто же теперь ей поверит? Зная Рифеншталь, можно смело предполагать, что она надеялась таким образом вернуть расположение фюрера, который, как известно, был падок на лесть. А поскольку решить свои финансовые проблемы Лени не смогла, а в наше время победные телеграммы могут значительно повлиять на пабликити режиссера, то Лени пришлось выкручиваться и находить более-менее приличные объяснения своим поступкам многолетней давности.

Последняя встреча Лени Рифеншталь с Гитлером состоялась где-то в конце марта или начале апреля 1944 года. Режиссер, которая к тому времени достигла 42-летнего возраста, наконец-то решила примерить на себя платье невесты, и фюрер поздравил молодоженов. Официально Лени вышла замуж за Петера Якоба 21 марта

1944 года, а Адольф поздравил молодоженов уже после церемонии в Китцбюле, встретив их в Оберзальцберге. Как скоро после свадьбы произошла эта встреча, сказать трудно.

Надо сказать, что до свадьбы личная жизнь Рифеншталь складывалась совершенно неудачно. Все ее романы заканчивались одинаково — Лени оказывалась брошенной или вынуждена была сама расстаться с любовником, когда о его изменах начинали говорить слишком многие. Например, ее четырехлетний роман с Петером Якобом, главой горных охотников Германии, хотя и дошел до стадии помолвки и обручения, закончился плачевно. Петер откровенно изменял Лени, даже не стараясь сколько-нибудь тщательно скрывать свои интрижки на стороне. После того как о неверности жениха заговорила вся Германия, Лени резко оборвала с ним отношения. Все это время она чувствовала себя глубоко несчастной женщиной, которая не может иметь самого главного — любящей семьи. Может быть, именно этот комплекс Лени и пыталась компенсировать, придумывая свои отношения с верхушкой нацистской партии. Хотя утверждать это наверняка трудно.

После краха Третьего рейха Лени была арестована. Обвинение, предъявленное ей, сводилось к тому, что своими фильмами она способствовала распространению фашизма. Ее фильмы считались пропагандистским оружием, которое использовал доктор Геббельс для воздействия на массы. Но такая формулировка могла появиться и благодаря тому, что допрашивали Рифеншталь советские «особисты». Как прозвучало бы обвинение со

стороны западных союзников СССР – неизвестно. Тем не менее режиссеру пришлось пережить многочасовые допросы в расположении штаба 7-й армии. Ей предстояло объяснить сотрудникам советской разведки взаимосвязь между своей профессиональной карьерой и фильмами, которые она снимала по заказу Министерства пропаганды и непосредственно Йозефа Геббельса. Лени обязали публично отречься от нацистской идеологии.

Переводчик, в протоколе допроса от 30 мая 1945 года, так перевел речь Лени в свою защиту: «*Как вся мировая пресса, она также рассматривала Олимпийские игры как символ молодости, силы и красоты. Она сочлаась на то, что не получала конкретных директив при съемках фильма. Была она свободна и в выборе своих сотрудников и помощников. Фильм не подвергали цензуре, он не оказывал предпочтения какой-либо одной расе или нации. Например, неграм из Америки оказано надлежащее уважение. Джесси Овенс, знаменитый черный бегун был особенно возведен*». Резюме советского переводчика просто бесподобно. Оно гласит, что если все сказанное на допросах Лени Рифеншталь является правдой, то она никогда не понимала, как не понимает и сейчас, что ее искусство отражало «ужасный режим и что она способствовала его прославлению». В том-то и дело, что не просто прославляло; оно сплачивало и растило солдат, готовых куда угодно идти за фюрером. Такова сила ее фильмов.

Позже Лени в своих многочисленных интервью не раз подчеркивала, что создавала не пропагандистские

фильмы, а просто отражала при помощи камеры события, происходящие в стране. Тем не менее в 1945 году ей было приказано публично отречься от нацистской идеологии и пройти через суд. Конечно, тюремного срока она не получила, но ее значительное состояние и личное имение суд постановил конфисковать. На самом деле Лени еще легко отделалась. Личному фотографу фюрера Генриху Гофману повезло значительно меньше. Он так же, как и Лени, пытался сослаться на то, что только отражал действительность. Генрих даже добровольно сдал весь свой прекрасно сохранившийся архив. Тем не менее его приговорили к четырем годам каторги, а последующие пять лет он не имел права фотографировать. После того как фотограф отсидел, его больше никто не видел.

Лени не попала на каторгу, ей даже не запретили снимать фильмы, но положение ее было крайне плачевным. Она попала в категорию «попутчиков» и «неприкасаемых», то есть людей, которые хотя и поддерживали НСДАП, но все-таки никогда не являлись членами нацистской партии. Как уже писалось, союз с Петером Якобом распался из-за заголовов мужа. Рифеншталь оказалась, по сути, на улице без привычно крупных финансовых средств. К тому же наложенный на нее штраф и конфискация имущества были явной пощечиной режиссеру, которая привыкла к тотальному поклонению перед ее талантом. Она сняла небольшую мансарду в Мюнхене, куда перевезла уже овдовевшую мать.

Однако Лени Рифеншталь, которая все-таки сохранила упрямство и упорство, вовсе не собиралась ставить

крест на своей карьере режиссера. Она вновь вынашивала идеи, при помощи которых намеревалась вернуться в мир большого кино и вернуть себе всенародную любовь. При этом она решила совершенно наплевать на общественное мнение, которое видело в ней только любовницу Гитлера и подругу Геббельса, которая откровенно симпатизировала нацистскому режиму и способствовала его распространению. Надо отметить, что к формированию этой точки зрения приложил немало усилий бывший коллега Лени, с которым она много сотрудничала в прошлом, Луис Тренкер. После войны (до конфискации) дневники Евы Браун имели очень широкое хождение. Луис исправил их таким образом, чтобы из дневников любовницы и супруги Адольфа Гитлера следовало, что Лени принимала участие в безумных сексуальных оргиях в Оберзальцберге и танцевала перед вождями Третьего рейха голой на столе. Проверить данные этого лжедневника никто не потрудился, зато слух моментально распространился по Германии. А поскольку и Рифеншталь в прошлом любила намекнуть на свои более чем дружеские отношения с фюрером, то семена клеветы легли на удобренную самой героиней скандала почву.

После того как Лени Рифеншталь была публично предана суду и позору, все желающие поспешили воспользоваться ее шатким положением, когда трудно отстаивать права, и занялись пиратским тиражированием ее фильмов. Они шли во многих кинотеатрах мира в то время, как сама Лени раз за разом подавала в суд, пытаясь вернуть и утвердить свои права на собственные

фильмы. Ей пришлось выдержать более 50 (!) судебных процессов, восстанавливая справедливость. Многочисленные процессы принесли успех, хотя и весьма сомнительный. После долгих перипетий в 1954 году в Штутгарте состоялась премьера фильма Лени «Долина», но успеха он не имел. Мало того, что фильм был уже давно устаревшим технически, так еще и слухи о том, что во время съемок использовались узники концлагерей, привели к бойкоту фильма зрителями и критикой.

Таким образом, спустя время и оглядываясь назад, мы можем смело утверждать, что карьера Лени Рифеншталь достигла своего пика во время съемок фильма об Олимпиаде. После этого она стремительно неслась вниз. После 1938 года режиссера преследовали одна неудача за другой, которые тем не менее не сокрушили железную леди. Она по-прежнему намеревалась вернуться в мир кино. Хотя, по сути, в киноиндустрии Лени Рифеншталь объявили вне закона. Ни один продюсер не решился бы взяться за работу с опальным режиссером.

В период с 1950 по 1964 год Лени Рифеншталь по-очередно пыталась реализовать 11 своих проектов. Но ни один фильм так и не был снят. По словам самой Лени, это были «метания между славой и позором». Хотя насчет славы она явно лукавила. Ни один инвестор ни разу не выражил заинтересованности в финансировании ее проектов. Единственное, чего добилась Рифеншталь за эти годы, так это ретроспективного показа ее фильмов на фестивале в Венеции в 1959 году. Хотя и для этого ей пришлось много постараться. Следующий ретроспективный показ фильмов режиссера

состоялся в 1965 году в Милане по инициативе и при активной поддержке Александра Фюрстена Боргезе.

В 70-е годы Лени Рифеншталь, разменяв восьмой десяток лет и поняв наконец, что вернуть себе славу режиссера уже не удастся, решила прославиться иначе. Она стала заниматься фотографией. Для старта своей новой карьеры она выбрала никому тогда неизвестное племя Нуба в Судане, которому посвятила ряд фотографических альбомов. Лени сама полностью организовала и нашла финансы для экспедиции, в которой к ней присоединился начинающий оператор Хорет Кетпер. В нем стареющая Рифеншталь нашла верного друга и единомышленника. И хотя избранник был моложе ее почти на 40 лет, он не только стал ее идеальным сотрудником, но и верным спутником. Именно Хорет в дальнейшем разделил все взлеты и падения, которыми по-прежнему изобиловала жизнь Лени Рифеншталь. Возраст совершенно не изменил ее характера, она оставалась уверенной в своей правоте и победе женщиной, которая собиралась еще раз побывать в зените славы.

Очередным триумфом как раз и стал момент публикации двух фотоальбомов, рассказывающих о жизни племени Нуба. Их выход был настоящей сенсацией. Критика не скучилась на похвалу, называя новый проект Лени «праздником для глаз, который в своей талантливости граничит с колдовством». Один из критиков писал: «*В масках, ритуалах, битвах и любовных танцах можно увидеть, вероятно, последнее свидетельство одного из племен первобытного народа*». Но в

этом триумфе была сразу же заложена бомба замедленного действия.

Дело в том, что, создавая серию фотографий, Лени Рифенштальвольно или скорее невольно вызвала целый ряд напрашивающихся ассоциаций с Олимпийскими играми 1936 года. Спор о ее фильме вновь разгорелся. Вновь выдвигались аргументы «за» и «против» ее ангажированности нацистами. Часть критиков даже пытались утверждать, что новая работа Лени Рифеншталь – не что иное, как попытка возродить идеи нацизма и вновь возродить миф «о прелести варварских племен». Слава Богу, что еще никто не узрел в племени Нуба арийских корней. Иначе Лени точно заклеймили бы как ярую неонацистку. Тем не менее директор всемирно известного «Арт-клуба» в 1975 году объявил альбомы Лени Рифеншталь «лучшей работой в области фотографии».

Лени во второй раз была окрылена успехом и ударила в поиски новых идей и ощущений. На этот раз она решила остановиться на морской флоре и фауне. Она освоила технику подводной съемки и не уставала поражать мир удивительными снимками, отдавшись со всей страстью новому увлечению – подводному плаванию. В ее годы это неординарный поступок. С началом 80-х годов Лени решилась на еще один беспрецедентный шаг – написание своих дневников. Этому делу она отдала пять полных лет, не занимаясь ничем иным, кроме создания своего литературного труда. Ее книга, объем которой составлял без малого 900 страниц, сразу же стала бестселлером, переведенным на многие языки мира.

Отношение к Лени Рифеншталь с годами несколько изменилось. Уже никто не припоминал ей о прошлом. Обвинения в сочувствии нацистам не звучали. Ситуация настолько изменилась, что в 1997 году в Риме прошла полная ретроспектива всех ее работ. Это была акция, которая признала за Лени ее неоценимый вклад в мировой кинематограф. Показ фильмов прошел во всемирно известном Палаццо дель Эспозициони. На этом же фестивале состоялась и презентация фильма Р.Мюллера «Власть картин». Эта трехчасовая работа, состоящая из документальных съемок и интервью, давала исчерпывающий рассказ о жизни Лени Рифеншталь.

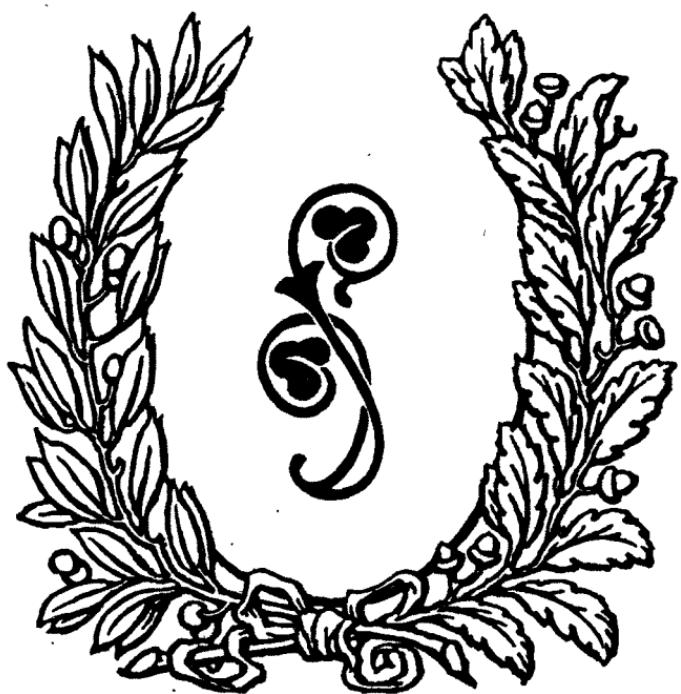
В этой работе Лени рассказывала со всей откровенностью, на которую только была способна, историю своей жизни. Она вновь вспомнила, какое потрясающее впечатление оказал на нее Адольф Гитлер и как он покровительствовал ей, охраняя от интриг и зависти, которыми была переполнена НСДАП. Во «Власти картин» Лени призналась, что наибольшее впечатление на нее произвели картины Сергея Эйзенштейна, что она смотрит сама на себя, как на аполитичную персону. Лени хвасталась, что может снять даже фильм о коммунистической партии, чтобы это доказать.

Сколько бы противоречий не вызывало имя Лени Рифеншталь, тем не менее именно фестиваль в Риме показал, что она способна вызывать всей своей жизнью и творчеством множество самых различных реакций. Ее ругали и хвалили с одинаковым упорством, а она была и остается живым классиком мирового кинематографа.

Известная желтая газета «Коррьере делла сера» писала: *«Роковой гибельной весталке Третьего рейха лучше оставаться дома»*. Газета предлагала ей проехаться по концлагерям, где уничтожались сотни тысяч людей. Ей вторила «Эль эспрессо», которая демонстративно разместила список фильмов Лени в графе «уцененные товары». Тем не менее всей своей почти столетней жизнью Лени Рифеншталь прочно утвердилась как одна из самых выдающихся женщин XX века. Ее фильм о съезде нацистов можно по праву считать лучшим пропагандистским фильмом всех времён и народов. А фильм об Олимпиаде по праву входит в десятку самых лучших фильмов XX столетия.

И Лени не перестает удивлять до сих пор. Трудно представить, но в свои 96 лет она занимается съемками фильма о подводном мире. Причем вместе со своим спутником жизни, с которым не расстается уже несколько десятков лет. И споры о том, была она или нет в действительности любовницей Гитлера, — далеко не самый приметный факт ее биографии. Скорее всего, нет. И хотя предлагаемый аргумент совершенно ненаучен, но задуматься над ним стоит: все любовницы Адольфа Гитлера покончили с собой при различных обстоятельствах. Причем большинство еще до войны. Лени жива до сих пор.

ТЕЛИ РАУБАЛЬ

Ангела (Гели) Мария Раубаль родилась 4 июня 1908 года в Линце. Мать ее, Ангела Раубаль, урожденная Гитлер, была дочерью от второго брака отца Адольфа Гитлера с Франциской Матцельсбергер.

Ангела Гитлер покинула родительский дом почти сразу после смерти отца в 1903 году, чтобы стать женой налогового инспектора Лео Раубаль. Однако уже в 1910 году муж умер, оставив молодую вдову с тремя детьми (Лео, Гели и Эльфрида) на руках и в довольно затруднительном материальном положении. На помощь пришла семья. Это прежде всего незамужняя золовка Мария Раубаль, которая работала учительницей в народной школе в маленьком местечке Пайльштайн, недалеко от Линца. Вначале она взяла к себе Лео, а когда пришло время посещать школу — и Ангелу.

Отправив старших детей к золовке, Ангела Раубаль поехала в Вену искать работу. В октябре 1915 года она нашла работу, и была не менее счастлива, когда смогла найти квартиру. В Вене уже сильно ощущались последствия войны. Стало очень плохо с продуктами и жильем, кругом царила нищета. Через два года Ангела

забрала Гели, чтобы отдать ее в гимназию, что в те времена считалось достаточно престижным.

Гели учеба давалась не очень легко, вначале с ней усиленно занималась тетушка, затем буквально принуждала к занятиям мать. Однако результаты были весьма посредственными. Чтобы избежать проваленных экзаменов приходилось часто менять школы. Уже перед Рождеством 1919 года Гели сменила очередную гимназию, чтобы добровольно учиться повторно в первом классе. Так Гели мучилась до 3-го класса, в котором имела все шансы получить «неудовлетворительно» по латыни, греческому, математике и географии. Мать не стала дожидаться очередного провала и вновь забрала дочь из школы.

К этому времени Мария Раубаль вышла на пенсию, переехала в Линц, забрала девочку к себе, и решила полностью посвятить себя ей. Опять встал вопрос о школе. Честолюбивая мать несмотря ни на что хотела дать дочери хорошее образование, и на семейном совете выбрали академическую гимназию, которая славилась своими высокими требованиями. Несмотря на плохую успеваемость, мать и тетя сумели уговорить дирекцию принять туда девочку. В 4-ом классе этой гимназии опять началась борьба с древнегреческим, который ей перенесли на осень, но благодаря настойчивости тети экзамен в конце концов был благополучно сдан.

В отношении учебы Гели следовала по стопам родного дяди. Тот тоже учился плохо, из-за этого часто менял школы, но так и остался без аттестата. Возможно Гели поступила бы также, но прессинг матери и тети

был столь велик, что в итоге она получила заветный аттестат об окончании гимназии. В период учебы она почти не виделась с матерью, только во время школьных каникул. Ангеле пришлось менять работу и квартиру, денег не хватало и вообще жилось очень трудно, ее даже освободили от оплаты за учебу дочери.

Все вспоминают, что Гели была хорошенкой, очень веселой девушкой, способной на отчаянные поступки. Своей непосредственностью она привлекала всех, с кем сталкивалась. Эту черту характера она сохранила на всю жизнь. И после войны одноклассники вспоминали о ней с большой теплотой.

Как у каждой гимназистки у нее был свой верный рыцарь – Альфред Малета, ставший впоследствии президентом австрийского национального Совета. Он с теплотой вспоминал о своем романтическом увлечении, совместных прогулках и гимназических вечерах, когда они в качестве «первой пары» начинали танцы. Ему даже приходилось выслушивать часовые лекции Гели о ее великом дядюшке. Политика Гелю не интересовала, просто она очень любила дядю, и страшно гордилась им.

Учителем истории в гимназии был Герман Фоппа, политик и староста «Великой немецкой народной партии», который выступал в защиту присоединения Австрии к Германии. Он видел в Гитлере человека будущего и соответственно этому своему восприятию мира воспитывал учеников. По случаю окончания гимназии, планировалась поездка в Мюнхен, и Фоппа попросил Гели устроить ученикам встречу с Гитлером. Гитлер согласился на встречу и после выпускных экзаменов класс

на восемь дней поехал в Мюнхен. В городском дворце семьи Брукман состоялась встреча выпускников с будущим фюрером. Он появился в полном нацистском облакении: коричневая рубашка, брюки и сапоги. Каждого он приветствовал крепким рукопожатием, потом прочитал небольшую лекцию своим гремучим голосом. Слушатели были в восторге.

Осенью 1927 года Гели приезжает в Мюнхен, чтобы изучать медицину. Учеба, однако, мало привлекала юную девушку. Дальше начинаются разногласия. Одни авторы утверждают, что Гели привела в Мюнхен любовь к шоферу Гитлера Эмилю Морису, другие, — что интрижка возникла в ответ на деспотизм дяди.

В 1993 году Мюнхенский дом аукционов продал письмо Гели к Морису, дatedированное 1927 годом.

«Мой дорогой Эмиль! Уже три письма принес по-чтальон от тебя, но еще никогда я так не радовалась, как последнему. Может быть, потому, что в последние дни так много пережила горя. В эти два дня я так много страдала, как никогда прежде. Но это пройдет, и нам будет хорошо. У меня такое чувство, что эти дни свели нас навсегда. Одно нам должно быть ясно. Дядя Адольф требует, чтобы мы подождали два года. Подумай, Эмиль, целых два года, в течение которых мы сможем только и всего, что целоваться, где попало, и всегда быть под присмотром дяди. Ты должен работать, чтобы обеспечить нам двоим существование, и при этом мы должны будем видеться только в присутствии посторонних, и я могу дать только свою любовь и верность... Я так бесконечно люблю тебя...»

...Дядя Адольф требует, чтобы я продолжала учиться... Дядя Адольф теперь страшно мил. Я могла бы ему доставить огромную радость, но не знаю чем... Но дядя говорит, что наша любовь должна быть совершенно тайной... Я думаю, что буду вполне счастлива. Дорогой, дорогой Эмиль, я так счастлива, что я могу у тебя остаться. Дядя обещал мне, что мы будем часто видеться. Он же такой милый. Только представь, если бы я осталась в Вене. Я долго без тебя не смогу. В Вене, мне кажется, было бы так одиноко, хотя там моя мать. Ты же останешься здесь в Мюнхене, и за это я благодарю главным образом фрау Гесс. Она так мила, она единственный человек, который думает, что ты действительно любишь меня, и поэтому я ее полюбила. Надеюсь, что письмо ты получишь сегодня вечером. Много, много поцелуев от твоей Гели. Я уже радуюсь».

Это письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы. Эмиль Морис, кроме того, что был личным шофером, был прежде всего другом Гитлера, за которым следовал, как тень, с начала 20-х годов. Они были даже на «ты», что для Гитлера было редкостью. Партийный билет Мориса имел № 39, и это уже говорит само за себя. Из письма видно, что по крайней мере в этот период ни о какой любви не может быть и речи. Гитлер – только милый дядюшка, и не больше. Другое дело, что самого Гитлера с первого момента тянуло к ней, и ему очень тяжело давалась роль дяди.

Гитлер часто устраивал пикники, на которых всегда присутствовал Морис и почти всегда Генриетта Гофман. Неудивительно, что Морис влюбился в молодую веселую

девушку, а она ответила взаимностью. Другое дело, что Гитлер долго не замечал этой влюбленности, что кажется весьма странным. Он якобы узнал обо всем, когда Морис попросил руки его племянницы. Последовала ужасная сцена, Гитлер осыпал ошеломленного Эмиля упреками и даже угрозами. Именно тогда Гели послала то письмо, которое было продано на аукционе. Гитлер продиктовал свои условия, и, как ни странно, никто не воспротивился. Он специально нанял фрау Гесс, чтобы препятствовать тайным встречам. В конце 1927 года он увольняет Эмиля Мориса с должности шофера и прогоняет со всех партийных постов.

Тут опять свидетельства расходятся. Одни авторы утверждают, что Морис подал в суд по разбору трудовых соглашений и потребовал отступные. Антон Ноймайр утверждает, что разрыв произошел иначе. «*В отчаянии от странных требований и чрезмерной опеки дяди, из-за которых она (Гели) практически не могла завести никаких знакомств, она начала интрижку с шофером Гитлера Эмилем Морисом, которая, однако, была быстро раскрыта бдительным дядей. В ответ на угрозы Гитлера Морис пригрозил, что в случае необходимости свяжется с газетой "Франкфуртер цайтунг" и проинформирует общественность об интимной жизни фюрера, который выставляет себя перед общественностью аскетом и образцом высокой нравственности. После этого Морис получил за молчание 20 тысяч марок, после чего смог стать владельцем магазина и независимым человеком, а Гитлер считал инцидент законченным.*»

Как обстояли дела на самом деле, сейчас, наверное, уже не установить. Но получение денег – факт твердо установленный. Так же трудно установить, какие именно отношения были в тот период между дядей и племянницей. Остается предположить, что и письмо написано, чтобы досадить дяде. Странным кажется тот факт, что Гели, несмотря на такую любовь к Морису, никак не отреагировала на его увольнение. Надо признать, что Гели не придерживалась очень твердых моральных правил и добиться ее благосклонности не составляло большого труда.

Отто Штрассер тоже пытался ухаживать за Гели. Но тут Гитлеру не понадобилось много времени, чтобы устроить скандал. Штрассер подчинился. На следующий день к нему пришла заплаканная Гели и начала рассказывать с достаточными подробностями о странных притязаниях дяди. По ее рассказам, дядя заставлял ее раздеваться, сам ложился на пол, а Гели заставлял приседать над его лицом. Ему нравилось созерцание ее половых органов, но наибольшее наслаждение он испытывал, когда она мочилась ему на лицо. Она жаловалась, что дядя держит ее взаперти, никуда не пускает и она только с тоски уступила домогательствам Эмиля Мориса. Потом она якобы подслушала разговор, когда шофер шантажировал Гитлера и потребовал за молчание денег.

Вот как описывает это сам Штрассер: «Я знал все о патологических пристрастиях Гитлера. Как и все посвященные в его дела, я слышал во всех подробностях рассказ о тех странных вещах, которые, по словам фрейляйн Гофман, Гитлер вынуждал ее делать. Однако я искренне полагал, что дочь фотографа –

немного истеричка, и откровенно смеялся над ее словами. Но Гели, ничего не знавшая об этом любовном приключении своего дяди, слово в слово повторяла историю, в которую почти невозможно поверить».

Странно, что молодая девушка рассказывает такие неприглядные вещи не только человеку, в которого она вроде бы страстно влюблена, но и практически малознакомому Отто Штрассеру.

С начала 1928 года они практически неразлучны, Гитлер берет ее даже на совещания, где обсуждаются партийные проблемы. Они часто посещают ресторан «Остерия Бавария», где любила собираться партийная верхушка. Генрих Гофман рассказывал, что *«если за столом была Гели, все вращалось вокруг нее, и Гитлер никогда не переводил разговор на себя. Гели была волшебницей. В ее естественной манере, которая была свободна от всякого кокетства, только одним своим присутствием создавала она наилучшее настроение всей компании. Все восторгались ею»*. Геббельс тоже находил ее *«милой юной дамой»*. Трудно предположить, что Гели после элементарной брезгливости вдруг полюбила Гитлера. Скорее, ее вполне устроила красивая жизнь, пусть даже с небольшими неудобствами, другое объяснение найти трудно. Генриетта Гофман рассказывала, что Гитлер мог терпеливо ходить с Гели по магазинам. С завидной выдержкой он наблюдал, как она перemerяет все шляпки в магазине, чтобы потом купить берет. Он *«всюду следовал за ней, как ягненок»* и усердно старался прочесть любое желание в ее глазах. Ее желание поплавать в озере Химзее *«было важнее, чем*

самое важное совещание», и, к прискорбию своих «партайгеноссен», он сопровождал ее в походах по магазинам. Уезжая из города, он отряжал двух сопровождающих для охраны, которые тенью следовали за ней повсюду. Когда Генрих Гофман осторожно намекнул, что подобное ограничение личной свободы рано или поздно сделает столь жизнерадостную молодую даму, как Гели, несчастной, тот резко ответил: *«Я никогда не допущу, чтобы она попала в руки какого-нибудь мошенника или авантюриста... Я люблю Гели, я мог бы даже жениться на ней».* Только ее он ревновал, больше никогда ему не пришлось испытать это чувство.

Это был единственный случай в жизни Гитлера, когда он употребил слово «женитьба» применительно к себе. Никогда больше такие мысли ему даже в голову не приходили. Наверное, его нежелание вступать в брак имело несколько причин. Во-первых, возможно, он просто боялся очень сильной привязанности. Пикер приводит его высказывание по этому поводу: *«Он (Гитлер) привел в качестве примера влияние танцовщицы Лолы Монтес на короля Баварии Людвига I, который был очень разумным и покладистым человеком. Она же его совершенно с ума свела».* Гитлер был слишком высокого мнения о себе, чтобы его кто-то свел с ума. Во-вторых, он опасался потерять какую-то часть харизматического излучения в глазах женской части эlectorата и тем самым создать ненужные сложности в политической карьере. Он говорил: *«Многие женщины поддерживают меня, потому я не женат. Это было важно в годы борьбы. Здесь, как у киноактера: когда он женат, он*

теряет в глазах поклонниц. Нечто и перестает быть для них идолом».

В 1929 году характер их отношений, судя по всему, изменился. Она начинает ему позировать обнаженной. Самое интересное, что Гитлер подписывал свои рисунки, что было чрезвычайно опасно для политика. Сообщение Франца Ксавера Шварца, бывшего казначея НСДАП позволяет предположить, какого сорта были «чудовищные поползновения» дядюшки. Шварц говорил, что Гитлер подвергся шантажу со стороны некоего человека, завладевшего порнографическими рисунками, на которых Гитлер изобразил Гели в позах, «которые отвергла бы любая профессиональная натурщица». Деньги Гитлер заплатил, но рисунки не разрешил уничтожить, приказав спрятать их в сейф. Непонятно, что заставило Гели пойти на это. Непохоже, чтобы она так сильно вдруг полюбила дядюшку. Можно почти не сомневаться, что Гели не только подруге пожаловалась: «Мой дядя – чудовище. Невозможно представить себе, чего он от меня добывает».

Высшее партийное руководство шепчется между собой. Рем, как бы между делом, бросает замечание: «Он думает о деревенских девках, когда они, работая в поле, наклоняются так, что можно видеть их задницы. Вот что ему нравится, особенно если они большие и круглые. Вот это половая жизнь Гитлера. Ну и мужик!». Карл Кауфманн с ужасом говорит Геббельсу в доверительной беседе: «Он (Э. Морис) рассказал безумные вещи о шефе. Он, его племянница и Морис. Можно ли в этом сомневаться? Я твердо верю Гитлеру. Я все

понимаю». Последние фразы сказаны явно на всякий случай. В связи с этой фразой возникает предположение, что еще при Морисе у Гели и Гитлера были определенные отношения и Эмиль был в курсе. Но как понимать тогда письмо Гели и ее большую любовь? Сейчас уже вряд ли кто-либо найдет ответ на этот вопрос.

Издание «Майн кампф» принесло Гитлеру очень хороший доход. При финансовой поддержке издателя Хugo Брукмана Гитлер переехал в роскошные апартаменты на Принцрегентенплац, 16. Выделил он комнату и для Гели, причем обставил в соответствии с ее желанием. Она выбрала античную коричневую мебель из Зальцбурга, оклеила комнату зелеными обоями, чтобы лучше оттенялась мебель. На стене висела акварель Гитлера, сделанная еще в Бельгии, во время первой мировой войны. Персонал состоял из супругов Винтер и Анни Кирмайер, взятой для «черной» работы. 22 ноября на обед собирались Геббельс, Гофман, Эльза Мюллер, Гели и Гитлер. *«Мы беседовали и смеялись»*, — записал в своем дневнике Геббельс.

Занятия медициной Гели довольно быстро прекратила и захотела петь. Поскольку ее желание закон, Гитлер нанял двух преподавателей: Адольфа Фегеля и Ганса Штрека. Но даже этим заниматься серьезно Гели не очень хотела. Гитлер жаловался: *«Прически, платья, танцы и театр могли отвлечь ее от самого серьезного занятия»*.

Еще в 1928 году Гитлер при помощи покровителей, супругов Бехштейн, снял дачу «Вахенфельд» на Баварском Оберзальцберге. Управлять хозяйством он

попросил свою сводную сестру Ангелу Раубаль. Жизнь еще была достаточно тяжелая, поэтому предложение удачливого брата пришлось как нельзя кстати. Здесь она оставалась до 1935 года, хотя всегда тосковала по Вене и плохо переносила климат. Квартиру в Вене Ангела, на всякий случай, оставила за собой. Шпеер так описывает дачу Гитлера: «*Маленький уютный домик с далеко выступающей крышей и скромными помещениями: столовой, жилой комнатой и тремя спальнями. Крестьянская мебель придает отпечаток уютной мелкобуржуазности... позолоченная клетка с канарейкой и кактус усиливают это впечатление.*».

Гели проводит на даче почти все уик-энды, праздники, отмечает свой день рождения. Она уже не заводит нежелательных знакомств в Мюнхене, правда, очень часто ездит в Вену, где у нее много подруг. Своеобразные отношения между дядей и племянницей уже ни для кого не секрет. «*Гитлер всегда любил Гели*», — говорят старые товарищи по партии. «*Шеф здесь, со своей красивой племянницей, в которую можно влюбиться*», — с восторгом записывает Геббельс в свой дневник.

1931 год был очень напряженным для партии, чья политическая агитация достигла наивысшей точки. Гитлер бесконечно ездит по стране с выступлениями. 18 сентября, в пятницу, Гитлер с Гофманом и шофером Юлиусом Шреком был на севере Германии. Они должны были ехать в Нюрнберг и переночевали в «Немецком дворе». 19 сентября Гитлер и его спутники покинули город, но вскоре их догнал на такси взволнованный служащий отеля. Он сообщил, что Гитлер должен

срочно позвонить в Мюнхен, это очень важно. Из телефонного разговора Гитлер узнал, что с Гели случилось несчастье. Он приказал развернуть машину и гнать туда. Один из полицейских постов оштрафовал их за превышение скорости. На свою квартиру он приехал после обеда, когда Гели была уже мертва. Было проведено тщательное расследование. Медицинская экспертиза установила, что смерть наступила 18 сентября около 15 часов от выстрела в грудь из пистолета, который принадлежал Гитлеру.

На следующий день в полицейском участке Гитлер давал показания. Он рассказал, что Гели хотела поехать в Вену, чтобы продолжить занятия пением. С ней должна была поехать ее мать. Да, он был против поездки. Гели вначале была раздражена, но потом успокоилась, они вполне мирно попрощались, и во второй половине дня в пятницу он спокойно уехал.

Поскольку налицо был факт самоубийства, вскрытие не делали, а уже 21 сентября полиция разрешила похороны. Гели было всего 23 года.

Враждебно настроенные по отношению к национал-социалистам газеты писали о «загадочном скандале» и пытались обвинить в случившемся Гитлера. Последний выступил с резким опровержением. Опять допрашивали служащих в доме, проводили дознания, но ничего нового обнаружено не было. Гитлер даже предъявил квитанцию, на которой стояло число, когда был выписан штраф.

Хотя полиция исключила чужую вину, стали распространяться всевозможные сплетни. Одни утверждали, что Гели была беременна, только непонятно, от

кого, то ли от учителя музыки, то ли от Гитлера, а возможно и от какого-то художника из Линца. Другие утверждали, что ее убил Гитлер в припадке ревности. Некоторые говорили, что она чем-то мешала Гиммлеру, и тот приказал ее убить. Она скорее не то чтобы мешала, но он полагал, что эта связь бросает тень на фюрера, и, кроме того, ему не могло нравиться, что Гели слишком со многими делилась интимными подробностями. Слухи и домыслы появляются тогда, когда никто не знает причины. В данном случае причина самоубийства так и не выяснена до сих пор. По свидетельствам современников, якобы существовали какие-то материалы, что-то доказывающие, но были уничтожены. Что это за документы и что они доказывали, установить уже невозможно.

Отто Штрассер придерживается мнения, что Гитлер причастен к убийству Гели. В 1936 году он встретился со своим братом Паулем, Грегора к тому времени уже не было в живых. Естественно, что разговор вертелся вокруг брата и Гитлера, виновника смерти Грегора. *«И подумать только, что Грегор однажды удержал Гитлера от самоубийства»*, — проворчал как-то Пауль. Отто удивился, а Пауль продолжал: *«Я поклялся сохранить это в секрете. Грегор провел трое суток с Адольфом, который вел себя как сумасшедший. Грегор сказал мне, что он застрелил ее во время ссоры, вероятно, не сознавая, что творит. Вскоре после убийства Гели он хотел покончить с собой, но Грегор помешал ему... Прокурор хотел обвинить Гитлера в убийстве, но министр юстиции Баварии,*

Гюртнер, приказал закрыть дело и объявил, что произошло самоубийство». На вопрос, знал ли кто-нибудь об этом, Пауль ответил: «Да, был еще кое-кто, но он был убит в тот же день, что и Грегор. Ты помнишь Герлиха, редактора газеты «Правильный путь»? Одновременно с полицией он провел частное расследование и собрал против Гитлера веские улики. Фосс, адвокат Грегора, бесспорно, тоже знал об этом все. У него в доме находились все секретные документы нашего брата, но он был убит так же, как и Герлих».

В ноябре 1939 года Отто Штрассер был в Париже. Однажды раздался телефонный звонок и состоялся следующий разговор:

— Вы знаете отца Панта? — спросили его.

— Нет, лично нет, но я знаю, что он жил в Мюнхене и что он был братом прелата и сенатора Панта, бывшего руководителя антинацистской настроенных немцев в Польше.

— Отец Пант сейчас в ссылке, но он просил меня отправить вам следующее послание, которое я передаю дословно: «Это был я, кто похоронил Ангела Раубаль. Они сделали вид, что она совершила самоубийство; я никогда бы не позволил захоронить самоубийцу в освященной земле. Из того факта, что я похоронил ее по христианскому обычанию, вы можете сделать выводы, которые я не могу вам сообщить».

Насколько можно верить Штрассеру, трудно сказать, у него большой личный счет с Гитлеру. Но поспешное прекращение дела Гюртнером действительно вызвало тогда ропот общественности. Кроме того, в те

времена, захоронить самоубийцу на освященной земле было невероятно трудно и должно было стоить очень больших денег. Ни один источник информации не содержит и намека на трудности, возникшие из-за этого.

Реакцию Гитлера на смерть Гели тоже все описывают по-разному. Комиссар полиции Сауэр записал: «*Он делал вид, что ее смерть потрясла его, как будто она была единственной родственницей, которую он имел, а теперь у него никого не осталось*». Потом добавляет, что Гитлер очень быстро перестал проявлять сострадание, а думал только о том, как это может отразиться на его карьере. Мазер и Ноймайр единодушно говорят о том, что Гитлер крайне тяжело перенес смерть Гели и долгое время находился в глубокой депрессии. Ноймайр пишет, что «*в приступе депрессивного отчаяния (Гитлер) якобы попытался лишить себя жизни, чему в последний момент помешал Рудольф Гесс. Терзающий горькими упреками совести за то, что ревнивыми собственническими притязаниями на ее молодую жизнь привел ее к этому акту отчаяния, он был психически не в состоянии принять участие в ее погребении в Вене. Лишь несколько дней спустя он инкогнито посетил ее могилу*». Намерение Гитлера покончить с собой озадачило и сбило с толку большинство его непосредственного окружения, хотя они считали, что хорошо знают Гитлера. Лишь Г. Гейм был убежден, что это показало истинный характер фюрера.

По желанию матери Гели, Ангелы Раубаль, тело Гели было перевезено в Вену. Погребение состоялось

23 сентября 1931 года во второй половине дня на центральном кладбище Вены. По непонятной причине Гитлер, который не испытывал нужды в деньгах, помог матери, и Гели похоронили в склепе для бедных, в котором производились временные захоронения, пока не будет подготовлено постоянное место. Накануне Рождество 1931 года Гитлер написал Лео, брату Гели: «Дорогой Лео! Мои сердечные поздравления тебе и твоей Марии с этим печальным Рождеством... Твой брат А. Г.» В первую годовщину смерти Гели Гитлер посетил ее могилу. «Фюрер поехал в Вену с частным визитом. Никто не знает об этом, чтобы не было скопления людей», — написал в своем дневнике Гебельс, который тоже направлялся в Вену. Следующая запись в дневнике уже сделана в Вене: «Frau Raubal... по-хорошему посетила меня в отеле и вы плакалаась. Бедная, добрая Гели... Прошел как раз год... Гитлер в Вене...»

В день похорон он уехал в Гамбург и 24 сентября смог произнести зажигательную речь перед стоящей перед ним толпой сторонников. Так что разговор о глубочайшей депрессии весьма проблематичен. Бессспорно, что Гитлер очень страдал после смерти Гели, но с большей долей уверенности можно сказать, что элемент игр тоже присутствовал.

В дальнейшем началась откровенная спекуляция. Был изготовлен бюст Гели, который установили в новой рейхсканцелярии. Художнику А. Циглеру, которого very highly ценил Гитлер, заказали портрет Гели. Он потом был установлен в «Бергхофе» и всегда украшен цветами.

Всему миру рассказывалось о великой скорби фюрера по своей племяннице, но тем не менее никому не пришло в голову похоронить Гели с почестями или хотя бы купить хорошее место. Она так и осталась лежать в склепе для бедных церковной общины. Если вначале какие-то деньги пересыпались для ухода за могилой, то начиная с 1938 года и это прекратилось.

Дискуссии о самоубийстве племянницы в Третьем рейхе оценивались как нежелательные. Администрация венского кладбища тоже странно не возражала, что фрейлиайн Гели совершенно противозаконно покоятся во временном захоронении. Сам Гитлер всем давал понять, что Гели была единственной женщиной, которую он любил, и теперь он себя чувствует женатым только на Германии. Эта мысль настолько прочно укоренилась в головах людей, что и сейчас многие авторы утверждают, что «Гитлер был верен только одной женщине – Гели Раубаль». Но о какой верности может идти речь, если уже с 1929 года он начал встречаться с Евой, да и не только с ней. Можно было бы сказать, что с Гели у него духовная связь, а Ева ему нужна только для постели. Однако установлено совершенно точно, что близость между ними началась только после смерти любимой племянницы, и то далеко не сразу.

Многие авторы утверждают, что именно после смерти Гели Гитлер стал вегетарианцем. Не совсем понятна, правда, взаимосвязь между этими вещами. Создается впечатление, будто он так сильно любил мясо, что отказ от него является самым большим наказанием. Эти утверждения кажутся преувеличенными. Сам Гитлер как-

то назвал совершенно банальную причину, почему он не ест мясо. Уже в 1924 году он почти не употреблял мясо.

«Если я ел мясо, то выпивал по 4 кружки пива, после чего ужасно потел и терял в весе до 9 фунтов. Когда я стал вегетарианцем, мне нужен был всего только глоток воды».

Лео Раубаль открыто обвинял Гитлера в смерти сестры. Позиция матери непонятна. Она все так же продолжала работать у Гитлера, их отношения не изменились. Неизвестно также, знала ли она об их отношениях. С одной стороны, странно было бы предполагать, что знали все, кроме нее, особенно учитывая, что Гели часто приезжала к ней. Если она ничего не знала, то можно предположить, что с дочерью у нее были весьма прохладные отношения. Гели делилась с подругами, Штрассером, но почему-то не с матерью. С другой стороны, как могла не реагировать на это мать? Ангела Раубаль поддерживала теплые отношения с Гофманом, даже была на свадьбе, когда он женился второй раз, часто приходила в дом Геббельса. В его дневнике часто мелькают записи: «*обедали у Гитлера и фрау Раубаль*». Кажется странным, чтобы никто ни до, ни после самоубийства не обмолвился о связи ее дочери с Гитлером.

Примерно в 1935 году отношения прервались, Ангела будто бы придирилась к Еве. «*Она рассказала все о своем горе... Было бы хорошо, если бы фюрер ее опять принял...*» — пишет в дневнике летописец Геббельс в ноябре 1935 года. Вскоре после этого Ангела вышла замуж и примирение состоялось. Из всех родственников Гитлер только с ней поддерживал теплые отношения.

В ноябре 1933 года Гитлер, во время празднования 10-летнего юбилея мюнхенского путча, встретил «старого борца и бывшего товарища» Эмиля Мориса, который был членом горсовета Мюнхена. Гели уже не было, о ней никто даже не вспомнил, и оба господина возобновили старую дружбу. Морис был с невестой, которую представил Гитлеру. 20 апреля пара пришла поздравить фюрера с днем рождения. Гитлер радушен, мил, полон «австрийского шарма». Узнав, что молодые определились с днем свадьбы, тут же заявил: «Свадьбу делаю я». Он действительно устроил прекрасный праздник в роскошном ресторане «Четыре времена года» и «весь Мюнхен слал подарки».

Как веский довод преданности Гитлера все приводят тот факт, что комната Гели осталась без изменений, стала будто бы священным местом культа и якобы ею никто никогда не пользовался. Она действительно осталась без изменений. Когда в мае 1945 года американские солдаты вошли в бывший дом Гитлера, перед ними предстала комната в том же виде, что и в день смерти Гели. Но это еще ни о чем не говорит. После свадебного обеда по случаю бракосочетания Генриетты Гофман последняя пользовалась комнатой Гели.

Гитлер продолжал поддерживать отношения с Лео, хотя тот и считал его виновным в смерти сестры. Когда началась война, он пошел на фронт и стал сапером. Под Сталинградом Лео Раубаль попал в плен. Гитлер обратился в советское правительство с просьбой обменять Якова Сталина, который был в немецком плену, на Лео. Сталин обещал подумать, но потом отклонил предложение, сказав: «Война есть война».

Гели Раубаль

Это не очень характерный жест для Гитлера, который старался держаться от родственников подальше, чтобы никто не обратился с какой-либо просьбой. Когда в 1938 году умерла его тетя Терезия Шмидт, участие Гитлера ограничилось тем, что он через Ангелу передал конверт с деньгами. Это имело трагическое продолжение. В 1945 году арестовали безобидного дальнего родственника Шмидтов, жившего в советской оккупационной зоне, расценив пособие на погребение, как близкие отношения с Гитлером.

Если исследования постепенно рассеяли мрак вокруг личности Евы Браун (хотя, как выразился историк Превор-Ропер, «Ева – разочарование истории»), то к Гели это не относится. В ее истории осталось очень много белых пятен. Житель Вены Ганс Хорват, видимо, довольно долго занимался историей Гели, поскольку в 1985 году приобрел за свои деньги место для новой могилы с каменным крестом и мемориальной плитой, заказал экспертизу и обратился к властям с просьбой экскремировать останки Гели Раубаль, *«потому что общественность должна иметь право знать события истории без всяких пробелов»*. Но замысел не суждено было осуществить, так как власти ответили: *«Эта общая могила, как и все подобные, сохранялась только в течение десяти лет. Ее уже давно сровняли с землей, а территорию перепланировали. Установить точное место захоронения не представляется возможным»*. Что именно рассчитывал установить Хорват, неизвестно.

EVA BRAUN

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года, а Ева Браун — 7 февраля 1912 года. Между ними 23 года разницы в возрасте и, конечно, странно было бы предположить, что до нее у него не было женщин, но она единственная, хотя бы на 40 часов, удостоилась «чести» стать фрау Гитлер. В апреле 1945 года она каким-то чудом смогла пробраться в разрушенный Берлин, добралась до рейхсканцелярии, чтобы разделить судьбу человека, которого любила всю жизнь. Ева достаточно точно представляла, что ее ожидает, но ее ничто не пугало. Как бы мы не относились к самой Еве, ее преданность вызывает уважение.

Ева Браун родилась в Мюнхене. Отец ее, Фридрих Браун, был учителем, а мать, Франциска, — портнихой. У супругов уже была четырехлетняя дочь Ильзе, они мечтали о мальчике, но надежды не оправдались ни сейчас, ни через три года, когда родилась Маргарет (Гретль). Девочек крестили и воспитывали как католичек. В тяжелые послевоенные годы Брауны жили довольно зажиточно. Они имели комфортабельную квартиру, служанку и даже, по тем временам, роскошь — автомобиль. По своим взглядам родители Евы были

типичными представителями мелкой буржуазии. Эта среда была близка и понятна Гитлеру.

Школьное образование сестер Браун было рассчитано на дальнейшую профессиональную деятельность. Ева закончила монастырскую школу, лицей в Мюнхене, причем с достаточно хорошими отметками, хотя учителя считали ее ленивой. Подруги любили ее за веселый нрав и готовность к любым проделкам. Уроки музыки и рисования, на которых настаивал отец, ей быстро надоели, а вот спорт занимал большое место в ее жизни. Это она унаследовала от матери, которая в 1905 года получила мастера спорта по лыжам. Читать Ева больше всего любила сентиментальные романы о женщинах, которые всем жертвуют ради любимого мужчины, и киножурналы. Впоследствии, вместе с Гитлером, увлекалась чтением романов К. Мая¹. Как многие девушки того времени, она увлекалась кинозвездами, собирала в альбом их фотографии и мечтала о карьеребалерины или киноактрисы. Однако после окончания лицея родители отправили ее в «Институт английских фройляйн» в Симбаке, на баварско-австрийской границе. Там Ева изучала французский язык, машинопись, бухгалтерский учет, а также ведение домашнего хозяйства. В июле 1929 года она возвращается домой и начинает поиски работы в Мюнхене. Совершенно случай-

¹ В послереволюционные годы формируется так называемая «тривиальная» литература — массовое чтиво, рассчитанное на обывателя. Одним из столпов этой литературы был К. Май (1867–1912), сочинявший развлекательные, приключенческие романы о «подвигах» немецких колонизаторов в экзотических странах. По свидетельству Г. Пикера, Гитлер знал все 60 томов писателя.

но ее отец узнает, что Генрих Гофман, владелец фотоателье на мюнхенской Шеллингстрассе, 50, набирает сотрудников, и посыпает туда дочь.

Генрих Гофман был боевым товарищем, личным фотографом и другом Адольфа Гитлера, и как раз получил большой заказ от НСДАП. Ева Браун была принята в ателье ученицей фотографа, продавцом, курьером и проработала в нем много лет. В октябре 1929 года Ева впервые встречает Гитлера. Вот отрывок из ее письма сестре: «*После праздничного вечера я осталась на работе, чтобы немного привести в порядок некоторые бумаги. Я только поднялась на стремянку, чтобы достать бумаги с верхней полки, как входит шеф и с ним господин в возрасте со смешной бородкой, в светлом английском пальто и с большой фетровой шляпой в руке. Они сели в другом углу комнаты. Я скосила глаза в их сторону, чтобы не поворачиваться, и заметила, что мужчина смотрит на мои ноги. За день до этого я укоротила юбку и не была уверена, что сделала это хорошо, поэтому смущалась. Я спустилась вниз и господин Гофман меня представил: "Господин Вольф – наша маленькая фройляйн Браун, которая и принесет нам из ресторана на углу пива и ливерного паштета".*».

Ева все принесла, а господин Вольф стал ей рассказывать о последней премьере в театре и нашептывать комплименты. Этого оказалось достаточно, чтобы Ева была покорена. Правда, в разговоре с сестрой она явно кокетничает, поскольку не могла не узнать в Вольфе Гитлера. Фотомагазин специализировался на выпуске и продаже именно партийной продукции:

конверты с портретом Гитлера, всевозможные открытки с ним и его сподвижниками, плакаты и даже документальные фильмы. Так что она должна была знать, с кем разговаривает.

Хотя Гитлер любит Гели, он все чаще приходит к Гофману и явно ищет встречи с Евой. Встречаясь, они ходят в кино, иногда обедают в ресторане «Остерия Бавария», выезжают на пикники. Пока встречи носят вполне невинный характер. Гитлер мил, галантен, ничего не требует. Вечера и ночи, по-прежнему, принадлежат любимой Гели. Ева, выросшая на мелодрамах, мечтает о дальнейшей жизни с ним, строит воздушные замки, в которых она принцесса, а прекрасный принц - Гитлер, у ее ног. И, конечно, она должна все, вплоть до жизни, принести на алтарь этой неземной любви. На Рождество 1929 года Гитлер подарил Еве свою фотографию, которую она тут же наклеила в альбом. Ева счастлива, она любит, и он обязательно полюбит ее.

На Шеллингштрассе, 41, располагалась редакция и типография партийного издания «Народный наблюдатель», ответственным редактором которого был Гитлер. Рядом находилась резиденция партийного руководства НСДАП. Ресторан «Остерия Бавария» был ближайшим к ним, поэтому в нем часто собирались руководители партии. Ева быстро познакомилась со всеми ближайшими соратниками Гитлера, их взгляды ее ничуть не смущали. Гофман, как ближайший друг Гитлера, очень быстро становится доверенным лицом Евы. Ему же очень нравится выбор будущего фюрера, он считает Еву глупенькой, хорошенкой куклой. У него есть дочь Ген-

риетта, ровесница Евы, хорошенская, пышногрудая блондинка. Генрих Гофман всячески старался обратить внимание друга на дочь. Генриетта и сама пытается отодвинуть Еву в сторону и выдвинуться на первый план. Гитлер с удовольствием ходит с ней в театр, музеи, на прогулки, но обращается с ней только как с дочерью друга. В будущем Генриетта стала женой руководителя фашистской молодежи рейха Бальдура фон Шираха.

Хотя Ева уже взрослый, работающий человек, она продолжает жить в родительском доме. У отца свои взгляды на воспитание дочерей: он контролирует все телефонные звонки, читает адресованные им письма, следит за знакомствами, а в 10 часов вечера выключает свет. Только сестрам Ева рассказывает о своей любви. Волнующие встречи с Гитлером от отца скрывают, а поздние возвращения домой объясняются сверхурочной работой.

Любовь к Гели не мешает Гитлеру все чаще встречаться с Евой. Мартину Борману даже дается указание проверить всех родственников девушки на наличие еврейских предков. Существуют достоверные данные, что в молодости, в Вене, Гитлера мало волновал этот вопрос. Еврейская кровь Стефани не мешала ему восхищаться ею. Другое дело вождь радикально настроенной антисемитской партии, на котором могло отрицательно сказаться знакомство с «неарийкой».

Авторитет Гитлера все время возрастает, партия набирает силу, одновременно растет гордость Евы. Она счастлива, она буквально купается в лучах славы своего знаменитого возлюбленного. Наконец и

родители замечают, что дочь сильно изменилась. Раньше ее никогда не интересовала политика, а теперь дома бесконечные горячие политические дебаты. Однако антисемитизм чужд семье, особенно отцу и Ильзе. Оба скептически относятся и к национал-социалистическим идеям. Ильза уже много времени работает у врача-еврея, доктора Мартина Маркса. Надо отдать ей должное: несмотря на массированную клеветническую кампанию против евреев, дружеские и служебные отношения их прекратились только с отъездом в 1938 году Маркса в Америку. Бесконечные нападки на евреев, коммунистов и любых политических противников, запрет на посещение еврейских магазинов, даже погромы – все это Ева считает просто грубыми промахами партии, о которых ее прекрасный возлюбленный не знает. Он ведь такой мягкий и галантный, он не может быть жестоким.

Прошел почти год с момента их знакомства, а отношения все еще находятся в платонической стадии. Не потому, что Ева против, просто партнер ничего не предлагает. Она уже знает о Гели. Девушки не знакомы, но знают обо всем, страдают от этого, и каждая реагирует по-своему. Еве, пожалуй, помогают женские романы, в которых героиня преодолевает все трудности на пути к счастью. Она рассказывает подругам о своей любви и уверяет, что Гитлер ее, конечно, тоже любит и она заставит его жениться. Ева свято верит гадалке, которая сказала, что о ее любви будет говорить весь мир. Наблюдающий это Гофман только усмехается, он хорошо знает друга.

В сентябре 1931 года Гели покончила с собой, Гитлер в отчаянии. Ева Браун знает, как воспользоваться выпавшим ей шансом, как поднять дух впавшего в тяжёлую депрессию, подавленного Гитлера, как преданной любовью привлечь его полностью к себе. Теперь он появляется с ней и вечером, приглашает ее в свою квартиру. В начале 1932 года она сообщает сестрам и даже экономке Гитлера, что наконец стала его любовницей. Получив фотографию Чемберлена, сделанную во время завтрака у Гитлера, она, хихикая, сказала сестрам: «Если бы он знал, какую историю имеет эта софа».

Однако Гитлер отнюдь не собирается жениться, он сразу оговорил правила игры: полная конспирация, никаких претензий. Он вообще считал, что *«гораздо разумнее иметь возлюбленную. Никаких тягот, и все воспринимается как подарок. Разумеется, это относится только к великим людям»*. И далее продолжал: *«Нет ничего прекраснее, чем воспитывать юное существо: девушка в 18–20 лет податлива, как воск. Мужчина должен уметь наложить на любую девушку отпечаток своей личности. Женщина только этого хочет»*. Гитлер не ищет в Еве партнершу или интересную собеседницу. Не стесняясь, говорит при ней: *«Очень интеллигентные люди должны выбирать себе примитивную и глупую женщину. Представьте, если бы я имел теперь еще женщину, которая бы указывала мне в моей работе! В свободное время я хочу отдыхать... жениться я не могу никогда!»*

Весь 1932 год Ева продолжает жить у родителей, каждый день ходит на работу к Гофману, чтобы заработать

на жизнь. Гитлер не относится к числу щедрых любовников: иногда колечко или конвертик с деньгами на мелочи и собственный телефон (официально – в интересах фирмы). Чтобы поговорить спокойно по телефону, приходилось прятаться под одеяло в спальне. Однако звонил Гитлер редко, для него это был очень напряженный год. Он участвовал в бурной и изнурительной избирательной кампании на пост рейхспрезидента. К 13 марта он был почти без сил. На выборах победил Гинденбург, но и Гитлер остался доволен результатом. Во втором туре, состоявшемся 10 апреля 1932 года, он получил сенсационную прибавку в два миллиона голосов. Ему приходится совершать бесконечные поездки по стране. В период между 15–30 июля 1932 года он выступил в 50 городах страны. И тем не менее на последних выборах 6 ноября НСДАП потеряла два миллиона голосов и сохранила только 31,1% мандатов.

Ева устала от вечного ожидания, ей кажется, что у возлюбленного другая женщина. Лучше умереть, чем расстаться с ним. Она написала прощальное письмо и попыталась покончить жизнь самоубийством, выстрелив себе в шею из отцовского пистолета. Пуля прошла почти рядом с сонной артерией. Однако, несмотря на очень сильное кровотечение, Ева крайне обдуманно вызывает врача, доктора Плата, который является сыном Г. Гофмана. Она точно знает, что тот сразу сообщит Гитлеру. Врач отвез Еву в больницу, где и извлекли пулю.

Она все правильно рассчитала, Гитлер примчался сразу, как только узнал о происшествии. Правда, он постарался выяснить, насколько серьезна была попыт-

ка самоубийства. Врачи постарались уверить его, что спасли Еву в последние минуты. Случай с Евой и поражение на выборах очень отразились на его самочувствии, опять появились мысли о суициде. В письме к Винифред Вагнер он дает понять, что утратил все надежды и, как только убедится, что все потеряно, пуля прервет его жизнь.

Озабоченным родителям Ева объяснила дело как несчастный случай при неосторожном обращении с оружием. Однако Гитлеру явно понравилась такая преданность и даже если он раньше хотел расстаться, то теперь об этом и мыслей нет. Причины для ревности у Евы были. Йозефу и Магде Геббельс, видимо, не очень нравилась Ева, поскольку они усиленно искали для фюрера привлекательных дам. Они познакомили его с дочерью знаменитого тогда оперного певца, 30-летней белокурой Гретл Слезак. Насколько далеко зашли их отношения, неизвестно, но достоверно, что они довольно часто, тщательно отгораживаемые от других Геббельсами, были вместе. В то время будущего фюрера не смущала даже бабушка-еврейка у Гретл. Именно им обязан Гитлер знакомству с Лени Рифеншталь и Мади Раль, которую называли «фавориткой» фюрера. В отличие от многих женщин Мади Раль загадочно молчит после смерти фюрера.

Вечером 1 января Гитлер приглашает Еву в Мюнхенский национальный театр на премьеру оперы Вагнера «Мейстерзингеры». Кроме Евы приглашены также Гофман с Софи Шпорк, с которой фотограф обручился после смерти первой жены, Рудольф Гесс с женой, а

также адъютанты Шауб и Брюкнер. После спектакля все отправились в гости к Эрнсту Ганфштенглю («Путци»). Ева впервые была допущена в его роскошную квартиру, возможно, это признание ее официального статуса. Поскольку у фюрера было прекрасное настроение, то вечер прошел очень мило. В своих мемуарах Ганфштенгль писал о Еве: «Я видел тогда ее не в первый раз. Она была милой белокурой девочкой с голубыми глазами, хорошего роста и с почти робким шармом. Я заметил ее еще несколько месяцев назад в фотомагазине Гофмана». Интересно, что, вспоминая Еву, все отмечают неплохую фигуру, обязательно голубые глаза и ничего более. Создается впечатление, что глаза были ее основным достоинством.

4 января 1933 года в доме кельнского банкира Шредера проводится совещание с целью свержения рейхсканцлера фон Шлейхера. Присутствуют на нем Гитлер, Гесс, Гиммлер и Папен. 28 января произошла отставка правительства, а 30 января 1933 года Гитлер был назначен рейхсканцлером. Поскольку приход к власти произошел законно и без кровавых революционных событий, у бургевров сложилось впечатление, что «революционная» стихия в НСДАП начнет теперь отступать на задний план и сам Гитлер превратится в мудрого и добродушного государственного деятеля. Однако пожар рейхстага 27 февраля вызвал у Гитлера панический страх, что революция может лишить его положения, которого он с таким трудом добился. Гинденбург вводит чрезвычайное положение, а 24 марта Гитлер срочно проводит закон о полномочиях и приступает к лик-

видации демократического правого государства и установлению собственной власти в рейхе. Еву Браун все это мало волнует. Правда, Гитлер теперь гораздо больше времени проводит в Берлине, где обитает эта ненавистная интеллектуалка Магда Геббельс. Вот это повод для волнения, а все остальное так — мелочи жизни, не стоящие внимания. Даже «дело» Рема ее мало трогает. Эрнст Рем был для Гитлера опасным соперником, и поэтому с помощью Гейдриха, Геббельса и Геринга он организовал ряд интриг, позволивших обвинить Рема в заговоре против фюрера и отдать приказ убить Рема и многочисленных собственных товарищей. Позднее он гордо говорил: *«Я отдал приказ расстрелять главных виновников этого предательства, и я также отдал приказ выжечь до конца язвы, отправляющие наш внутренний источник».*

В ожидании нечастых встреч проходит весь год. Наступает следующий, 1934 год. Этот год она впоследствии вспоминает как хороший. Гитлер чаще о ней вспоминает, делает мелкие подарки. Остальные события, как и прежде, проходят мимо ее сознания. Она все так же работает в фотомагазине продавщицей. Ева старается не одолевать Гитлера просьбами, все, что ей хочется, это маленького щенка.

В 1935 году фирма Гофмана стала концерном. Кроме того, владелец приобрел роскошную виллу, украсив ее таким количеством произведений искусства, что Геббельс назвал ее «маленьким музеем». Еву это немного задевает, она иногда жалуется: *«Я экономлю, собираю. Я уже действую всем на нервы, потому что хочу продать*

все. Начала с костюма, фотоаппарата и дошла до театрального билета. У Гофманов тоже положение незавидное, с одной стороны, Ева любовница их покровителя, которому они всем обязаны, с другой – служащая. То они делают ей мелкие подношения, так, на всякий случай, то смотрят на нее с моральным превосходством, подчеркивая пикантность ситуации.

Ева жалуется, что Софи Гофман, новая жена шефа, с явным удовольствием сообщила: «*У него теперь есть замена мне. Ее зовут Валькирия, она и выглядит так, включая ноги.* Очевидно, речь идет о Валькирии Митрорд, дочери лорда Ридсдейла, которая спустя четыре года пыталась покончить собой в Мюнхене из-за несчастной любви к Гитлеру. Совершенно не интересуясь деятельностью возлюбленного, Ева считает, что его частые отлучки связаны только с женщинами, дальше этого ее фантазия не простирается. Луис Тренкер, который часто видел Еву в то время, пишет о ней: «*Рано ставшая печальной, красивой женщиной, которая все время жаловалась, что Гитлер пренебрегает ею.*» Она начала вести дневник. Вскоре после дня рождения (11 февраля 1935 года) в нем появляется запись: «*Сегодня он был здесь. Но никакой собачки, никакого гардероба. Он даже не спросил, есть ли у меня какое-нибудь желание ко дню рождения. Сейчас я сама купила себе украшение: серьги и кольцо за 50 марок. Надеюсь, ему понравится. Если нет, то он может сам для меня разыскать что-нибудь.*» Впоследствии Гитлер, устав от постоянного давления, подарил ей шотландского терьера, хотя Ева мечтала о таксе. Гитлер раз-

бирался в собаках и, зная независимый характер и не- послушность такс, терпеть их не мог.

В феврале появляется запись: «*Но самое прекрасное – это то, что он лелеет мысль забрать меня из магазина и подарить мне домик... Мне больше не нужно было бы открывать «почетным» клиентам дверь и быть за продавца. Милый Боже! Сделай так, чтобы это в обозримом времени осуществилось... Я так бесконечно счастлива, что он меня так любит, и молюсь, чтобы это осталось навсегда. Я никогда не хочу быть виновной в том, что он когда-нибудь разлюбит меня.*»

Однако время шло, а она все так же работала в магазине. Видеть Гитлера ей удается только урывками. 11.03.35 г. «*Три часа я прождала перед «Карлтоном» и должна была увидеть, как он покупал цветы Ондре¹ и пригласил ее на ужин. Я нужна ему только для определенных целей, другое невозможно. Когда он говорит, что любит меня, то он подразумевает только это мгновение. Так же, как и его обещания, которые он никогда не выполняет.*» Пожалуй, тут Ева не совсем права, он в самом деле искренно привязан к ней, просто он не умеет любить никого и ничего, кроме власти. Хорошенькая женщина приложение к жизни, она нужна для отдыха, но не более, гораздо важнее партия и дела.

Записи в дневнике становятся все отчаяннее. 10 мая. «*Я жду еще только до 3 июля, это как раз будет четверть года со дня нашей последней встречи, и попрошу*

¹ Ондри (Анни Ондра), жена бывшего чемпиона мира по боксу в тяжелом весе Макса Шмелинга.

объясниться. Теперь пусть попробует кто-нибудь сказать мне, что я нескромна.

Погода такая чудесная, а я, любовница самого великого человека Германии и на земле, сижу и могу только смотреть на солнце через окно¹.

28 мая. «Только что отослала ему решающее для меня письмо. Посчитает ли он его важным? Ну, посмотрим. Сейчас 10 часов вечера, пока никакого ответа. Сейчас приму свои 25 таблеток и спокойно усну.

Я боюсь, что за этим скрывается что-то другое. Я не виновата, Определенно нет. Может быть, другая женщина, конечно, не девушка Валькирия. Этого не может быть, но есть же так много других. Какие еще могут быть причины? Я не вижу ни одной...

Боже мой, я боюсь, что он сегодня не даст ответа. Если бы хоть один человек мне помог, все это не было бы таким ужасным и безнадежным.

Может быть, мое письмо дошло до него в неподходящий час. Может быть, мне не надо было писать.

Как бы то ни было, неизвестность переносить ужаснее, чем внезапный конец.

Я решила принять 35 штук, в этот раз должно быть действительно смертельно. Если бы он хотя бы попросил позвонить».

На этом дневник Евы Браун заканчивается. Ильза Браун, которая заплах поздно вечером, чтобы вернуть сестре взятую напрокат одежду для танцев, увидела ее

¹ Л. Тренкер сообщает, что он часто видел, как Ева Браун сидит за столом, на который она поставила фотографию Гитлера, «чтобы иметь возможность хотя бы всегда видеть его».

без сознания, вырвала записи из открытого дневника и позвонила врачу, который и спас Еве жизнь. Позже Ильзе возвратила дневник Еве, которая сохраняла его на Оберзальцберг. Ее просьбу уничтожить его, изложенную в письме незадолго до самоубийства в Берлине, сестры не выполнили. Они его прятали, но из-за болтливости одного из посвященных в тайну, записи обнаружили американцы, конфисковали и отправили в Америку.

А Гитлер в это время находится в постоянных разъездах. 19 мая он открывал во Франкфурте-на-Майне автостраду, вечером поехал в Веймар, остановился там на ночь и 20 мая поехал в Берлин. 25 и 26 мая состоялся «День морского судоходства Германии» в Гамбурге. Затем последовали «День Мекленбурга» и «Съезд руководителей рейха» в Мюнхене. Как истинная женщина, Ева искренне полагает, что Германия может и подождать, когда Она страдает.

После второй попытки самоубийства родители осудили Еву оскорбительными упреками и сделали невозможным дальнейшее пребывание в их доме. Отца волновала не столько политика фюрера, сколько невозможность официально оформить их отношения. Он называл дочь куртизанкой и практически вынудил ее уйти на квартиру. Вместе с Евой ушла из дома и ее младшая сестра Гретль. Они сняли удобную, с центральным отоплением 3 комнатную квартиру на Видермейерштрассе, недалеко от квартиры Гитлера. Белье и посуду дала мать, оплачивать квартиру и служанку должен был Гитлер, передавая деньги через Гофмана.

Мать сразу приняла сторону дочери, а для отца уход дочерей из дома стал позором, который трудно перенести. Он не находил себе места и решился через Гофмана передать письмо Гитлеру. Гофман, конечно, отдал его Еве, которая письмо уничтожила, но чудом сохранился черновик. Оскорбленный отец пишет очень осторожно, робко пытается намекнуть на возможность брака.

«Уважаемый господин рейхсканцлер! Мне очень неприятно, что я вынужден беспокоить Вас личным делом, горем отца семейства. Вы, вождь немецкой нации, имеете совершенно другие заботы, конечно, намного большие... Мои дочери, Ева и Гретль, ушли на квартиру, предоставленную им Вами, а я, хоть и глава семейства, был просто поставлен перед фактом. Конечно, я часто делал Еве замечания, если она слишком поздно приходила вечером с работы, потому что считаю, что если человек интенсивно проработал 8 часов, ему необходима разрядка в семейном кругу. Кроме того, возможно, я старомоден, но я считаю, что дети могут покинуть дом, только вступив в брак, а до этого должны находиться под надзором родителей. К тому же я очень сожалею об отсутствии детей. За Ваше понимание этого я был бы вам, уважаемый господин рейхсканцлер, в высшей степени обязан и заканчиваю письмо просьбой не поддерживать стремление к свободе у моей дочери Евы, которая уже является совершеннолетней, а побудить ее вернуться в семью».

С 9 по 16 сентября в Нюрнберге проходил VII съезд НСДАП. Именно на этом съезде был принят «Закон о борьбе за чистоту немецкой расы и немецкой чести» (так

называемые «Нюрнбергские законы») от 15.09.1935 г. Отныне запрещались браки с евреями, а «арийское» происхождение стало предварительным условием для занятия общественных должностей. Ева была на съезде гостем фюрера и сидела на трибуне для почетных гостей. Эрнст Ганфштенгль пишет в своих воспоминаниях: *«Она (Ева) пришла на съезд незаметно, однако унесла дорогую шубу. Магда Геббельс, которая считала себя единственной женщиной, которой Гитлер должен оказывать внимание, оказалась настолько неумна, что высказалась о Еве пренебрежительно. С Гитлером случился припадок бешенства».*

Наконец в 1935 году сбылась мечта Евы о собственном доме. Гофман, по поручению Гитлера, нашел подходящий дом на Вассербургерштрассе, 12 (в этом доме находятся сейчас торговые помещения одной немецкой фирмы). От квартиры Гитлера до дома можно было легко дойти пешком. Документы на дом были составлены на верного Гофмана и только в 1938 году были переданы в собственность личного секретаря Гитлера – Евы Браун. Дом был небольшой, но удобный. На первом этаже располагалась прихожая со встроенным шкафами, маленькая кухня и столовая, на втором – две спальни и ванная. Небольшая мансарда служила гостиной и тайной курилкой, поскольку в присутствии Гитлера курить запрещалось. Об убранстве дома позабочился сам фюрер, и оно намного превосходило рамки общепринятого. Так, например, столовый гарнитур был выполнен из экзотической древесины по эскизу Пауля Людвига Трооста, архитектора «Коричневого дома».

Постепенно дом наполнялся подарками Гитлера: gobelenами, коврами, среди которых был старинный из Самарканда, столовым серебром, посудой с монограммой Гитлера, а многочисленные картины украшали стены. Некоторые акварели и рисунки Гитлера тоже висели на стенах. Однако главным украшением дома считался портрет Гитлера. Фюрер стоит на вершине горы в разевающемся пальто и пристально смотрит вдаль. С этой картины сделали открытку, которая разошлась миллионными тиражами. Каждый немец просто обязан был иметь портрет фюрера и бережно обращаться с ним. Уже в 1936 году состоялись первые процессы, на которых за небрежное обращение с портретом фюрера или за недонесение об этом давали до 5 лет тюрьмы, правда, во время войны людей за это отправляли в концлагерь.

Ева наконец была почти счастлива. Она жила с сестрой Гретль и двумя терьерами, которых подарил ей Гитлер. Фюрер стал весьма щедрым и даже подарил телевизор. В то время это была сенсация и в стране их было считанное количество. К своему 27-летию Ева получила в подарок автомобиль. Это была маленькая, похожая на жука машина. Конструктор Ф. Порше подарил ее Гитлеру. Машиной Ева мало пользовалась, так как она сильно бросалась в глаза.

Теперь вокруг Евы всегда веселый круг друзей. Отец не только простил ее, но даже в какой-то степени гордится близостью к фюреру, разделяет его взгляды и вступает в партию. Он даже отправился на собрание в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», где должен был выступать Гитлер. Правда, день был выбран не

очень удачно. Гитлер по какой-то причине ушел раньше времени, а Фридрих Браун решил досидеть до конца. Это было 8 ноября 1939 года, когда совершили неудачное покушение на фюрера. От взрыва пострадало более 60 человек. Фридрих был ранен и чудом остался жив, но после этого случая стал пользоваться авторитетом у Гитлера.

Ева живет в ладу с собой и окружающими. Она часто ходит в театр, кино и на прогулки. Порой тайно сопровождает Гитлера в его зарубежных поездках, особенно в Италию. Во избежание лишних разговоров с ней иногда ездит мать. Так было во время поездки в Вену в марте 1938 года. В начале 1939 года она с матерью и сестрой отправилась в личной машине Гитлера в Гамбург, чтобы на корабле «Роберт Лей» отправиться в Норвегию в рамках акции «Сила через радость». В августе этого же года она поехала на кинофестиваль в Венецию. Как личный секретарь Гитлера она часто сопровождала его в деловых поездках, но, не обремененная делами, могла много гулять по городам, а потом гордо показывала свои любительские фильмы, приговаривая: «Теперь ты увидишь настоящую Италию».

И тем не менее в официальной обстановке Гитлер был только вежлив, но не более. При этом он никогда не стеснялся высказывать свои мысли по поводу брака в ее присутствии. Ева злилась, иногда плакала, но утешала себя мыслью, что вот когда-нибудь... Она вообще часто витала в облаках, продолжая мечтать о карьере киноактрисы. Когда-нибудь, когда они с фюрером уже будут в возрасте, кто-нибудь напишет сценарий об

их великой любви и она будет играть в этом фильме главную роль. Однако Гитлер ценит преданность Евы, и их отношения становятся все теплее, он даже время от времени закрывает двери дома перед Магдой Геббельс, которая явно не любит Еву и позволяет себе некорректные выпады в ее адрес. В 1938 году, перед вступлением в Австрию и своей поездкой в Рим, он оставляет завещание, в котором оговаривает ей пенсию от партии и среди наследников ставит ее на первое место. Только после Евы называются сестра Паула, сводная сестра Ангела и другие родственники. Готовясь к войне, Гитлер приказал сделать в доме Евы подвал-бомбоубежище, но оборудованный всеми возможными удобствами и подземным тоннелем, который вел в сад.

Чтобы уединиться, пара часто проводила время на квартире у Гитлера. Еве нравилось наблюдать, как ее возлюбленный каждое утро занимается у открытого окна с эспандером. Эту привычку он сохранял долгие годы, она позволяла ему выдерживать многочасовые приветствия. В отличие от Гели, Еву не волновали половые извращения ее избранника, и, судя по дневнику, она всегда с радостью ожидала минуты близости. Некоторые говорили о ней как о прекрасной наезднице, играющей хлыстом, пинающей и унижающей Гитлера, от чего тот приходил в сильное сексуальное возбуждение. Он полагал, что достигнуть истинного величия можно только пройдя через унижения. Другим местом встречи был Оберзальцберг. Гитлер очень любил это место и приезжал сюда, начиная с 1923 года. Посещение Евой деревенского дома происходило всегда по одной схеме.

Вот как описывает это Альберт Шпеер: «Через несколько часов (после приезда Гитлера) приезжал маленький закрытый “мерседес” с двумя секретаршами – фрайлийн Вольф и фрайлийн Шредер; в их обществе часто можно было видеть простую мюнхенскую девушку. Скорее миленькая и свеженькая, чем красивая, и держалась она очень скромно. Никто не мог бы догадаться, что это возлюбленная самого повелителя – Ева Браун. Это закрытое авто никогда не ездило вместе со всей колонной, чтобы его не связывали с именем Гитлера. Едущие совместно секретарши должны были как бы маскировать приезд возлюбленной. Меня всегда удивляло, что Гитлер и она избегали всего, могущего указать на интимную близость, – чтобы поздно вечером все же совместно проследовать в спальни верхнего этажа. Я так никогда и не смог понять, зачем понабилось держать эту ненужную, неестественную дистанцию даже в узком кругу, от которого их отношения все равно не могли укрыться. Ева Браун соблюдала такую же дистанцию применительно ко всем лицам гитлеровского окружения... Позднее я понял, что еедержанность, из-за которой она многим казалась высокомерной, лишь прикрывает смущение, ибо она сознавала двусмысленность своего положения при дворе Гитлера».

Уже с 1933 года началась скупка, сперва через Гесса, потом Бормана, а затем и просто экспроприация всего Оберзальцберга. Верхнюю долину обнесли двойным проволочным забором, а проезд перекрыли. Постепенно там вырос целый городок с больницей, гостиницей, казармой для часовых. Основной дом был переименован в

«Бергхоф». Он стоял на горе, и из окон открывался прекрасный вид. Неподалеку расположились виллы Бормана, Геринга и Шпеера. Здесь Ева прожила с 1936 по 1945 год. Вот как пишет о ней Г. Пикер: «Хозяйство в «Бергхофе» ведет тридцатилетняя, изящная, светловолосая мюнхенка, которая не только держит в руках весь персонал, но и умеет обставить все вплоть до последней мелочи так, как того желает фюрер. Ее зовут Ева Браун...»

Самое благоприятное впечатление производит желание фрейлиайн Браун ограничиться только ведением хозяйства в «Бергхофе», чем до своего замужества занималась сестра Гитлера. То, что фрейлиайн Браун чужды замашки кинозвезды, хотя она внешне – типичная столичная секретарша со светскими манерами, я почувствовал вчера на киносеансе, когда, забывшись, поставил стакан на огромный новенький радиоприемник. «Только Борман не должен этого видеть, он его сюда внес, иначе будет скандал, а это ни к чему!» – Прoshептав эти слова, она своим намеком избавила меня, человека, впервые оказавшегося здесь и вроде совершенно не интересного ей, от столкновения со «страшным громоверхцем!».

А вот как Пикер описывает дом: «Внешний вид «Бергхофа» известен уже по многим фотографиям. Внутреннее же его убранство ничуть не хуже. Комнаты для гостей сплошь обиты деревом и обставлены с изысканным вкусом. Мебель вся, правда, довольно тяжеловесная и громоздкая, но одеяла и подушки придают ей современный облик. Ни одна комната не про-

изводит впечатления чрезмерно заставленной. В гостиной, например, с ее исторической кафельной печью сидеть можно только на скамьях вдоль стен, здесь нет ни одного стула. В большом зале, где мы после обеда вместе с адъютантами посмотрели очень милый фильм, необыкновенно красивые gobelены, огромные букеты цветов, но самое главное — отсюда открывается потрясающий вид на горы».

Траудль Юнге, личная секретарша Гитлера, писала о Еве: «Она не была манекеном из журнала мод. Ее элегантность отражала не богатство, а хороший вкус. Ее натуральные светлые волосы были искусно освещены. Она использовала много косметики, но ее макияж был умелым и усиливал ее прелесть». Когда Юнге впервые попала в «Бергхоф», Ева сама знакомила ее с домом. Юнге пишет: «Из моей комнаты под крышей винтовая лестница вела в застекленную переднюю, которая с одной стороны выходила во двор, а с другой — в огромный салон с великолепной кафельной печью. Далее я прошла в длинный коридор с огромными окнами, через которые виднелось предгорье. Из коридора дверь открывалась в столовую. Это была вытянутая в длину просторная комната, в середине которой стоял стол на 24 персоны... Парадный зал был очень внушительный, и меня поразили ковры на стенах. Ева, которой всегда хотелось показать, что она разбирается в искусстве, сказала, что это подлинные абиссинские gobelены. Если хотелось посмотреть фильм, этот gobelen автоматически поднимался и опускался поплотно, а на противоположной стороне отодвигалась

панель и открывалось отверстие для проектора. Зал был обставлен в готическом стиле. Меня восхитил стол с мозаикой, который, по словам Евы, подарил Муссолини. На первом этаже был еще ряд комнат». Позднее Юнге разведала часть здания, которую занимал фюрер. «Я курила под широкой, обитой бархатом лестницей, ведущей на второй этаж, где живет фюрер. В коридоре мертвая тишина, поднимающаяся наверх даже просили снимать обувь. Перед одной из дверей, как окаменевшие статуи, лежали Стаси и Негус, охраняя спальню своей госпожи Евы. Рядом находилась спальня Гитлера. Между ними располагалась ванная комната с мраморным бассейном и позолоченными кранами. Из ванной не было двери в коридор. К спальне Гитлера примыкал его большой рабочий кабинет... Маленькая комната рядом с лестницей принадлежала служанке Евы».

Свою собственную спальню из-за обилия ковров Ева называла «турецкой комнатой». Это была скромная комната, но в ней висел портрет Евы, написанный Гитлером.

Генриетта фон Ширах вспоминает дом несколько иначе: «Обстановка, как из посредственного иностранного пансиона... Все годовые подписки составлены из одних журналов о кино... Но что было в полном порядке, так это шкафы. Ева работала, как архивариус. О каждом платье, о каждом пальто был составлен акт: где оно куплено, за какую цену, тут же прилагался эскиз модели, а также замечания об обуви, сумке, драгоценностях, с которыми их надо носить. Немыслимая,

бессмысленная кропотливая работа. Надо сказать, что «карточка гардероба» составлялась Евой просто потому, что это ей очень нравилось. К высказываниям Генриетты о Еве стоит относиться осторожно, в ней достаточно часто говорила ревность.

Все приведенные выше свидетельства достаточно сильно отличаются одно от другого. Возможно, каждый видит то, что он хочет видеть.

В «Бергхофе» в основном присутствовали близкие Гитлеру люди: баварский министр Шпеер, Гесс, Борман, министр Эссер, рейхспрессе-шеф Дитрих, Геббельс и, конечно, Гофман. Геринга приглашали крайне редко. Однажды его жена позволила себе бес tactность по отношению к Еве, пригласив ее на чаепитие вместе с обслуживающим персоналом. Узнав об этом, Гитлер взбеленился, чаепитие запретил, а чету перестал приглашать. Постоянно бывал здесь личный врач Гитлера Морелль, который, по отзывам многих современников, был изрядным шарлатаном. Гиммлера и Гейдриха приглашали редко, а высших военных чинов вообще никогда. В «Бергхофе» приветствовали художников и киноактеров, но ни разу не пригласили ученых. Поскольку все знали, что Гитлеру нравилось общество красивых женщин, то приглашались самые известные из них. Здесь бывали Марика Рекк, Ольга Чехова, Паула Бессели. Гитлер всегда был любезен и галантен, а разговор велся на темы, далекие от политики. Однако в середине 1935 года по неизвестным причинам приглашать женщин перестали. Гитлер решительно заявил: «Приглашение дам на будущее отменяется».

Формально владельцами всего Оберзальцберга была семья Браун, что вызывало у многих зависть. Они жили здесь постоянно, но достаточно уединенно: никогда не присутствовали на приемах и старались вообще поменьше попадаться на глаза обществу. Давно уже не было разговоров об опеке родителей, намеков о женитьбе. Фридрих грелся в лучах славы почти зятя, мать ни во что не вмешивалась, а Гретль следовала за сестрой как тень. Она вышла замуж за подающего большие надежды группенфюрера СС, заместителя Гиммлера и шурина Гитлера, Германа Фегеляйна. Буквально за несколько дней до конца войны его по приказу Гитлера расстреляли, из-за обоснованного подозрения в дезертирстве. Ева вначале вмешалась, чтобы спасти зятя, но когда узнала, что он собрался бежать, прихватив ее собственные драгоценности и жену венгерского дипломата, оставляя в разоренной Германии жену с только что родившимся ребенком, просить о снисхождении больше не стала. Только Ильза держалась в стороне, отклонив лестное предложение Шпеера стать его личным секретарем. В этот дом Ева с удовольствием приглашала своих подруг Герту Остермейер и Марион Тейссен вместе с их детьми.

Еще одно свидетельство о жизни в «Бергхофе» оставил Шпеер: «Мы вели непринужденный разговор на террасе, дамы удобно расположились на плетеных шезлонгах с темно-красными клетчатыми подушками, подставляя лица солнцу. Вся сцена напоминала картинку из проспекта курортного отеля. Слуги, выбранные из эсэсовцев Дитриха, одетые в ливреи, неслышно раз-

носили напитки: шампанское, вермут, содовую и фруктовую воду. Когда сообщали о предстоящем приходе Гитлера, шум разговора и смех моментально стихли, только дамы продолжали тихонько перешептываться о туалетах и путешествиях. Ева взяла в руки кинокамеру, чтобы запечатлеть выход Гитлера. Все напряглись, хотя знали, что здесь, в гостях, фюрер хочет их видеть расслабленными и непринужденными. Это в Берлине требуется покорная преданность... Прошло еще полчаса, затем пригласили к столу. Гитлер один впереди, Борман с Евой Браун за ним..» Борман почти всегда сопровождал Еву к столу, хотя именно его она почти ненавидела. Ее раздражала его грубость, порой переходящая в хамство, бесконечные интриги, распутство. Жена, которая вечно ходила беременная, однажды предложила мужу привести в дом любовницу, чтобы они беременели по очереди. «Любое существо в юбке – его цель», – заметил кто-то из адъютантов.

День в «Бергхофе» начинался поздно, поскольку Гитлер спал всегда долго, а дни проходили одинаково. До войны Гитлер, как правило, приезжал в пятницу и оставался до утра понедельника. Даже в мирное время еда всегда была очень простой: перловый суп, квашеная капуста, картофельное пюре, свиная колбаса. Меню военного времени не сильно отличалось: апельсиновый сок с отваром из семян льна, рисовый пудинг с капустным соусом, хрустящие хлебцы со сливочным маслом. Когда партия призвала обеспечить для Германии «пушки вместо масла», у Гитлера начали к обеду ставить одну супницу. Присутствующие мужчины

обращаются к Еве: «милостивая фрейлиайн», а дамы — «фрейлиайн Браун». Однако теперь Ева мало похожа на ту влюбленную девочку, которой она была раньше. Она уже осмеливается делать при всех замечание, что галстук фюрера не соответствует костюму, а его головной убор называть «фуражкой почтальона». Ева постоянно заботится, чтобы Гитлер «одевался прилично». Камердинер Гитлера, Карл Вильгельм Краузе, никогда не смог простить Еве, что она заставила его каждый день наглаживать брюки фюрера.

Как и все, Ева обращается к Гитлеру «мой фюрер», но в сочетании с интимным «ты» это звучит несколько двусмысленно. После обеда все отправляются гулять, если хорошая погода, в плохую — сидят у камина. После ужина Гитлер покидал гостей и в кабинете устраивал совещания, затем все отправлялись смотреть фильм. Любимым фильмом Евы был «Унесенные ветром», Гитлер любил американские ковбойские и приключенческие ленты, и все любили фильмы, которые Геббельс относил к разряду «вредных для народа» и запрещал. Часто слушали музыку Штрауса, Вагнера, Легара. Так мило и приятно проходили вечера, пока Гитлер не брал слова, тогда все настраивались на скучный монолог до рассвета.

Ева уже не ловит каждое слово фюрера, больше того, его речи ей надоели и она откровенно скучает. Ей всегда была неинтересна политика, она никогда не стремилась стать членом партии. Вначале она проявляла интерес к делам только для того, чтобы быть ближе к Гитлеру. Теперь ее положение стало достаточно проч-

ным и можно не притворяться. Женские организации и движения ее тоже не интересуют. Впервые она проявила волнение в 1943 году, когда собирались запретить длинноволновые передачи и прекратить выпуск косметики. Это действительно было бы трагедией, и Гитлер, кстати, тут же уступил. Она пребывала в своем собственном придуманном мире. Ильзе несколько раз пыталась опустить ее с облаков на грешную землю, крича: «Если тебя отправят в концлагерь, я не буду тебя вытаскивать». В ответ Ева только улыбалась. Ей было неинтересно, и, кроме того, зная, что возлюбленный не потерпит никакого вмешательства в дела, ей не хотелось рисковать. За шестнадцать лет жизни с фюрером она только один раз вмешалась в дела. Это произошло из-за еврея доктора Блоха, который до последнего момента оказывал медицинскую помощь матери Гитлера. После вмешательства Евы ему позволили выехать из страны. Когда Гесс улетел в Англию, Борман стал преследовать его жену. Ева сделала безуспешную попытку вмешаться, а потом стала помогать фрау Гесс тайком.

Зато теперь она была знакома с лучшими портными Берлина, туалеты и меха ей доставляли из Франции, а обувь — из Италии. Она полюбила драгоценности, и со временем располагала неплохой коллекцией. Духами она пользовалась только самыми дорогими. Единственное, что ее огорчало, так это то, что Гитлер не переносил курящих женщин. Ева была заядлая курильщица, но приходилось делать это тайком, чтобы Гитлер не видел.

Однако «Бергхоф» был не только местом для приятных семейных вечеров, но и официальной резиденцией.

Сюда в разное время приезжали Муссолини, экс-президент Гувер, Чемберлен, папа Пий XII, король Болгарии Борис и многие другие. Во время таких визитов Ева находилась под «домашним арестом». Политические визиты ее мало интересовали, а вот познакомиться с герцогом и герцогиней Виндзорской ей очень хотелось, но фюрер запретил. Возможно, он не знал, как представить подругу высоким гостям, а может, не хотел разрушать образ человека, который живет только политикой.

Самым большим увлечением Евы была фотография. У нее было несколько прекрасных дорогих фотоаппаратов и 16-миллиметровая кинокамера со сменными объективами. Надо отметить, что в этой области она добилась больших успехов. Она сделала первый в Германии цветной фильм, посвященный будням в Оберзальцберге. Некоторые фотографии Гитлера были настолько хороши, что Гофман их выкупал и в пропагандистских целях продавал через свой магазин. У нее было более 50 фотоальбомов, из которых 33 сохранились и сейчас хранятся в Национальном архиве безопасности Вашингтона.

В начале 1939 года Гитлер выделил Еве квартиру в Берлине. Это были бывшие апартаменты Гинденбурга. Однако и здесь Ева жила довольно обособленно, у нее был отдельный вход, которым ей приходилось пользоваться, чтобы избежать встреч с посторонними людьми. Она должна была тихонько сидеть в своей комнате, в то время как Гитлер устраивал приемы в духе Бисмарка. Как едко заметил Шпеер, «Гитлер явно считал Еву приемлемой в обществе лишь с оговорками». Целиком уйдя в свое хобби, Ева создала очень интерес-

ные репортажи – единственные в своем роде документы о днях, предшествующих началу войны. Серия фотографий показывает, как напряженно ожидал Гитлер вестей от Риббентропа из Москвы. Когда ему по телефону сообщили о подписании пакта о ненападении, его радость была так велика, что он кинулся обниматься с Борманом и Геббельсом.

А потом началась война, но Ева свято верила, что фюрер всеми силами хотел избежать ее и виновата во всем Польша. Однако впервые ей стало страшно: «Ильзе, это же война, если он уйдет, что станет со мной?» Потом добавила: «Если с ним что-то случится, я тоже умру». Закончилась идиллия в «Бергхофе», началась совсем другая жизнь, и чем дальше, тем хуже.

Однако постоянное чувство тревоги и волнения еще больше сблизило их. Они уже не скрывают свои отношения, он даже позволяет себе выказывать знаки симпатии. Ева постепенно избавилась от былой скованности, а отсутствие соперниц облегчает жизнь. Теперь Гитлер принадлежит только ей и войне, проводя много времени в «Бергхофе». Здесь же проводились совещания. В июле 1941 года Гитлер был уверен, что русские уже совершенно разбиты, но уже с осени этого года Германия стала испытывать недостаток горючего, а к концу года мечта о молниеносной войне была почти забыта.

Если еще в начале 1942 года Гитлер мечтает построить на Дунае «новый город мирового значения – Линц», то вскоре грандиозные планы по градостроительству отступают на второй план, есть более важные задачи.

Женщины, даже красивые, уже тоже не вызывают былого волнения, тем более что необходимо соблюдать строгие правила безопасности. Кроме того, болезни, работа, обязанности и ответственность все больше уменьшают половое влечение. В штаб-квартиру фюрера «Волчье логово» в Восточной Пруссии не имела права входить даже Ева Браун. Секретарши и поварихи были единственными женщинами, которых там видел Гитлер. Ева почти все время живет в «Бергхофе». 20 июля 1944 года была предпринята отчаянная попытка устранить Гитлера. Вскоре после этого Гитлер писал Еве: «*Моя дорогая! У меня все хорошо, может, просто немного устал. Я надеюсь скоро возвратиться домой, чтобы отдохнуть в твоих объятиях. Мне очень нужен покой, но забота о немецком народе отодвигает все другое... Я послал тебе форменную одежду, которая была на мне в тот несчастный день. Она является доказательством, что провидение меня защищает и мы не должны бояться своих врагов. От всего сердца твой А. Г.*» К письму прилагался эскиз разрушенного барака. Форму Ева заботливо сохранила.

О покушении на возлюбленного Ева узнала во время морской прогулки по Королевскому озеру. Как только восстановили связь с штаб-квартирой фюрера, она позвонила туда. Затем написала ответное письмо: «*Я вне себя. Я умираю от страха, я близка к безумию. Здесь прекрасная погода, все кажется таким мирным, что мне стыдно... Ты знаешь, я тебе говорила, что если с тобой что-нибудь случится, я умру. С нашей первой встречи я поклялась себе повсюду следовать за тобою,*

также и в смерти. Ты знаешь, что я живу для твоей любви. Твоя Ева».

С середины 1944 года начались интенсивные бомбардировки «Бергхофа». Обитатели прятались в бункере, у Евы и там была отдельная комната с ванной. Уже никто не верит в победу. Она возвращается в родной город, который лежит в руинах. В октябре 1944 года она составляет завещание. Отцу Ева оставляет свой «мерседес»; матери — половину шуб, ковров, наличные деньги и большой портрет фюрера кисти Книрра; Ильзе — «фольксваген» и дом с мебелью на Вассербургештрассе; Гретль — эпистолярное наследство. Педантично точно разделила Ева свои драгоценности между сестрами и подругами.

9 февраля 1945 года Ева с опозданием из-за налетов отмечала свой день рождения и одновременно прощалась со всеми, поскольку уезжала в Берлин к Гитлеру.

Площадь Вильгельма в Берлине превратилась в сплошные развалины. От рейхсканцелярии остался только фасад. Штаб-квартира Гитлера находилась в бункере, который располагался в саду рейхсканцелярии. Здесь, на 16-метровой глубине, за метровыми бетонными стенами прожила Ева свои последние месяцы. Гитлер для вида поворчал, что она приехала (он велел ей оставаться в «Бергхофе»), но был доволен. Он чувствовал себя совсем больным и очень одиноким. Шпеер предложил ей место в самолете фельдъегерской связи, но Ева *«твердо настаивала на своем, и теперь все, кто вместе с Гитлером поселился в бункере под рейхсканцелярией, знали, зачем она приехала. Ева Браун не*

только олицетворяла, но и в действительности была провозвестницей неминуемой гибели». По всем свидетельствам очевидцев, Ева невероятно стойко переносила ситуацию. Она отправила письмо в «Бергхоф» и отпустила всех служащих. В принципе она легко могла спастись, но упорно не хотела ни на минуту оставлять Гитлера, даже на прогулки не выходила. «Я счастлива, что могу быть так близко к нему».

Ева как будто не думает о смерти, хотя еще в начале апреля спросила у Енгеля, как она может застрелиться. В ее письмах к сестрам содержатся всякие мелочи: портниха много запросила за блузку, фотография овчарки Гитлера, у которой появился щенок. Только 22 апреля Ева пишет прощальное письмо лучшей подруге: «Мы боремся до последнего, но мне кажется, что конец угрожающе близок. Как я страдаю из-за фюрера, я не могу тебе описать... Я не понимаю, как это все произошло, но больше не уповаю на Бога...»

Письмо к Гретль содержит последнее поручение: «Уничтожь мой дневник, а также конверт, адресованный фюреру, он спрятан в бункере в сейфе. Письма фюрера и черновики моих ответов я прошу спрятать в водонепроницаемый материал и зарыть где-нибудь. Пожалуйста, не уничтожай».

Гитлера уговаривают уехать из столицы, но он непреклонен: «Я должен решить исход войны в Берлине – или погибнуть». Все бывшие сподвижники уже заняты только собой. Борман велел жене с детьми перебраться в «чудесное убежище» в Тироле. Геббельс, наоборот, привез в бункер жену с детьми, чтобы они ушли из жизни

в «историческом месте». Геринг волнуется, может ли он уже приступить к обязанностям главы государства. Борман интригует, пожалуй, последний раз в своей жизни, доказывая Гитлеру, что Геринг – изменник. Следует яростный взрыв, Геринга обвиняют в наркомании и взяточничестве, но через минуту Гитлер спокойно произносит: *«А мне все равно. Пусть Геринг ведет переговоры о капитуляции. Если война проиграна, не имеет значения, кто конкретно этим займется»*. Он покорился судьбе. Вскоре пришла телеграмма, в которой Геринг просил освободить его от всех занимаемых должностей. Борман наконец избавился от соперника, которого ненавидел за власть, которой тот был наделен. Директора заводов «Шкода», которые раньше сотрудничали с Гитлером, попросили разрешения вылететь в ставку американской армии. Гитлер спокойно разрешил.

Единственным человеком, который сумел сохранить спокойствие в эти последние дни, была Ева Браун. Шпеер покидал бункер. Ева пригласила его зайти к ней, чтобы проститься. *«А как насчет бутылки шампанского на прощание? И еще я хочу угостить вас шоколадными конфетами. Вы ведь, наверное, долго ничего не ели»*. Немного погодя она с горечью сказала: *«Сколько их уже погибло? И ради чего?.. Впрочем, мы, наверное, уже больше не увидимся. Положение таково, что Берлин скоро будет захвачен русскими. Фюрер уже хотел прекратить борьбу, но Геббельс отговорил его, и вот мы пока здесь»*. Потом добавила: *«Я очень счастлива, что оказалась здесь»*.

Днем 22 апреля Гитлер приказал позвать секретарш, Траудль Юнге и Герду Кристиан, а также повариху

Констанцию Марциали. Когда они пришли, он сказал, что «все потеряно, все пропало», и предложил им, пока не поздно, покинуть бункер. Тут же присутствовала Ева. Она отреагировала первая, сказав: «Ты же знаешь, что я останусь с тобой. Я никуда не поеду». И тогда Гитлер сделал то, чего никогда не делал: он поцеловал Еву в губы при всех. Женщины все решили остаться. Гитлер настаивал на их отъезде, но безуспешно.

24 апреля адъютант Гитлера сжигает личные письма фюрера и вылетает на юг, чтобы уничтожить бумаги в его мюнхенской квартире и «Бергхофе». В бункере жизнь совсем разладилась. Всю ночь на 28 апреля Борман, Кребс и Бургдорф пили, в результате к утру все переругались. «Ради вашей роскошной жизни, ради вашей жажды власти вы уничтожили нашу многовековую культуру, вы истребили германскую нацию. В этом ваша ужасная вина!» – слышался из-за двери громовой голос Бургдорфа. Борман его успокаивал, а затем опять доносился звон бокалов.

28 апреля, около полуночи, сбылось самое заветное желание Евы, она стала женой Гитлера. Свидетелями были Борман и Геббельс. На брачном свидетельстве Ева первый и последний раз в жизни написала: «Ева Гитлер». Подписывая его, она совершила ошибку, начав писать «Бр...», но быстро зачеркнула и уверенно написала: «Ева Гитлер, урожденная Браун». На ней было длинное вечернее платье и лучшие драгоценности, на фюрере – парадный мундир. Ева сияла. Под руку с Гитлером она прошла в его кабинет, где подали вино. Даже Гитлер пригубил токайского вина. Принесли

патефон с единственной пластинкой «Красные розы» и под нее Ева принимала поздравления. Около четырех утра они удалились, чтобы провести первую брачную ночь, а утром Гитлер уже диктовал свое завещание: «*Так как в годы борьбы я думал, что не имею права вступить в брак, я решил теперь, перед окончанием своего земного пути, взять в жены эту девушку, которая после долгих лет верной дружбы по собственной воле возвратилась в этот почти осажденный город, чтобы разделить свою судьбу с моей. Она идет по своему желанию, как моя супруга, со мною на смерть. Она ей заменит то, чего лишило нас обоих мое служение моему народу... Я сам и моя жена выбираем смерть, чтобы избежать позора отставки или капитуляции.*

30 апреля супруги Ева и Адольф Гитлер обедали с двумя секретаршами и поварихой. Он был спокоен. Почти сразу после обеда их снова вызвали, а также пригласили Бормана, чету Геббельсов и еще несколько человек. Гитлер каждому пожал руку, а Ева обняла Траудль и сказала: «Пожалуйста, попытайтесь выбраться отсюда». Личный пилот Гитлера предложил вывезти их на самолете в Южную Америку. Гитлер отказался. «Нужно иметь мужество отвечать за последствия — я кончу здесь. Я знаю, завтра миллионы людей будут меня проклинать. Ну что ж, такова судьба».

Уединившись в гостиной, они покончили жизнь самоубийством: Ева приняла яд, а Гитлер застрелился. Камердинер Линге и один из эсэсовцев вынесли труп Гитлера, завернутый в одеяло. Борман нес неприкрытый

Жены и любовницы нацистов

труп Евы. Кемпке, зная, что Ева терпеть не могла Бормана, счел это кощунством. Сказав: «Разрешите, я понесу Еву», забрал тело из рук Бормана. Подошел Гюнше, и они вместе вынесли тело Евы в сад. Тела Гитлера и Евы положили рядом, облили бензином и подожгли. В течение нескольких часов они продолжали подливать бензин на тлеющие трупы.

Население узнало, что «наш фюрер, Адольф Гитлер, умер, борясь до последнего вздоха». Только 1 мая радио Гамбурга решилось сообщить, что «Гитлер и его жена мертвы», настолько все были потрясены появлением жены.

Конечно, никто не выполнил просьбы Евы уничтожить дневник и некоторые другие записи. За ее наследием началась настоящая охота. В конце концов дневник оказался в Национальном архиве Вашингтона.

На наследство Евы был наложен арест. 31 декабря 1945 года Фридрих Браун обратился в министерство особых поручений в Мюнхене с просьбой не возбуждать судебного дела против его умершей дочери, поскольку она никогда не состояла в партии и не занимала никакого политического поста. В виде компенсации он предложил добровольно передать ее имущество.

ΤΕΛΙΚΕΣ ΜΑ
ΦΟΡΗ ΜΙΡΑΔΩ

Ж

енриетта (Генни) Гофман родилась 3 февраля 1913 года. Отец ее, Генрих Гофман, был потомственным фотографом, а мать – вначале пела в кабаре фривольные песенки, а затем решила стать фотомоделью. Гофману прглянулась юная модель, он решил познакомиться с ней поближе, и очень скоро они поженились. Через три года после рождения дочери у них родился сын Генрих.

В 1921 году Генрих Гофман привел в дом человека, который совершенно изменил привычный, спокойный уклад семьи. К этому времени Гофман принадлежал к правым «защитникам населения». Гитлер оценил жизнерадостного, хлебосольного, любящего выпить приятеля, привлекала и немного «богемная» атмосфера дома.

Всегда демонстрирующий любовь к детям, Гитлер сразу подружился с Генни. Он рассказывал ей о Нибелунгах, сокровищах Рейна и короле-карлике Альберике, приносил книги и интересовался, все ли она в них правильно поняла, часто дарил книги. За «Жизнью принца Евгения» последовала книга Шлимана об открытии Трои, затем «Прекрасные предания классической старины» Шваба и многие другие.

Жены и любовницы нацистов

Гитлер буквально узурпировал семейную жизнь Гоффманов, даже маленькая Генни замечала, что желания этого человека выполняют не то что сразу, а стараются предугадать. Только фотографировать себя Гитлер никогда не разрешал, и Гоффману не приходило в голову ослушаться.

Супругам очень льстило такое внимание Гитлера, чье влияние в стране все время росло. Девочке разрешалось ходить с ним в музеи, на выставки, в театр. Даже о смерти матери в 1928 году сообщил ей не отец, а Гитлер. Когда не стало матери, брата Генни отправили в интернат, а девочка осталась почему-то под опекой Гитлера.

С 1923 года Гитлер дал Гоффману разрешение на свои фотографии. Однако Отто Штрассер в своих мемуарах утверждает: «Я слышал во всех подробностях рассказ о тех странных вещах, которые, по словам фрейлиайн Гоффман, Гитлер принуждал ее делать...» И далее: «Юные девушки редко бывают осторожны. Фрейлиайн Гоффман была слишком откровенна, и однажды ее отец отправился требовать объяснения у мюнхенского соблазнителя... Проблема была решена мгновенно. Гоффману были предоставлены эксклюзивные права на фотографии Гитлера. Сговорчивый папаша стал одним из самых богатых и уважаемых людей в Германии». Однако эта версия кажется несостоятельной. Во-первых, Генни было всего десять лет, и вряд ли даже Гитлер позволил бы себе, ходя в дом, что-нибудь неприличное по отношению к девочке. Во-вторых, сомнительно, чтобы Гоффман посмел сильно скандалить и шантажировать Гитлера.

Гоффман постарался извлечь максимум выгоды от близости к фюреру, и это ему вполне удалось. «Личные дру-

еские отношения с фюрером давали ему возможность издавать портреты, которые позволяли немецкому народу заглянуть в душу великолепного фюрера», — писал в бессильной ярости председатель союза фотографов, вынужденный терпеть монополию. Появились деньги, и офиманы переселяются в престижный район города.

Генриетта часто приходит к отцу на работу, принимает участие в партийных собраниях, знакома и часто встречается со всей партийной верхушкой. Гитлер уже не только добрый дядюшка, который проверяет уроки, он — великий учитель. Она ловит каждое его слово и впитывает все его взгляды, как губка, стараясь быть достойной ученицей. Генриетта даже подружилась вначале с Гели, которая ей была симпатична, потом с Евой. Последнюю, несмотря на дружбу, она считала глупенькой и тихо презирала. Возможно, в ней говорила неосознанная ревность, поскольку после смерти Гели они обе добивались благосклонности Гитлера. По натуре достаточно экзальтированная, Генни всем рассказывала об ухаживании фюрера. Отец приписывал это буйной фантазии дочери и предупреждал: «Не обольщай себя надеждами».

Генриетта вступила в национал-социалистический союз студентов, в котором чувствовала себя очень комфортно. Здесь она встретила Бальдура фон Шираха, который знал наизусть «Майн кампф» и жил, следя желаниям фюрера. Так что встретились единомышленники. Бракосочетание состоялось 31 марта 1932 года, свидетелями были Гитлер и Рем.

Для Бальдура это была невероятно выгодная партия. Тещь, который являлся ближайшим другом

фюрера, и жена, практически воспитанница Гитлера. Это открывало многие двери, и в первую очередь в Оберзальцберг. В 1932 году фон Ширах организовал 100-тысячное молодежное шествие в Потсдаме перед фюрером; а в конце года становится депутатом рейхстага. 1 июня 1933 года он стал молодежным лидером германского рейха и очень умело привлекал новых членов. За один только год численность организации возросла на 3 миллиона человек.

Генриетта тоже вступила в партию, но не выполняла каких-либо поручений, в основном помогала мужу. Весной 1933 года они переехали в Берлин, но жизнь там не соответствовала представлениям Генни, и уже в следующем году они вернулись в Мюнхен. Вскоре они присмотрели небольшой замок в стиле барокко, купили его и отреставрировали. Веселая гостеприимная Генриетта часто принимала гостей в новом доме. У нее уже четверо прелестных малышей. Высокие гости находят, что «они похожи на германскую расу, нордические дети». Все счастливы. Но даже высокопоставленные супруги Ширах побаиваются Гиммлера, стараясь поменьше бывать у того в доме. Грозный шеф гестапо дома полностью попадал под каблук своей жены. Генриетта вспоминает: *«Мы сидели за кофейным столиком. Фрау Гиммлер, серьезная женщина, третировала своего мужа. Я никогда не видела мужчину, который бы до такой степени находился под каблуком жены. Гиммлер истощал любезность, однако, чем любезнее он был, тем сильнее его третировали. Шеф СС дома был совершенной тряпкой и постоянно уступал жене. Фрау Гиммлер*

Генриетта фон Ширах

всегда обращалась к нему “Генрих” и очень строгим тоном. За ужином он ухаживал за собой сам, а жене все время предлагал попробовать то одного, то другого. Она на все отвечала одинаково: “Нет. Я ничего из этого не хочу”. Узнав, что у Гиммлера есть любовница. Генриетта страшно удивилась, как это он набрался смелости.

Как депутат рейхстага, Ширах в 1935 году голосовал за принятие «Закона о расах», а позже писал: «Я был антисемитом, и я думаю, что можно быть приличным антисемитом». Эту точку зрения разделяла и его жена.

Начало войны положило конец амбициям Шираха, который стремился достичь верховной власти в области воспитания молодежи. Кроме того, недруги начали исподволь против него компанию дискредитации, высмеивая его изнеженность и женственность, обвиняя его в пристрастии к «девичьим спальням», называя «берлинцем, пересевшим в кожаные баварские штаны». В результате интриг, вместо ожидаемого назначения послом в Америку, Гитлер назначает Шираха на менее важный пост – гауляйтера Вены, который тот занимал до 1945 года. Назначение выглядело, с одной стороны, как повышение, поскольку только гауляйтеры Берлина и Мюнхена были выше, но, с другой стороны, было четкое ощущение «почетной ссылки».

Супруги выбрали для жительства виллу, которую занимал их предшественник. К ней примыкал прекрасный сад, граничащий с ботаническим садом Ротшильда, который в то время уже осиротел, так как его владелец эмигрировал.

Венское издательство «Народный наблюдатель» приветствовало прибытие нового гауляйтера. Однако

население встретило супругов с едва прикрытой враждебностью, что их неприятно поразило. «*Нам даже в голову не приходило, что мы выступаем как представители ненавистного Гитлера, как узурпаторы, оккупанты*», — наивно говорила Генриетта.

Одной из основных задач, поставленных Гитлером перед Ширахом, было сделать Вену «городом, свободным от евреев». С момента присоединения Австрии к Германии, еврейское население буквально выдавливалось из страны с помощью то придуманных придиорок, то террора. Доктор Левенхерц, президент культурного общества, вынужден был ездить по всему миру, обращаясь к разным странам с просьбой принять австрийских евреев. В Эвиане состоялась конференция, на которой представители 32 государств обсуждали проблему беженцев. В результате ни одно государство не приняло австрийских евреев. К моменту приезда Шираха еврейская диаспора уменьшилась больше чем на треть. Их осталось чуть больше 60 тысяч.

Бальдур фон Ширах хорошо поработал в Вене во славу Гитлера: к 1942 году число жителей-евреев сократилось до 7 тысяч человек. Позднее он всю вину старался свалить на Гиммлера, а он будто бы полагал, что евреи в Польше будут работать ремесленниками в текстильной промышленности и вести примерный образ жизни. Генриетта вообще ни о чем не знала и даже не предполагала, что ее муж запретил евреям ходить в Венский лес и другие общественные парки, пользоваться трамваем, электричкой и почтой, зато по воскресеньям они обязаны были бесплатно рубить дрова и подметать

улицы города, покупать же продукты могли только в определенных магазинах. Гораздо больше ее волновало, что культурная жизнь города замерла. Талантливые актеры-евреи или были депортированы, или, кому повезло, смогли уехать за рубеж. Если актер был талантлив, но не еврей, он уезжал в Берлин, где жизнь была ключом.

Несмотря на войну, супруги вели светскую жизнь. В 1942 году они в своем доме отмечали 80-летие Герхарда Гауптмана, а спустя два года 80-летие Рихарда Штрауса, наградив многих почетных деятелей культуры. Но при этом Ширах распорядился закрыть старинный мужской монастырь в Клостернойбурге. Борман заявил, что население не возражает против закрытия монастырей, а Ширах поспешил выполнить пожелание. Потом супруги утверждали, что Борман приказал, а они не могли ослушаться. Несколько раз приезжал Гитлер, и вечера проводились в узком семейном кругу.

Позже Гитлер часто вспоминал эти поездки и говорил, что супруги Ширах «*полностью уловили атмосферу этого города*» и «*теперь, когда я снова буду в Вене, там не будет этого грязного хлама (евреев), это теперь свободный город*».

Весной 1943 года Генриетта была в Голландии и стала свидетельницей депортации еврейских детей и женщин. Она была шокирована и попросила объяснить, что происходит. Ее друг Мидль спокойно сказал: «Это эвакуация евреек». Узнав, что это делают немцы, она наивно предположила, что Гитлер ничего не знает. Мидль иронически предложил ей проинформировать фюрера.

Никто никогда не называл Генриетту глупой женщиной, но тем не менее, приехав на страстную пятницу в «Бергхоф», она стала возмущенно рассказывать увиденную в Голландии картину. В столовой наступила мертвая тишина. Все застыли в ожидании взрыва. Гитлер помолчал, потом воскликнул: *«Вы сентиментальны! Какое вам дело до евреев в Голландии»*. Кто-то из гостей подошел к Генни и шепнул: «Сейчас вам лучше уйти». Геббельс после этого написал в своем дневнике, что Генни вела себя, как глупая индейка, и цинично заметил, что супруги Ширак проявили сочувствие только тогда, когда почти 60 тысяч евреев одновременно депортировали из своих домов. Через некоторое время Генриетта обратилась к фюреру с просьбой перевести их в Мюнхен. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не Борман.

Этот вечный интриган везде видел угрозу. Строго говоря, Ширах совершенно не представлял угрозы для Бормана. Он вряд ли стал бы претендовать на место Бормана, да и Гитлер никогда не сделал бы такую перестановку. Тем не менее он постоянно рассказывал Гитлеру всевозможные анекдоты про Шираха, которые выставляли того перед фюрером в самом невыгодном свете, пока не добился того, что Гитлер перестал его приглашать. Теперь Борман был спокоен и стал даже нахваливать гауляйтера, однако иногда делал это столь двусмысленно, что у Гитлера появилась стойкая антипатия к нему.

В сентябре 1944 года начались бомбардировки Вены, и Ширах отоспал Генриетту с детьми в Бава-

рию. Весной 1945 года на подступах к городу уже были советские войска и Шираху пришлось думать об отступлении. Конечно, он не мог бежать с большим багажом, поэтому постарался упаковать в черный чемодан самые ценные вещи: картину Рубенса, одну Ренуара, несколько инкунабул, а также подлинники писем Гете к сыну Августу. По его словам, все это принадлежало его матери, которая происходила из очень богатой семьи. Можно предположить, что картины украшали стены дома, но такие вещи, как письма Гете и инкунабулы, обычно не держат в ящике письменного стола, да еще во время войны. Когда, после бегства наместника, австрийские борцы за свободу вошли в дом, то обнаружили много произведений искусства, которые раньше принадлежали замку Шенбрунн, Клостернойбургскому монастырю и другим музеям Вены.

Отрастив бороду и баки, что сильно изменило внешность, и достав хорошие документы на имя доктора Фалька, Ширах устроился переводчиком к американцам. «Золотой чемоданчик» он поручил своему адъютанту Хепке хорошо спрятать. Тот отдал его на хранение крестьянину в Пинцгау. Только Генни и Хепке знали пароль, по которому им могли отдать чемодан. Бальдур фон Шираха никто не искал, поскольку решили, что его убили рассерженные жители Вены.

Встретились супруги в лагере для интернированных лиц. Ширах, которого никто не подозревал, вдруг сам, по доброй воле явился к американцам и назвал свое настоящее имя. Генни восприняла это чуть ли не как

предательство по отношению к ней, так как рассчитывала уехать за границу. Теперь она осталась одна с маленькими детьми на руках.

В ноябре 1945 года Ширах оказался в тюрьме Нюрнберга, снова встретившись со старыми товарищами, а в декабре этого же года Генни поместили в женский лагерь «Тельце», отдав детей на попечение. Однако вскоре по непонятно какой причине она была отпущена. Через некоторое время ее опять посадили, но так как кроме членства в партии и брака с Ширахом инкриминировать ей было больше нечего, ее приговорили к штрафу и одному году условно. Бальдур фон Ширах на Нюрнбергском процессе был признан виновным против человечества и приговорен к 20 годам заключения. Почти все нацистские преступники, которым сохранили жизнь, еще в тюрьме начали пересматривать свое прошлое и доказывать, что Гитлер их просто одурачил, а они, бедные, многого не понимали. Там же в тюрьме многие из них начали писать мемуары, стараясь всячески себя обелить. Бальдур фон Ширах не был исключением; выйдя на свободу в 1966-м, он уже в следующем году опубликовал в Гамбурге книгу воспоминаний «Я верил Гитлеру». Умер он в Креве 8 августа 1974 года.

В перерыве между тюрьмами Генриетта вспомнила о «золотом чемоданчике» и решила, что настало время им воспользоваться. Она послала за ним верную женщину, которая назвала пароль и получила чемодан, но вместо картин и писем Гете там лежали шесть томиков стихов Бальдура.

Оставшись без чемодана и денег, Генриетта сменила имя и множество профессий. Одно время она работала у кинорежиссера Эрика Шарелла. В качестве фамилии она взяла имя одного из сыновей. Только все время путала какого — Рихарда или Роберта. Шарелль стал догадываться, что она что-то скрывает, и ей вскорости пришлось уйти, так как он никогда бы не стал работать с наци. Она переехала в Мюнхен и открыла контору по прокату фильмов. В отличие от мужа она даже не собиралась отказываться от своих национал-социалистических взглядов и решила запустить в прокат фильм о покушении на Гитлера в 1944 году, но это встретило резкий протест общественности. Генни подружилась с кинобизнесменом Петером Якобом и только решила, что жизнь налаживается, как опять попала на первые страницы газет. Новый друг оказался замешанным в банковских аферах. Генриетта подала на развод с мужем и в ноябре 1950 года снова стала свободной женщиной. Шпеер, который сидел вместе с Ширахом, пишет, что тот не очень расстроился, только попросил не издавать мемуары под фамилией Ширах. Это он хотел сделать сам, когда освободится. Шпеер философски заметил, что «речь, в конце концов, идет о браке, в котором объединились частично его власть и ее деньги».

Прошло несколько лет, и Петер Якоб обанкротился, вложив все деньги в сомнительную киносделку, и тут Генни опять вспоминает о «золотом чемоданчике». И вот в январе 1956 года она явилась в полицию города Инсбрука и заявила ошеломленному чиновнику, что в

послевоенной неразберихе у нее украли чемодан с ценныхными вещами. «*Может быть, солдаты завернули свой хлеб в письма Гете или сувенир, о ценности которого они не знали или за пачку сигарет продали оккупационным властям?*» – философствовала «Франкфуртер Альгемайн». Начался очередной процесс, Генриетта под присягой заявила, что до 1950 года она о чемодане не имела никакого понятия, что было опровергнуто свидетелями. В результате ей присудили штраф в 300 марок за дачу ложных показаний под присягой. Но процесс послужил хорошей рекламой ее только что вышедшей книге «Цена величия», в которой она пытается предстать в роли невинной жертвы, которая слишком поздно узнает о нацистских преступлениях. Однако доходы с книги позволяют неплохо жить.

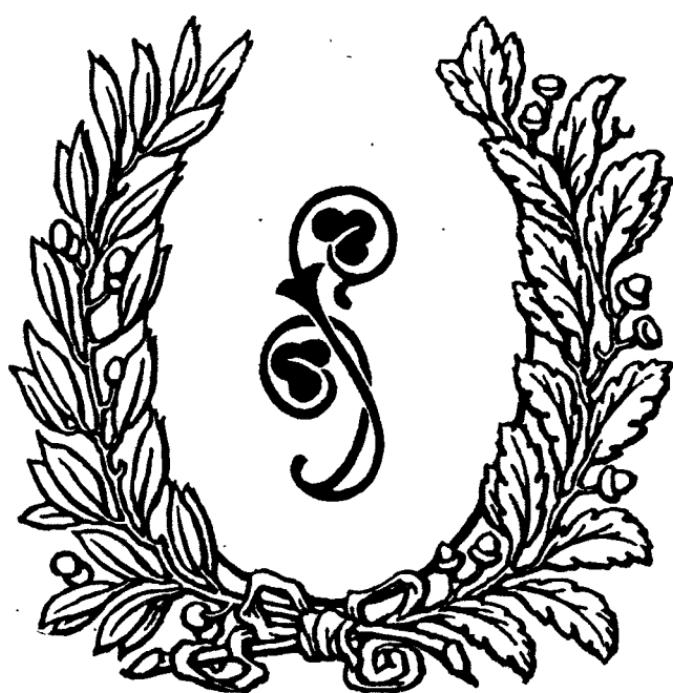
По случаю переиздания книги в 1976 году, австрийское телевидение пригласило автора принять участие в передаче «Клуб-2». Взгляды Генни не изменились, после процессов прошло много времени, и она, по наивности решив, что все забыто, начала объяснять венцам, как они должны гордиться своим великим земляком «австрийцем Гитлером». Потом сравнила американский лагерь для интернированных с концлагерями нацистов. В общем, разразился скандал, и еще долго после трансляции передачи продолжались горячие дебаты.

Генриетте понравилось писать книги, и, кроме того, надо ведь как-то зарабатывать на жизнь. В 1980 году выходят «Анекдоты о Гитлере», в 1983-м – «Женщины о Гитлере». Она охотно дает интервью, но с годами память слабеет и она уже смешивает правду и вы-

Генриетта фон Ширах

мысел, только ее любовь к Гитлеру остается постоянной. Она и книги пишет с этих позиций, желая показать, что Гитлер был добрый и мягкий, веселый, иногда немного грустный, а все плохое творилось без его ведома. Она так и прожила всю жизнь его маленькой ученицей.

27 января 1992 года Генриетта Гофман фон Ширах умерла.

И не только Гели, Ева и...

Все, что связано с личной жизнью Адольфа Гитлера, очень долгое время было окутано тайной. Даже после прихода к власти на вопросы, почему он не женится, Гитлер неизменно отвечал: «Моя жизнь принадлежит немецкому народу». При этом он очень любил флиртовать с женщинами, заигрывал с ними и они находили его «очаровательным и милым», чем Гитлер часто пользовался. Однако можно с большой долей уверенности сказать, что на протяжении всей своей жизни он не был способен ни к дружбе, ни к любви. Иоганна Вольф, работавшая личным секретарем Гитлера с 1929 года, рассказывала: «Мне неизвестно о его дружбе с кем-либо. Он был очень замкнутым человеком».

Отсутствие сочувствия, истинной симпатии, нежности и тем более любви проявилось в полной мере и в отношениях Гитлера с женщинами. Эрих Фромм подметил, что всех женщин, которые привлекали Гитлера, можно разделить на две категории. Первые – это респектабельные дамы, принадлежавшие к состоятельным или влиятельным кругам, известные актрисы; вторые – простые женщины, которые по своему социальному или интеллектуальному уровню стояли значительно «ниже

его». Состоятельные дамы из высшего общества снабжали партию деньгами и даже уговаривали мужей делать значительные пожертвования в партийную кассу, но до интимных отношений с фюрером дело обычно не доходило. Для близких отношений гораздо больше подходили женщины второй категории, но все любовные связи держались в строгом секрете. Меры конспирации и цензура были столь велики, что фотография, на которой он снят с женщиной, попала в газеты, и то по ошибке, единственный раз в 1936 году. Снимок был сделан во время Зимних Олимпийских игр. На нем Гитлер, который сидит в первом ряду, а позади – Ева с сестрой.

Свидетельские сообщения о молодых годах Гитлера не содержат никаких упоминаний о женщинах. Впервые он влюбился в семнадцатилетнем возрасте в хорошенькую белокурую девушку по имени Стефани. Она была на несколько лет старше, и это было обычное юношеское увлечение, когда девушка кажется недосыпаемой. Он написал ей письмо, в котором объяснил, что он студент, обожает ее и будет просить ее руки, как только окончит учебу. Гитлер даже не делал попыток познакомиться лично, поскольку считал себя недостойным ее. У него в памяти она так и осталась «необыкновенным созданием», и всю жизнь он любил белокурых, пухленьких женщин, которые, возможно, чем-то напоминали его юношеское увлечение.

С августа 1914 до конца 1918 года Гитлер находился на Западном фронте. Впоследствии много шума наделало заявление некой Шарлотты Лобжуа, которая, умирая, призналась своему внебрачному сыну, Жан-Мари

Лоре, что его отцом был Адольф Гитлер, но добавила, что «тебе не стоит из-за этого горевать и стыдиться». Гитлер написал портрет этой восемнадцатилетней девушки, на котором она выглядела, как цыганка, красный платок покрывал голову, а блузка расстегнута и открывает грудь. Выразительные, большие, лукаво-вызывающие глаза являются центром притяжения на широковато-плоском лице пышногрудой возлюбленной. Гордость обладания сквозит в картине, но это не помешало покинуть ее еще до рождения ребенка, воспользовавшись отпуском домой. Шарлотта впоследствии переехала в Париж, где выступала танцовщицей, а когда в 1940 году бывший любовник оккупировал Францию, из-за постоянного страха начала много пить и умерла в 1948 году, 54 лет.

После оккупации страны Гитлер приказал Гиммлеру найти его бывшую возлюбленную и сына. Их нашли, но фотографию спившейся Шарлотты он с отвращением отбросил, а сына, по утверждению В. Мазера, он несколько раз пытался взять к себе, признавая себя его отцом. Когда в пятидесятых годах Лоре с делегацией посетил концлагерь «Дахау», он смущенно сказал, что «не выбирал» себе отца.

В 1926 году в Берхтесгадене Гитлер знакомится с шестнадцатилетней Марией Райтер, дочерью соучредителя СПД в Берхтесгадене. В 1927 году она пыталась повеситься, когда поняла, что Гитлер хочет вступить с ней в определенные отношения, ~~но отнюдь не собирается~~ жениться. Это была первая жертва любви, но далеко не последняя. В 1930 году она вышла замуж

за инсбрукского владельца гостиницы, с которым переехала в Зеefельд. Несмотря на неудавшуюся любовь и даже попытку самоубийства, в период с 1931 по 1934 год она часто встречается с Гитлером. Семейная жизнь с мужем тоже оказалась несчастливой и в 1934 году они развелись. Следующий муж, гауптштурмфюрер СС Кубиш, погиб в 1940 году во Франции. Она часто посещала родительский дом Гитлера в Леондинге, а после войны жила у сестры Гитлера Паулы, которая умерла 1 июля 1960 года в Шенеу.

Различные источники упоминают невероятное количество женщин, с которыми был близок Гитлер. При таком количестве женщин становится не совсем понятно, когда же он работал. Он действительно любил общество красивых женщин и часто об этом говорил, но во всех его рассуждениях сквозит вместе с тем пренебрежительное отношение к ним, он считал всех женщин недалекими и мечтающими только о мужчинах. При этом все отмечали его робость в общении с женщинами. Он часто распространялся о том, что «*по сравнению с миром женщины мир мужчины гораздо больше. Мужчина весь во власти долга и лишь иногда возвращается в мыслях к женщине*». При его гипертроированном самомнении, возможно, ему просто необходимо постоянное восхищение женщин. Несмотря на такое пренебрежительное мнение о женщинах, он каждую заставляет поверить, что считает ее красавицей, восхищается ею и боготворит. Каждой даме он целует руку, шепчет комплименты и дает понять, что она единственная. В присутствии дам его гортанный голос преображается, становит-

ся мягким и вкрадчивым. Он знает об этом и немного играет. Женщинам позволяются даже такие высказывания, которые мужчине могли стоить свободы. Когда Ильзе Браун резко высказалась против его отношения к евреям, он только чуть иронично заметил, что, возможно, у каждого есть любимый еврей.

Примечательно, что если мужчины-соратники сразу после войны начали выставлять себя жертвами, которых Гитлер просто одурачил и которые ничего не знали, то почти все женщины сохранили ему верность. Многие говорили, что то, что он делал, ужасно, но он такой необыкновенный, талантливый мужчина. Они хранят и лелеют память о нем, а при воспоминаниях делают многозначительные паузы, которые будоражат воображение и заставляют думать о том, чего, возможно, никогда не было.

Если бы они познакомились с ним, когда он был на вершине власти, можно было бы предположить, что это играет определенную роль, но многие были дружны с ним с начала 20-х годов, когда еще нельзя было знать, как повернется история.

Примерно в 1921 году Гитлер как-то встретил в трамвае знакомого Эрнста Ганфштенгеля, который представил его жене. Она потом писала, что Гитлер произвел на нее неизгладимое впечатление с первой встречи. Началась дружба, которая продлилась много лет. Жена Ганфштенгеля была красивой женщиной с утонченными манерами аристократки. Гитлеру нравилось бывать в их доме, но однажды, когда Эрнст на несколько минут вышел из комнаты, Гитлер упал перед ней на колени, назвал себя ее рабом и стал сетовать на судьбу за то, что

она слишком поздно подарила ему горькое и вместе с тем сладкое переживание от встречи с ней. Он вел себя, как маленький мальчик, положил голову ей на колени. «*Было бы ужасно, если бы кто-нибудь вошел в комнату. Унизительно для него.*»

Эту же сцену потом вспоминал сын Ганфштенгля, Эгон. По его словам, он именно в этот момент случайно зашел в комнату и увидел их. Мать тут же принялась утешать Гитлера, который якобы разревелся, как мальчишка. Эгон убежден, что сердце матери принадлежало этому человеку. Возможно, потому, что даже спустя десятилетия Хелена не без гордости говорила, что она чуть ли не единственная женщина, которая была способна «высечь из него случайную искру веселья».

Подобную ситуацию рассказывала Рената Мюллер, киноактриса, в 1935 году Цайсслеру. «*Она была уверена, что он (Гитлер) собирается вступить с ней в интимную связь. Они разделись и уже совсем собрались было отправиться в постель, как вдруг он бросился на пол и потребовал, чтобы она наступила на него. Она запротестовала, но он продолжал настаивать, называя себя недостойным, осыпал себя обвинениями и мученически извивался перед ней. Эта сцена была для нее невыносима, и в конце концов она уступила его желанию и стала топтать его ногами. Это очень его возбудило, он просил еще и еще и при этом все время говорил, что он не заслуживает этого и не стоит даже того, чтобы находиться с ней в одной комнате. Чем больше она его топтала, тем сильнее он возбуждался.*»

Жизнь Ренаты Мюллер окончилась трагически. В 1936 году она выбросилась из окна. Многие полагали, что к этому причастен Гитлер.

Видимо, мазохистское поведение – покорное подчинение скипетру женщины в условиях интимного единения – всегда было свойственно Гитлеру.

В «Волчьем логове» Гитлер часто вспоминает о встречах с красивыми женщинами. Г. Пикер все старательно записывал. Ночь с 25 на 26 января 1942 года. *«Ах, какие есть женщины! Мы как-то сидели в погребке при ратуше в Бремене. И тут вошла женщина: воистину можно было поверить, что к нам с Олимпа спустилась богиня. Просто ослепительная красота. Все, кто был в погребке, побросали ножи и вилки. И глаз не сводили с этой женщины.*

В “Байерише Хоф” я однажды присутствовал на каких-то торжествах. Множество красавец ослепляли блеском своих бриллиантов. И тут вошла такая красивая женщина, что рядом с ней все померкло. Это была жена Ганфштенгля. Я как-то встретил ее у Эрны Ганфштенгль вместе с Мари Штук. Три женщины, одна красивее другой, вот это была картина».

Эрна, сестра Эриста Ганфштенгля, была красивой, пышногрудой блондинкой, с копной пышных волос.

Одевалась она, по тем временам, немного шокирующее: короткая юбка, простая блузка, никаких украшений и ярко накрашенных губ. Эрна тоже оставила свои воспоминания о фюрере, в которых писала: *«Безусловно, Гитлер не был нормальным человеком. Его сексуальная извращенность не знала границ. Но свои чудовищным*

разумом он подавил в себе плотское начало. Единственным исключением, пожалуй, была в этом смысле простушка Ева Браун, которую он не любил, но которой был благодарен за преданность. Они были нужны друг другу». Бедная Ева, ее все называют то «простушкой», то «глупышкой», и все потому, что Гитлер предпочел ее всем остальным. Она не была интеллектуалкой и, конечно, не была аристократкой, но была совсем не так глупа, как ее хотят представить отвергнутые женщины.

Хлебников приводит интересный разговор, который состоялся у Эрны с Канарисом, когда фюрер был в зени-те славы, а приближенные не сомневались в характере их отношений. На вопрос Канариса, как она относится к фю-реру, та ответила: «Честно говоря, Гитлер является нич-то-жнейшей и презреннейшей вошью, которая когда-либо ползала по земле». Довольно странный ответ для влю-бленной дамы, но, может, он тоже продиктован ревностью, тем, что не сумела стать единственной. Она, действитель-но, не разделяла взгляды Гитлера, ей претил его антисеми-тизм, но почему тогда она была с ним в близких отноше-ниях? Тем не менее ей понятна природа его отношения к евреям: «их женщины имели лучшие бриллианты, меха и духи». Но ведь это самая банальная зависть!

Гитлер знал, какое влияние он оказывает на женщин, и пользовался этим. Не случайно именно они были глав-ными покровителями Гитлера и его партии. В 1923 году даже газеты писали «о влюбленных женщинах», кото-рые жертвовали или одолживали ему деньги. Елена Бехштейн, жена фортепьянного фабриканта, сказала, как написано в протоколе допроса полицейского управле-

ния Мюнхена от 27 мая 1924 года, что не только ее муж поддерживал НСДАП «неоднократно... деньгами», но и от нее Гитлер получал значительные взносы. «Но не деньгами», — заявила она и уточнила: «Я сказала бы скорее, что давала несколько произведений искусства для использования, заметив, что он может делать с ними, что хочет. Речь идет о художественных изделиях, представляющих большую ценность». Гертруд фон Зейдлиц дала показания 13 декабря 1923 года в мюнхенской полиции, что она не только поддерживала Гитлера собственными деньгами и склоняла других кредиторов в Германии и за границей поддерживать Гитлера финансами, но и возмещала своими акциями суммы, направленные НСДАП по их инициативе.

Одной из самых близких подруг Гитлера является Винифред Вагнер, жена сына Рихарда Вагнера. Уроженка Англии, она переехала после замужества в Германию, в маленький городок Байрейт. Еще в 1876 году по замыслу Рихарда Вагнера в городе был создан Байрейтский театр (*«Фестшильхауз»*), а с 1882 года здесь проводятся Байрейтские фестивали, когда исполняются оперы Вагнера. После смерти Р. Вагнера, фестивали организовывал его сын. Зигфрид умер в 1930 году, и все заботы по организации фестивалей взяла на себя его жена, Винифред. Вначале Гитлер был дружен с Зигфридом, но с 1923 года он уже значительно ближе его жене. Они познакомились в тот год, когда провалился «пивной путч» и Гитлеру грозила тюрьма. В своих мемуарах Хелена Ганфштенгль пишет, что Гитлер в панике прибежал к ней в дом, чтобы спастись от

преследования полицейских. Назавтра ей пришлось буквально бороться с ним, потому что она застала его с пистолетом в руках и он хотел застрелиться из-за провала путча. Его все-таки посадили на 9 месяцев в тюрьму, в которую бегали все три верные женщины: Винифред, Хелена и Елена Бехштейн. Они носили ему теплую одежду, продукты, бумагу, чтобы он мог написать свою знаменитую книгу «Моя борьба», умоляли его прекратить голодовку, когда она стала угрожать его жизни. Все три были поглощены любовью.

Трудно сказать, как относился ~~сам~~ Гитлер к Винифред. Он считал Вагнера самым великим композитором Германии, и, конечно, это объединяло их. Возможность войти в аристократическое высшее общество прельщала, а проявлять интерес к культурной жизни обязывало положение. Кроме того, слушать прекрасную музыку в обществе красивой женщины приятно любому мужчине. Хотя, по свидетельству Шпеера, Гитлер посещал оперу в основном на Вагнеровских фестивалях. Он часто приезжал к Вагнерам, обязательно на фестиваль, даже во время войны старался не пропускать их, и в любое другое время, когда имелась возможность. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1942 года он с грустью вспоминал поездки в Байрейт: *«Я прибыл в Байрейт в 11 часов вечера. На следующий день утром пришла госпожа Вагнер и принесла цветы... Я уже много лет не был там, что само по себе достойно сожаления. Frau Вагнер очень печалится по этому поводу, она мне двенадцать раз писала и двадцать раз звонила по телефону. Я так часто проезжал через Байрейт и*

всегда наносил ей визит. Но фрау Вагнер – и в этом ее великую заслугу – связала Байрейт с национал-социализмом, поскольку в личном плане Зигфрид был жен со мной, но в политическом отношении вел себя пассивно».

Гитлер, видимо, действительно очень тепло относился к фрау Вагнер, потому что осенью 1935 года, когда он ехал в Нюрнберг на достаточно важное совещание, сделал остановку в Байрейте. Вот как описывает это Шпеер: «Незадолго до Байрейта Гитлер приказал остановить машину и пересел в маленький закрытый «мерседес», который вел его личный фотограф Гофман, после чего, никем не узнанный, спокойно доехал до виллы «Ванфрид», где его поджидала фрау Винифред Вагнер, мы же отправились прямиком на расположенный по соседству курорт Бернек... Гитлера лишь среди ночи увезли с виллы «Ванфрид»...»

Иногда Гитлер приезжал на фестиваль с друзьями, которые жили на частных квартирах. Сам он всегда жил в пристроенном к вилле крыле. Гостей для Байрейта Гитлер подбирал невероятно тщательно, с таким расчетом, чтобы они обязательно понравились Вагнерам. В их доме он мог быть свободным и раскованным, ему не надо было символизировать власть, он мог быть самим собой. «Он был весел, держался с детьми, как отец, а с Винифрид – дружественно и заботливо», – пишет Шпеер.

Гитлер так и остался у нее в памяти как милый и обаятельный человек. Ее как будто и политика не интересовала, но тем не менее она смотрела на мир его глазами. Винифред всегда утверждала, что у них

никогда не было романа. Если иметь в виду интимные отношения, то, возможно, их и не было, но было восхищение ее привлекательностью и мягкостью, женственностью с его стороны; он же завораживал ее мечтами о свободной, сильной, поднявшейся из руин Германии; теперь прибавьте к этому общую любовь к немецкой музыке, доброе отношение к детям и обаяние. Такой союз гораздо крепче минутной интимной близости. Она и сейчас не хочет знать Гитлера, который совершил преступления, это другой, незнакомый ей человек. Дж. Макнайт посетил Винифред в Байрейте и беседовал с ней, но, по его словам, «наталкивался на непреодолимую стену замкнутости». «Вы должны понять, — говорит она, — что моя единственная цель — исправить то ложное представление, которое сложилось об этом уникальном человеке».

Винифред всегда утверждала, что у нее с Гитлером были только дружеские отношения, ни о какой любви, а тем более браке даже речи никогда не было и быть не могло. По ее словам, он не мог никогда жениться, «потому что он принадлежит своей стране». Она бы тоже не могла выйти замуж, поскольку «после смерти мужа я должна организовывать фестивали. И Зигфрид перед смертью просил, чтобы я сосредоточила все свои силы на этом. Фактически это пункт завещания». Она рассказывала Макнайту: «Он восхищался мной, а я им. Мы никогда не думали ни о чем другом, когда были вместе, нас интересовало множество вещей, музыка и тому подобное. Мы никогда не говорили о политике. Нашим миром была музыка, музыка Вагнера».

У Винифред две дочери — Фриделинд и Верена. Дети были совсем маленькими, когда Гитлер сталходить в дом. Они называли его «дядей», и он любил проводить с ними время, но не оказал такого влияния, как на Генриетту. Однако полностью преданной ему была только Винифред.

После войны против Винифред было возбуждено уголовное дело, ее обвиняли в поддержке нацистского режима. Суд присудил ее к принудительным трудовым работам, конфискации имущества, а также запретил проводить фестивали. Через два года ей вернули английское гражданство и разрешили опять проводить фестивали.

Фриделинд после войны выпустила книгу «Королевская семья Байрейта». Она пишет, что, побывав в Англии, она ужаснулась зверствам по отношению к евреям, а вернувшись в Германию, услышала рассказы «о фантастических празднествах в канцелярии, об огромных суммах, расходуемых на танцов и шампанское... о его баснословно дорогой вилле и о дорогих украшениях для любовницы». Образ Гитлера, который у ее сложился с детства, начал меняться. Ей стало жутко, и она уехала в Швейцарию, а потом в Англию.

Можно было бы поверить Винифред, что ее совсем не интересовала политика, если бы не история ее дочери, рассказанная Макнайту во время их встречи в Англии. До сих пор Фриделинд с грустью вспоминает встречу с матерью перед войной. «Она верила ему абсолютно. Ничто не могло изменить этого. Она думала, что он ангел. Она не желала знать об ужасных вещах, творившихся с евреями и другими людьми, от которых

он собирался избавиться. Я была вынуждена прятаться в Цюрихе, пока она не нашла меня. Я боялась, что она может прийти вместе с СС, чтобы вернуть меня». Далее она рассказывает, что мать никак не могла понять, как это Фриделинд не понимает, какой проницательный и умный Гитлер, как мудро он управляет государством. Наконец дочь не выдержала и спросила: «Неужели ты веришь ему? Он обманывает тебя, как и всех остальных».

Винифред печально продолжает рассказ: «Мама сидела прямо, ее добре, оживленное лицо резко изменило выражение, на нем появился ужас, а затем и холодная ненависть. Она не разозлилась бы так сильно, даже если бы я засомневалась в чистоте Бога. Затем она сказала: “Ты сейчас будешь заперта... Ты должна немедленно вернуться в Германию, где будешь жить в безопасном месте... на время войны... Если не согласишься, ты будешь похищена. А если и эти меры не принесут результата, ты будешь уничтожена...”» Какой же силы должно было быть чувство к Гитлеру, если оно смогло поколебать любовь к дочери! Какими качествами должен обладать человек, способный внушить такое поклонение, и не какой-то глупенькой молоденькой девушке, а умной, образованной женщине, матери пятерых детей. Вероятно, более чем справедлива фраза в мемуарах Эрны Ганфштенгль: «Фюрер возбуждал в женщинах священный трепет, граничащий с экстазом».

Фриделинд не думает, что между матерью и Гитлером были интимные отношения. У нее вообще свой взгляд на

визиты фюрера в их дом. Конечно, его очень привлекала Винифред, но, пишет Фриделинд, «я думая, что наша семья пришла к нему очень кстати. Я подозреваю, что именно это было причиной столь частых посещений нашего дома. Он задерживался далеко за полночь, беседуя в маминой гостиной. Люди всегда собирались возле него и слушали. Было некое гипнотическое воздействие, которое он всегда оказывал на людей, произнося речи с трибуны. Те, кого мама приглашала для встречи с ним, были в восторге. Часто это были влиятельные люди, мама могла сделать для него многое. Я думаю, она верила, что он станет спасителем человечества».

Однако надо иметь в виду, что если Елена Бехштейн и многие другие были нужны, потому что жертвовали громадные деньги партии, то в данном случае Гитлер сам выделял достаточно большие суммы для поддержки фестивалей и даже помогал привлечь зрителей во время войны. По свидетельству Шпеера, «Борман ежегодно раскошелывался на несколько сот тысяч, чтобы сделать фестиваль вершиной оперного сезона».

Сейчас Винифред уже совсем пожилая, но сохранившая былое очарование женщины. Она не устает повторять, что ее никогда не интересовала политика, но «если бы сейчас Гитлер вошел в эту дверь, я была бы рада его видеть, как никогда раньше». Она до сих пор является живым напоминанием власти и могущества сильной личности Гитлера над людьми. Во мне всегда вызывали бесконечное уважение женщины, способные на такие сильные чувства и такую верность. Каждый человек сам выбирает свою судьбу.

Список литературы

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.

Мазер В. Адольф Гитлер. Ростов н/Д, 1999.

Макаревич Э. Женщины Гитлера// Диалог. 1994 г.

№ 2.

Макнайт Дж. Винифред// Архетип. 1996 г. № 4

Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Ростов н/Д, 1999.

Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.

Подковинский М. В окружении Гитлера. М., 1981.

Райх В. Психология масс и фашизм. СПб, 1997.

Толанд Д. Адольф Гитлер. 1 и 2 т. М., 1993.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности.

М., 1994.

Хлебников Г. Интимная жизнь Гитлера. СПб, 1998.

Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.

Штрассер О. Гитлер и я. Ростоа н/Д, 1999.

Щелков К. Из мемуаров Л. Баровой// Комсомольская правда. 25 сентября 1999 г.

Серия «Исторические силуэты»

Простаков Сергей Владимирович

Жены и любовницы нацистов

Ответственный

редактор: *Баранчикова Е.*

Редакторы: *Шумкина Н.*

Корректоры: *Племя С.*

Художник: *Пыльцын М.*

Компьютерный

дизайн: *Орленко А.*

Лицензия ЛР № 065194 от 2 июня 1997 г.

Сдано в набор 20.10.99 г. Подписано в печать 01.12.99 г.

Формат 84x108^{1/32}. Бумага газетная.

Гарнитура Петербург.

Тираж 10000. Заказ № 357.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «ФЕНИКС»

344007, г. Ростов н/Д,

пер. Соборный, 17

*Отпечатано с готовых диапозитивов в ЗАО «Книга»
344019, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57*

Издательский клуб
Книжный мир - почтой
предлагает Вашему вниманию лучшие
книги и книжные серии
издательства «ФЕНИКС»

*Мы выпускаем в свет книги
для всех слоев населения.*

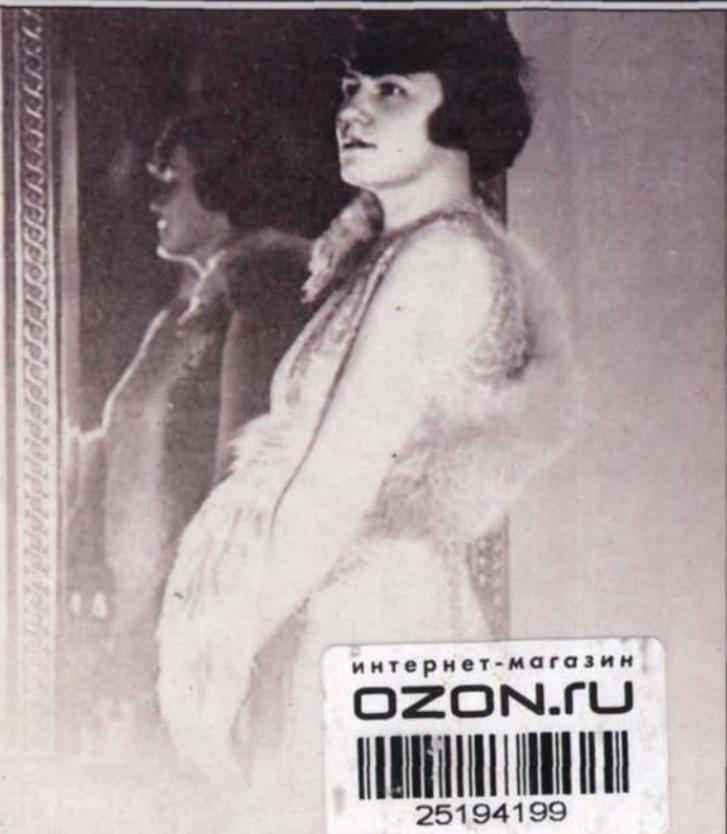
*Любой человек с самым изысканным вкусом
найдет для себя интересную
и, главное, нужную книгу.*

Наш адрес:
344010 г. Ростов-на-Дону 10, а/я 515
Каталог высылается БЕСПЛАТНО.

*Книги ООО ТД Феникс в городе
Санкт-Петербурге представляет
Санкт-Петербургский
ДОМ КНИГИ*

Адрес:
Невский проспект, 28
<http://www.cbc.spb.ru>
тел. 219-65-04, 219-65-91
факс: 311-98-95

ИСТОРИЧЕСКИЕ СИЛУЭТЫ

интернет-магазин
OZON.ru

25194199

В книге показана роль женщин не только в личной жизни партийной элиты НСДАП, но и в становлении самого нацизма в Германии.

ISBN 5-222-00983-1

9 785222 009833

